

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 378.14
ББК 74.5

Ю. В. Баканова

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Рассматриваются основные направления языковой подготовки курсантов военных вузов в современных условиях. Целью языковой подготовки является формирование и поддержание у обучаемых такого уровня владения иностранным языком, который позволил бы осуществлять обработку, анализ и оценку военно-научных текстов. Приводятся примеры интенсификации подготовки по иностранному языку посредством участия курсантов в научно исследовательской работе.

Ключевые слова: языковая подготовка, профессиональная компетентность, саморазвитие, текст, информация.

Проводимая реформа системы военного образования характеризуется изменением целей, содержания, приемов и средств обучения в вузе, то есть способа построения образовательного пространства. В современных нормативных документах и директивах Министерства обороны РФ подчеркивается, что развитие военного сотрудничества с зарубежными странами, расширение обмена информацией военного характера, организация и проведение совместных учений и маневров, партнерство в подготовке военных кадров порождают потребность в офицерах, свободно владеющих иностранными языками для профессиональной деятельности.

Особенностью иноязычной подготовки военного специалиста в современных условиях является ее направленность как на усвоение лингвистических и социокультурных знаний, так и на совершенствование интеллектуальных, мыслительных способностей, обеспечивающих эффективное решение военно-профессиональных и коммуникативных задач средствами иностранного языка.

По мнению Т. В. Лариной в настоящее время, когда реформирование системы военного образования направлено на обеспечение готовности офицерского корпуса к инновационной деятельности, возрастает необходимость применения иностранного языка как средства формирования профессиональной направленности обучения и стремления получать военно-профессиональные знания по возможно большему числу коммуникативных каналов [4].

Реализация компетентностного подхода к организации процесса иноязычной подготовки

курсантов позволяет определить задачи изучения предмета «Иностранный язык» как формирования лингвистической, самообразовательной, коммуникативной и социокультурной компетенций, а также формирования мотивации и воспитания профессионально значимых качеств офицера Вооруженных сил РФ.

Анализ психолого-педагогической, филологической, лингвистической и методической литературы дает основание для использования термина «языковая» или «лингвистическая подготовка» по отношению к процессу обучения языка в военных вузах [7; 8; 9]. Понятие «языковая подготовка» включает в себя такие компоненты, как личностно-ориентированное обучение, активизация процесса обучения, иноязычная речевая деятельность, мотивация к совершенствованию в речевой деятельности, к изучению языков, а также формирование коммуникативной компетенции.

Под активизацией процесса обучения в военном вузе А. В. Столяров понимает «процесс взаимодействия преподавателя и курсантов, направленный на развитие познавательной и творческой активности субъектов учебного процесса, выработку самостоятельной, инициативной позиции на основе использования инновационных педагогических технологий» [3. С. 17].

Специфика военного вуза связана со строгой регламентацией жизни и, в частности, процесса обучения. Задача преподавателя – заинтересовать обучающихся, создать на занятии условия для осуществления когнитивной деятельности и проявления творческих способностей каждого курсанта.

Для этого необходимы активизация и развитие познавательной и творческой деятельности обучающихся, повышение результативности учебного процесса, формирование профессиональных компетенций.

Одним из основных компонентов языковой подготовки курсантов является развитие иноязычной речевой деятельности курсантов.

Развитие иноязычной речевой деятельности обучаемых представляет собой целенаправленный процесс как формирования, так и преобразования речевой деятельности, в ходе которого отработка речевых действий приводит к формированию речевых умений и навыков, что, в свою очередь, повышает качество образования курсантов.

Одна из главных задач педагога – создать условия для саморазвития каждого учащегося. Одним из таких условий является правильно организованная самостоятельная работа учащихся при изучении иностранного языка, так как глубокие прочные знания и устойчивые умения могут быть приобретены только в результате самостоятельной работы. Важно сформировать у курсантов умение формулировать основные цели выполненной работы; анализировать ситуацию и делать выводы, абстрагировать содержание и выделять существенное; оформить информацию в виде реферата или доклада; планировать самостоятельную работу, использовать современные справочные источники; осуществлять самоконтроль за работой, объективно оценивать результат и так далее.

Эффективная организация самостоятельной работы студентов, конечно же, должна опираться на базу методического обеспечения: например, компьютерные программы для самостоятельной работы, учебные пособия, включающие тексты для самостоятельного чтения, разделы по научному аннотированию и реферированию литературы по специальности, сборники упражнений и тестов по грамматике для самоконтроля и так далее. Грамотно организованная самостоятельная работа студентов позволяет ликвидировать в процессе обучения ориентацию на «среднего» учащегося, повышает заинтересованность в достижении лучших результатов в учебной деятельности для большей профессиональной отдачи в будущем. Курсанты приобретают умение целенаправленно формировать себя как творческую личность, управлять собственной деятельностью и поведением. Погружение обучаемого в тех-

ноязыковую среду, несомненно, способствует интенсификации процесса обучения иностранному языку [7].

Язык обучаемого сегодня насыщен научными, техническими и специальными военными терминами, с которыми он знакомится в процессе обучения на своих спецдисциплинах и довольно четко представляет себе их значение. Такого рода знание необходимо использовать в процессе обучения иностранным языкам, тем более, что многие из этих специальных слов являются интернациональными. Эти слова могут выступать как опоры в процессе погружения в техноязыковую среду, с одной стороны, а с другой – способствовать процессам интеграции специальных дисциплин и преподавания иностранного языка будущим специалистам.

Междисциплинарные связи играют немаловажную роль при обучении иностранному языку и тесно взаимосвязаны с тем жизненным опытом, которым располагают студенты на момент обучения и который формируется у них в процессе овладения специальностью. В этом случае возникает вопрос определения общих проблем и на основе уже имеющихся знаний совмещения видения проблемы и возможных вариантов ее решения на иностранном языке. Поскольку достижение успешных результатов обучения, в том числе и иностранному языку, в решающей степени зависит от направленности, степени самостоятельности, проявления творческих способностей и внутренней активности обучаемых, характера их деятельности, то именно эти факторы должны служить важным критерием выбора метода, которым преподаватель достигает в процессе обучения поставленных перед собой задач. Учет и применение педагогом высшей школы таких аспектов преподавания, как жизненный опыт студентов, погружение в техноязыковую среду, использование междисциплинарных связей, направлено на активизацию языковой подготовки будущих военных специалистов.

В соответствии с Приказом Министра обороны РФ № 2617 от 31 августа 2012 г. «О мерах по усилению лингвистической подготовки курсантов высших военных образовательных учреждений высшего профессионального образования МО РФ» иностранный язык занимает особое место в системе дисциплин по подготовке будущего военного специалиста [6].

Программы по изучению иностранного языка на основе ФГОС ВПО и квалификационные требования к военно-профессиональной под-

готовке выпускников военно-учебных заведений МО РФ охватывают когнитивный, коммуникативный и аналитический аспекты речевой деятельности. Лингвистическая подготовка курсанта должна включать не только базовые составляющие (речевые клише, активную лексику и грамматику, применимые в условиях повседневной коммуникации), лингвострановедческий материал, специальную лексику, но и работу с материалами военно-научной направленности.

Лингвистическая работа военно-научного характера на занятиях по иностранному языку заключается в реферировании и аннотировании материалов периодических изданий и обзоре новостных сюжетов и сообщений ведущих зарубежных телеканалов и радиостанций. Обработка такого рода информации в ходе чтения или аудирования не ограничивается навыками восприятия и понимания иноязычной речи, а предполагает передачу содержания с последующим анализом услышанного или увиденного, который сопровождается сопоставлением данных иностранных источников со сведениями, предоставляемыми российскими СМИ. Данный вид сравнительного анализа особенно актуален в условиях обострения геополитического соперничества, поскольку современная тенденция ведения политики особенно ярко проявляется в форме информационных войн.

Важность владения иностранным языком на уровне, достаточном для восприятия, понимания и усвоения аутентичной информации военно-политического характера, заключается в доступе к источникам, перевод которых на русский язык отсутствует. Следовательно, целью лингвистической подготовки курсантов в военном образовательном учреждении является формирование и поддержание у обучаемых такого уровня владения иностранным языком, который позволил бы осуществлять обработку и оценку информационных материалов зарубежных СМИ.

Работа с текстами военно-политической тематики способствует повышению политической культуры обучаемых, а также расширению их кругозора относительно событий международного значения.

Важным фактором выступает высказывание личной точки зрения на ту или иную ситуацию, оценка происходящего, прогнозирование возможных последствий, что является необходимым условием формирования военно-политического мышления военного специалиста.

Лингвистическая подготовка курсантов в большинстве военных вузов осуществляется на базе кафедры иностранных языков. Однако объем часов на изучение иностранного языка, различный уровень базовой школьной подготовки обучаемых и другие факторы зачастую не позволяют кафедрам осуществить языковую подготовку на высоком уровне.

Такая ситуация обусловила необходимость обращения особого внимания на поиск возможных путей интенсификации подготовки по иностранному языку посредством внедрения инновационных технологий обучения, повышения качества их самостоятельной работы, привлечения к научно-исследовательской работе в кружках.

На кафедре иностранных языков филиала военного учебно-научного центра Военно-воздушной Академии (г. Челябинск) проводится военно-научная работа курсантов в рамках военно-научного кружка. Членом такого кружка может стать любой слушатель, успешно осваивающий учебную программу и изъявивший желание участвовать в военно-научной работе.

Работа в военно-научном кружке включает в себя лекционные и индивидуальные занятия, участие в конкурсах и конференциях. Лекционные занятия имеют целью ознакомить курсантов с общими вопросами языкознания, заложить основы владения военной терминологией, сформировать умения и навыки основных видов перевода, реферирования и аннотирования военных материалов. Индивидуальные занятия представляют собой работу научных руководителей с курсантами по проведению конкретных научных исследований, подготовке к публикации научных статей, выступлениям на конференциях филиала.

Результаты своих исследований курсанты могут представить на ежегодной военно-научной конференции курсантов филиала учебного центра Военно-воздушной академии. Конференция проводится по различным направлениям и включает пленарное и секционные заседания. По итогам работы конференции выпускается сборник научных статей.

Так, например, курсанты одной из учебных групп 2 курса подготовили научно-исследовательскую работу по теме «Перспективы развития беспилотных летательных аппаратов в России». Представленный реферативный и исследовательский материал изложен на 32 листах. Список использованной литературы включал в себя 19 наименований. Курсанты обозначили

актуальность, цель, задачи, научную новизну исследования. Практическая значимость исследования состояла в использовании данного материала на занятиях по английскому языку в рамках тем, касающихся работы с текстами военной направленности. Учащиеся обобщили оригинальные иноязычные источники по данной тематике и сделали перевод их с английского языка на русский.

Исследование содержит материал на русском и английском языках об истории развития и первом испытательном полете беспилотного летательного аппарата. Также было проведено сравнение технических возможностей американских и российских самолетов. Выступление на заседании военно-научного кружка сопровождалось показом видеосюжета и презентации, демонстрирующей фотографии, документы, текстовый материал.

Представленное исследование заинтересовало аудиторию, привлекло внимание курсантов, повысило мотивацию к изучению иностранных языков.

Таким образом, изучение иностранных языков в Военном учебно-научном центре не ограничивается рамками, предусмотренными учебным планом. Значительное внимание в совершенствовании лингвистической подготовки учащихся уделяется внеаудиторной деятельности, участию в научно-исследовательской работе, которая вызывает живой интерес курсантов, активизирует их мыслительную деятельность, способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Андреев, В. И. Педагогика высшей школы / В. И. Андреев. – Казань, 2005. – 500 с.
2. Байденко, В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения / В. И. Байденко. – URL: <http://dap.vvsu.ru>.
3. Бережная, И. Ф. Активизация процесса обучения курсантов в военно-научных заведениях на основе применения модульно-рейтинговой технологии / И. Ф. Бережная, А. В. Столяров // Перспективы науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 16–19.
4. Ларина, Т. В. Системный подход к проблеме диагностирования и прогнозирования качества высшего военно-профессионального образования курсантов / Т. В. Ларина, Ю. С. Леонтьева // Вестн. Воронеж. гос. технич. ун-та. – 2013. – Т. 9, № 3.2. – С. 78–80.
5. Минина, Н. М. Программа обучения активному владению иностранным языком студентов неязыковых специальностей / Н. М. Минина. – М., 1998. – 62 с.
6. О мерах по усилению лингвистической подготовки курсантов высших военных образовательных учреждений высшего профессионального образования МО РФ: Приказ Министра обороны РФ от 31 августа 2012 г. № 2617. – 5 с.
7. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.
8. Солова, Е. М. Вопросы теории и практики английского языка / Е. М. Солова. – М., 2002. – 162 с.
9. Щукин, А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке / А. Н. Щукин. – М., 2011. – 452 с.
10. Harmer, J. How to teach English. An introduction to the practice of English language teaching / Jeremy Harmer. – Edinburg: Gate Longman, 2000. – 198 p.

Сведения об авторе

Баканова Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Военного учебно-научного центра (ВУНЦ) Военно-воздушной академии (филиал, г. Челябинск).

BakanovaJV@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 7–13.*

MODERN ASPECTS OF CADETS' LANGUAGE TRAINING IN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Yu. V. Bakanova

Military training and scientific center of Military Air-Force Academy (Chelyabinsk).

BakanovaJV@yandex.ru

This article deals with the main areas of cadets' language training in military high schools in modern conditions. The purpose of language training is to develop and maintain such level of language skills that would enable to understand and extract the necessary information from military-scientific texts.

The amount of hours for learning a foreign language in military institutions, a different level of basic school knowledge of cadets and other factors do not always allow teachers to carry out language training at a high level.

In this situation teachers need to pay special attention to the search for possible ways of intensification of foreign language training through the introduction of innovative teaching technologies, improving the quality of self-work, participation of cadets in scientific research work.

The study of foreign languages in the military research center is not confined to the curriculum provided. To improve cadets' language skills considerable attention is given to extracurricular activities, participation in scientific research, which attracts cadets and stimulates their thinking activity, contributes to the formation of common cultural and professional competences.

The author gives some examples of the intensification of foreign language training through the participation of cadets in scientific research.

Keywords: *language training, professional competence, self-development, text, information.*

References

1. Andreev V.I. *Pedagogika vysshej shkoly* [Higher School Pedagogy]. Kazan, 2005. 500 p. (In Russ.).
2. Baïdenko V.I. *Vyyavlenie sostava kompetentsij vpusknikov vuzov kak neobkhodimyj etap proektirovaniya GOS VPO novogo pokoleniya* [Identification of graduates' competencies as a necessary stage of designing a new generation of GOS VPO]. Available at: <http://dap.vvsu.ru>., accessed 12.01.2015. (In Russ.).
3. Berezhnaya I.F., Stolyarov A.V. Aktivizatsiya protsessa obucheniya kursantov v voenno-nauchnykh zavedeniyakh na osnove primeneniya modul'no-rejtingovoj tekhnologii [Activation of the learning process of students in the military institutes through the use of modular rating technology]. *Perspektivy nauki* [Science prospects], vol. 1 (17). Tambov, 2011. Pp. 16–19. (In Russ.).
4. Larina T.V., Leont'eva Y.S. Sistemnyj podkhod k probleme diagnostirovaniya i prognozirovaniya kachestva vysshego voenno-professional'nogo obrazovaniya kursantov [Systematic approach to the problem of diagnosing and predicting the quality of higher military vocational training of cadets]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh state technical university], 2013, vol. 9, iss. 3.2, pp. 78–80. (In Russ.).
5. Minina N.M. *Programma obucheniya aktivnomu vladeniyu inostrannym yazykom studentov neyazykovykh spetsial'nostej* [Training program of active knowledge of foreign languages of non-linguistic specialties]. Moscow, 1998. 62 p. (In Russ.).
6. *O merakh po usileniyu lingvisticheskoj podgotovki kursantov vysshikh voennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya MO RF Prikaz Ministra oborony RF ot 31 avgusta 2012 g. № 2617* [On measures to strengthen the cadets' linguistic training in higher professional military educational institutions of Russian Ministry of Defense № 2617]. 5 p. (In Russ.).
7. Obraztsov P.I., Ivanova O.Y. *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov* [Professionally-oriented foreign language teaching at language faculties of universities]. Orel, 2005. 114 p. (In Russ.).

8. Solova E.M. *Voprosy teorii i praktiki angliiskogo yazyka* [The theory and practice of the English language]. Moscow, 2002. 162 p. (In Russ.).
9. Shchukin A.N. *Metodika obucheniya rechevomu obshcheniyu na inostrannom yazyke* [Technique of training speech communication in a foreign language]. Moscow, 2011. 452 p. (In Russ.).
10. Harmer J. *How to teach English. An introduction to the practice of English language teaching*. Edinburg, Gate Longman, 2000. 198 p.

УДК 811.112.2
ББК 81.2 Нем

А. Н. Беляев

ОПТИМАЛЬНАЯ ДЛИНА И ОПТИМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются оптимальная длина собственного имени и семантические типы отношений между компонентами в его структуре. Специфические принципы структурной организации онима обусловлены его специфической функцией в языковой системе. Показывается место признака протяженности онима среди других признаков, влияющих на оптимальную форму онима. Полученные данные позволяют обнаружить, что проприальность маркируется в самой структуре собственного имени.

Ключевые слова: *имя собственное, имя апеллятивное, оптимальная длина, оптимальная структура, референция.*

Вопрос о длине и структуре различных типов собственных имен привлекает пристальное внимание ученых, занимающихся самыми различными аспектами этой категории слов: специалистов по фонологии, функциональной стилистике, прикладной лингвистике и др. [7; 8; 9; 10].

В статье Д. Ньюблинг [9] затронуты, пожалуй, основные моменты анализа идеальной формы и структуры собственного имени: специфические принципы структурной организации онима, формальная диссоциация между онимом и лежащим в его основе апеллятивом, зависимость средней длины онима от видов речи и обусловленность длины онима составом онима, определяемым, в свою очередь, строем языка.

В ряду современных исследований о длине и структуре лексических единиц работы, посвященные структурной организации собственного имени, имеют важное теоретическое и прикладное значение. Не говоря уже о том, что собственные имена занимают своеобразное положение в системе языка, что позволяет говорить об ономастике как о совершенно особой отрасли языкознания, в которой общеязыковые законы преломляются специфически и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее [3]. Изучение длины, структуры и состава онима необходимо еще и потому, что с собственными именами связаны правовые аспекты имянаречения.

За последние десятилетия выдвигаемая трактовка собственных имен тесно связана с концепцией референции и именования, представленной в современной модально-логиче-

ской семантике [1; 4; 6]. Теоретически концепция референции допускает возможность каждому объекту, носящему собственное имя, присвоить произвольную комбинацию из цифр или букв. Этот принцип используется, например, в идентификации автомобиля с помощью номерного знака. Среди собственных имен он применяется как почтовый индекс, закрепленный за населенным пунктом. У физического лица, достигшего 16-летнего возраста, это может быть идентификационный номер (ИНН), состоящий из 12 арабских цифр, из которых первые две представляют собой код субъекта Российской Федерации согласно ст. 65 Конституции, следующие две – номер местной налоговой инспекции, следующие шесть – номер налоговой записи налогоплательщика, последние две – так называемые «контрольные цифры» для проверки правильности записи. Очевидно, что подобные идентифицирующие системы имеют ограниченную сферу применения. Не говоря уже о слишком большой длине такого знака, состоящего из трудно запоминаемой комбинации цифр, в нем недостаточно полно выражаются признаки отличительности и прозрачности. Каждый знает, исходя из своего личного опыта, что онимы являются той категорией слов, которые больше всего обременяют наш мозг: они трудно поддаются запоминанию, легко забываются, если к ним часто не обращаешься. Порой складывается неловкая ситуация: зная человека в лицо, не можешь к нему обратиться, так как не помнишь его имени, отчества. Особенно это касается иноязычных имен, состоящих из антропонимических компонентов, нелегко поддающихся запоми-

нению (например, башкирские имена: *Ралиф Кашибулгаянович, Мавлетбай Минзагирович, Занфир Анасович, Рагида Рубисовна* и др.).

Каждая языковая система располагает определенным набором устойчивых собственных имен, служащих одним из средств идентификации предметов. Их основой является функция референции, а не характеристики. Для того чтобы осуществить прямую, непосредственную референцию, они должны иметь оптимальную структуру, в идеале состоящую из одного-двух слогов. То, что собственные имена обычно соотносятся с дескрипциями эпистемического типа, обусловлено очень тесной связью данных имен с речью, широким контекстом, отсутствием у них развитого узального значения [4]. Собственное имя должно быть по возможности кратким. Этот принцип в действительности находит подтверждение, особенно в тех случаях, когда приходится слышать, как жители называют свои населенные пункты. Очевидно, что названия немецких городов *Frankfurt am Main* и *Frankfurt an der Oder* употребляются жителями без дифференцирующих добавочных компонентов *am Main* и *an der Oder*. Но и само имя часто может иметь краткие варианты. Так, в устах горожан *Oberursel* звучит как [ʊ(ɐ)ʃ], соответственно *Mannheim* как *Mannem*, *Müllheim* как *Mülle* и т. п. [9]. Особенно часто отпадают такие контрастирующие компоненты, как *Ober-* (верхний), *Nieder-* (нижний), *Alt-* (старый), *Neu-* (новый) и другие. Хотя благодаря им и повышается дистинктивность одного языкового знака от другого и происходит однозначная идентификация объекта, но это имеет место лишь в тех случаях, когда приходится обращаться с большим списком названий населенных пунктов, например, почтовым работникам при отправке писем. Аналогичное явление происходит и в антропологии: немецкие двойные фамилии в повседневном обращении сокращаются до одного компонента, двойные звательные имена также сокращаются (*Hans-Joachim* → *Hajo*, *Jochen* и т. п.). Звательные имена сокращаются до одного или двух слогов: *Christine* > *Chris*, *Gabriele* > *Gabi*. В истории развития немецкого языка краткие имена создавались преимущественно на базе ударной первой части полного имени. При этом, в принципе, возможно безсуффиксное использование первого компонента антропонимизма, например: *Wolf* < *Wolfbraht*, *Bern* < *Berngerus*, *Arn* < *Arndeo*. Эти краткие формы, по-видимому, первоначально не несли в себе

значения ласкательности, а использовались, в основном, как более экономные разговорно-обиходные варианты полного имени. Действием же этого принципа объясняется появления кратких усеченных вариантов типа *Gust* < *Gustav*, *Ferd* < *Ferdinand* уже в наше время [2].

В любом языке встречаются собственные имена, отличающиеся своей транспарентностью. Ср.: русские топонимы *Гора, Городок, Ворона*; немецкие топонимы *Berg, Tal, Wald*, омонимичные апеллиативам *гора, долина, лес*. Однако таких топонимов относительно немного, так как в языковой системе действует закон «отталкивания имени от породившего его апеллиатива». Действуя отдельно, применительно к каждому имени, он охватывает значительные группы имен, способствуя обособлению их от слов, относящихся к апеллиативной лексике, и выделению их в особые именные подсистемы, генетически связанные с системой апеллиативов данного языка [5]. Стремление имени к обособлению приводит к тому, что propriальность фактически эксплицируется внутренней структурой онима. Она представляет своеобразный опознавательный знак, характеризующий объект на основании индивидуальной звуковой обусловленности, но не на основе общего значения апеллиатива, положенного в основу именования.

Итак, с одной стороны, существуют этимологически прозрачные имена, с другой – этимологически темные, но ни то, ни другое не мешает им быть идентифицирующими знаками, выполнять свою функцию. Между этими двумя крайними точками на шкале мотивированности онимического знака располагаются различные промежуточные стадии с разной степенью мотивированности в зависимости от наличия синхронных связей с производящими апеллиативами.

В этом отношении собственные имена в немецком языке могут быть разделены на следующие пять групп: 1) имена с прозрачной семантической структурой; 2) имена, между компонентами которых отсутствует потенциальная смысловая связь; 3) имена с незначительными формальными отклонениями от нарицательных имен; 4) имена с полупрозрачной семантической структурой; 5) семантически темные имена.

К первой группе относятся имена типа *Neustadt* (город *Нойштадт*) и *Mann* (фамилия *Манн*), сохранившие в современном языке семантические связи с производящими апеллиати-

вами *новый город* и *мужчина*. Семантическая структура таких имен прозрачна. Они состоят из тех же компонентов, что и нарицательные слова. Функционирование таких знаков в ономастической сфере обуславливается их различиями, которыми они характеризуются на разных языковых уровнях. Так, например, грамматический род апеллятива *Neustadt* – женский, а топонима *Neustadt* – средний; апеллятив (*der*) *Mann* (мужчина) мужского рода, но женская фамилия (*die*) *Mann* – женского рода.

Следует заметить, что объектом референции языкового знака *Neustadt* может быть не только “новый город”, как объект индивидуализации, носящий собственное имя, но также и новый жилой микрорайон в городе. Чтобы понять слово *Neustadt* как топоним, необходим контекст для разрешения лексической многозначности. Ср.: *ich gehe nach Neustadt* (“я иду в город *Hoйуmаdт*”) и *ich gehe in die Neustadt* (“я иду в новый жилой микрорайон”).

При формальном и содержательном совпадении апеллятива и фамильного онима (*Mann*, *Dame*, *Herr*) имеет место полная аналогия процесса образования и отношения синхронной мотивации, что может вызвать в ряде случаев затруднения в определении принадлежности языкового знака апеллятивному или ономастическому полю. Поэтому такие фамилии встречаются редко. Напротив, аналогичные фамилии от обозначений профессий (*Schneider* «портной», *Koch* «повар») распространены довольно широко. Это объясняется тем, что либо эти профессии перестали уже существовать (*Meier* «молочник», *Schulze* «сельский староста»), либо это очень редкие профессии. Поэтому слова *Müller* или *Fischer* скорее будут восприниматься как собственные имена, чем апеллятивы «мельник», «рыбак».

Ко второй группе относятся онимы с совершенно прозрачными составными компонентами, между которыми, однако, нет никакой потенциальной смысловой связи. Немецкая топонимика широко представлена названиями типа *Würzburg*, у которых оба компонента соотносимы с апеллятивными морфемами, но их комбинация в структуре топонима не выражает никакого потенциального смысла. Сумма значений компонентов не складывается в единый семантический комплекс, не указывает непосредственно на объект референции. Едва ли можно представить название населенного пункта, которое состояло бы из слов *würzen* «приправлять, сдабривать» и *Burg* «крепость».

Таким образом, здесь мы имеем дело с чисто формальной морфотактической прозрачностью компонентов. Следующие примеры иллюстрируют синхронные отношения между компонентами топонимов в порядке убывания степени их мотивированности: *Mannheim*, *Regensburg*, *Würzburg*, *Salzburg*, *Meerbusch*. Простые названия этого типа: *Wasser*, *Essen* или *Siegen*.

Антропонимическим прототипом в этой группе является фамилия *Neumann*. Сюда же относятся фамилии, образованные путем субстантивации прилагательных: *Klein*, *Jung*, *Braun*, *Schwarz*, а также фамилии от обозначений животных, например, *Fuchs* «лиса», *Wolf* «волк», *Vogel* «птица» и др. Идентифицировать человека с помощью этих фамилий не представляется возможным. Довольно часто встречаются такие фамилии, как *Goldmann* (букв. «золото» + «человек»), *Hofmann* (букв. «двор» + «человек»), *Kindschuh* (букв. ребенок + ботинок) и т. п.

К третьей группе относятся собственные имена, компоненты которых подверглись незначительным формальным отклонениям от апеллятивов, лежащих в их основе. Онимы данной группы, в отличие от онимов первой и второй групп, имеют некоторые отклонения от стандартизированных форм нарицательных имен, что может привести к определенным диссоциациям в содержательном плане. Несмотря на структурные отклонения, все еще прослеживается явная связь компонентов собственного имени с соответствующими нарицательными именами, например, ойконим *Eichstädt* ~ *Eiche* «дуб» + *Stadt* «город».

В качестве антропонимического прототипа назовем часто встречающиеся немецкие фамилии *Schmitt*/*Schmidt*/*Schmitz*, у которых явно прослеживается связь с апеллятивом *Schmied* «кузнец». Закрепленные в структуре фамильных онимов фонетические и графические отклонения противопоставляют собственное имя нарицательному, изменяя при этом коренным образом их семантическую структуру и положение в языковой системе. В таком виде знаки начинают функционировать в качестве имен собственных.

Этот тип широко репрезентативен в немецкой ономастике как среди названий населенных пунктов, так и фамилий. Он подразделяется на ряд субтипов и близок к оптимальной структуре собственного имени.

Противопоставления собственных имен апеллятивам чаще всего обнаруживаются на фоне контраста между диалектом и литера-

турным языком и затрагивают следующие моменты.

1. В отличие от нарицательных слов, образованных путем словосложения, в названиях населенных пунктов, образованных аналогично, ударение часто падает не на первый, а на второй компонент. Ср.: *Saar-brücken* «город Саарбрюккен» и *(die) Sárarbrücken* «мосты через реку Саар», *Stein-kirchen* «город Штайн-кирхен» и *(die) Stéin-kirche* «каменная церковь». Ударение часто приходится на второй компонент у ойконимов на *-háusen*, *-wálde*, *-hófen*, *-félde*, *-háfen*.

Особенно часто встречаются отклонения по месту ударения в звательных именах и продуктовых наименованиях. Ср.: антропоним *Ímhof* и аппеллятивное словосочетание *im Hóf* «во дворе».

2. Апокопа и другие виды укорачивания слова вследствие акцентно-фонетических процессов: населенные пункты: *Ulm* < *Ulme* «ильм, вяз», *Stutt-gart* < *Stute* «кобыла», *Garten* «сад»; *Brück / Bruck* < *Brücke* «мост» и так далее.

3. Расширение структуры за счет заставшей флексии *-(e)n*, например, вторые компоненты топонимов: *-kirchen* (*die Kirche* «церковь»), *-hausen* (*das Haus* «дом»), *-felden* (*das Feld* «поле»), флексии *-s*, фамилии: *Craemers*, *Schmitz*, словообразовательных суффиксов (*Birkle*) или топонимических суффиксов: *Dorn-a*, *Schilf-a*, *Stein-a*, *Weid-a*.

4. Сохранение полных гласных в безударных слогах в личных именах (*Carlo*, *Katharina*), в фамилиях (*Kuno*, *Kupka*, *Pielka*), в ойконимах (*Borna*, *Dorna*). Для безударных слогов нарицательных слов характерен редуцированный звук [ə].

5. Фонотактические и/или графотактические отклонения: *Gmünd*, *Gsell*, *Gmelin*, *Mnich*, *Zschocke*, *Pscherer*, *Wremen*.

6. Отклонения в правописании собственных имен: СИ пишутся с прописной буквы также в тех языках, в которых прочие существительные пишутся со строчной буквы (ср. *das gelbe Wasser* – *das Gelbe Meer*); использование <e> в качестве графического знака долготы: *Soest* [zo:st], *Buer* [bu:r]; умяют <e> вместо тремы: *Goethe*, *Craemer*, *Haefs*, *Mueller*, *Moeller*; <e> вместо <ä>: *-stett*, *Becker*; <ss> вместо <ß>: *Theodor Heuss* (первый президент ФРГ в 1949–1959 гг.); <ui> → [y(:)]: *Duisburg*; <ai/ay/ey> → [ai]: *Maier/Mayer/Meyer*, *Norderney*; <ow> → [o(:)]: *Bahlow*, *Bühlow*; <th> → [t]: *Fürth*, *Bayreuth*; <c> → [ts]: *Celle*; <c> → [k]: *Cottbus*,

Casemir; слитное написание сдвигов: *Andermatt*, *Vomstein*, *Zermatt*.

7. Морфологические и лексические отклонения: между компонентами сложных собственных имен часто отсутствуют соединительные элементы, первый компонент употребляется в несклоняемой форме, например, *Gutfleisch*, *Gutgsell*, *Lindemann* и так далее.

В четвертую группу входят названия, аналогичные ойкониму *Gelsen-kirchen*. Семантическая структура таких названий полупрозрачна. Один из компонентов (обычно последний) соотносится с аппеллятивной морфемой. В данном примере это *-kirchen* ~ *die Kirche* «церковь», а компонент *Gelsen-* не имеет соответствий с нарицательной лексикой. Типичны такие вторые компоненты, как *-hausen*, *-feld/-felden*, *-hof/-hofen*, *-heim* и другие, имеющие синхронные связи с аппеллятивами *Haus* «дом», *Feld* «поле», *Hof* «двор», *Heim* «жилище». Непрозрачные первые компоненты в составе топонимов *Gelsen-*, *Bam-*, *Ham-*, *Hom-*, *Utz-*, *War-* и т. п. сравнимы с уникальными морфемами, как *Him-* в слове *Himbeere* «малина», которые не выражают значения, а служат лишь для дифференциации значений.

Трехчленный тип *Niederhambach* состоит из прозрачного компонента *Nieder-* «нижний» и полупрозрачного компонента *Hambach*. Здесь в качестве первого компонента почти всегда используются относительные прилагательные, выражающие реальные отношения к объектам референции: *Ober-* «верхний», *Nieder-* «нижний», *Groß-* «большой», *Klein-* «маленький», *Langen-* «длинный», *Neu-* «новый», *Alt-* «старый». На периферии морфологической структуры топонима располагаются члены, соотносимые с аппеллятивными морфемами, в то время как в центре находится немотивированный компонент (*-ham-*).

Пятая группа характеризуется полной произвольностью онимического знака, например, *Main*, *Köln*, *Weimar*. Такие топонимы располагаются на шкале мотивированности в самом конце. Онимы полностью оторваны от аппеллятивов. Немотивированные онимы часто имеют одночленную структуру: *Bonn*, *Worms*. Немотивированные фамильные имена также часто являются краткими образованиями (*Haug*, *Klepsch*, *Krambs*).

В данной статье мы коснулись лишь некоторых из актуальных вопросов ономастики, сосредоточив прежде всего внимание на том, как в системе языка эксплицируется пропри-

альность, какие отношения существуют между апеллятивными компонентами во внутренней структуре онимического знака. Собственные имена обнаруживают ряд языковых особенностей, отличающих их от языковых характеристик апеллятивов как в структурном (акцентологическом, морфологическом и морфонологическом), так и в семантическом отношениях. Семантические отношения между компонентами апеллятивов, лежащих в основе собственного имени, характеризуются различной степенью прозрачности. Между ними часто нет явно выраженного смысла. Внутреннее

строение собственного имени, обусловленное индивидуализирующей функцией, маркируется проприальностью, позволяющей отличить онимический знак от других языковых знаков. На этом фоне, видимо, можно ожидать, что внутренняя структура идеального собственного имени должна опираться на существующие в том или ином языке онимические структуры, хорошо известные носителям данного языка. Известность объекта способствует тому, что данный объект может получить короткое обозначение, даже если это окажется дополнительной нагрузкой для памяти.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2005. – 326 с.
2. Антышев, А. Н. Имена. Немецкие антропонимы / А. Н. Антышев. – Уфа, 2001. – 239 с.
3. Мурашов, Р. З. Топонимы в словообразовательной системе немецкого языка / Р. З. Мурашов // *Вопр. языкознания*. – 1986. – № 4. – С. 70–81.
4. Руденко, Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции / Д. И. Руденко // *Вопр. языкознания*. – 1988. – № 3. – С. 55–68.
5. Суперанская, А. В. Ономастические универсалии / А. В. Суперанская // *Востоочнославян. ономастика*. – М., 1972. – С. 346–356.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 2012. – 368 с.
7. Fleischer, W. Name und Text: ausgewählte Studien zur Onomastik und Stilistik / W. Fleischer. – Tübingen, 1992. – 189 s.
8. Hartmann, P. Das Wort als Name: Struktur, Konstitution und Leistung der benennenden Bestimmung / P. Hartmann. – Köln; Opladen, 1958. – 88 s.
9. Nübling, D. Auf der Suche nach dem idealen Eigennamen / D. Nübling // *Beiträge zur Namenforschung* 35, Heft 3. – Mainz, 2000. – S. 275–301.
10. Wimmer, R. Eigenname im Deutschen / R. Wimmer. – Tübingen, 1973 – 156 s.

Сведения об авторе

Беляев Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г. Уфа.
 anbelajew@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
 Philology Sciences. Issue 98. Pp. 14–19.*

ABOUT OPTIMAL LENGTH AND OPTIMAL STRUCTURE OF GERMAN PROPER NAMES

A. N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa. anbelajew@mail.ru

This article deals with the rarely examined topic of the structure of proper names and semantic relations types between the components inside the proper name structure. German onomastic is not at all poor in in research which is devoted to different aspects of place names composition and functioning from ancient times to chronological border of contemporary life. However in the course of development of this branch of language science and with the new offered answers and solutions, new questions

arise and new issues appear. These new questions and issues begin to appear with particular evidence in connection with sharpened interest to genetic and functional status of modern language place names. The proper name specific reveals its communicative task. Proper names fulfill very specific functions with on their part produce specific formal structures in the word itself. This supports the hypothesis that propriality is already indicated at the expression level of the optimal proper name and not only by the context or by pragmatics. Some typological features of personal names and place names are revealed on the material of German. The data prove that proper name structure shows the affiliation of a word to the proper names class.

Keywords: *proper name, appellative name, optimal length, optimal structure, reference.*

References

1. Alefirenko N.F. *Spornye problemy semantiki* [Disputable problems of semantic]. Moscow, 2005. 326 p. (In Russ.).
2. Antyshev A.N. *Imena. Nemetskie antroponimy* [Place names. German place names]. Ufa, 2001. 239 p. (In Russ.).
3. Murysov R.Z. *Toponimy v slovoobrazovatel'noy sisteme nemetskogo yazyka* [Place names in the German word formation system]. *Voprosy yazykoznaeniya* [Questions of language], 1986, vol. 4, pp. 70–81. (In Russ.).
4. Rudenko D.I. *Sobstvennye imena v kontekste sovremennykh teoriy referentsii* [Proper names in context of modern referential theories]. *Voprosy yazykoznaeniya* [Questions of language], 1988, vol. 3, pp. 55–68. (In Russ.).
5. Superanskaya A.V. *Onamasticheskie universalii* [Universals of onomastic]. *Vostochnoslavyanskaya onomastika* [East Slavic onomastic]. Moscow, 1972. Pp. 346–356. (In Russ.).
6. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The common theory of proper names]. Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.).
7. Fleischer W. *Name und Text: ausgewählte Studien zur Onomastik und Stilistik* [Name and text: selected research of onomastic and stylistic]. Tübingen, 1992. 189 p. (In German).
8. Hartmann P. *Das Wort als Name: Struktur, Konstitution und Leistung der benennenden Bestimmung* [The word as a name: structure, constitution and fulfillment of designation]. Köln, 1958. 88 p. (In German).
9. Nübling D. *Auf der Suche nach dem idealen Eigennamen* [To looking-for ideale proper name]. *Beiträge zur Namenforschung* [Papers for Onomastics], iss. 3. Mainz, 2000. Pp. 275–301. (In German).
10. Wimmer R. *Eigennamen im Deutschen* [The proper name in German]. Tübingen, 1973. 156 p. (In German).

УДК 81.33
ББК 81.00

Я. Л. Березовская

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается специфика языковой картины мира носителей китайского языка. Предпринята попытка сформировать представление о китайской языковой картине мира посредством изучения китайских народных сказок, анализа различных ситуаций общения. Для носителей китайского языка главным оказывается четкое следование протоколу, почитание старших. Подчеркивается важность духовного начала, а не внешней красоты человека.

Ключевые слова: *китайская языковая картина мира, языковое сознание, образы сознания, лингвокультура, народные сказки, сказочные образы, формулы речевого обращения.*

В связи с активно развивающимися экономическими, социокультурными и политическими отношениями с Китаем, особую актуальность получают вопросы установления эффективного речевого поведения с потенциальными зарубежными партнерами. Для создания необходимых условий взаимодействия с партнерами необходимо учитывать национально-культурную специфику, особенности языковой картины мира носителей языка. Возникает потребность создания позитивного образа и восприятия языковой личности.

Мы рассматриваем языковую картину мира как отражение представлений о мире посредством языка. Языковая картина мира того или иного народа представлена языковым сознанием ее носителей. В данном аспекте велика роль языковой личности. В связи с этим нами предпринята попытка сформировать представление о языковой картине мира посредством анализа образов сознания представителей определенной лингвокультуры. Рассматривая и изучая языковое сознание представителей той или иной лингвокультуры, мы формируем знание об объективной картине мира.

Ю. Н. Караулов отмечает, что картина мира точно передает сущность и содержание тезаурусного уровня в концепции языковой личности [6]. В. И. Постовалова подчеркивает роль человека в формировании картины мира: «Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [10. С. 19].

Мы разграничиваем понятия «картина мира» и «образ мира». Образ формируется в сознании носителей языка и на определенном этапе еще не выражен вербально. Он овнешняется с помощью средств языка, вследствие чего происходит формирование языковой картины мира.

Отметим двустороннее взаимовлияние языка на сознание его носителей. Человек эксплицирует картину мира, формирует ее в своем сознании, что, в свою очередь, отражается в поведении людей, в речевой деятельности. Носитель языка и культуры представляет мир через накопленный опыт, систему взглядов. Ко всем явлениям человек относится с позиций своей культуры. Двустороннее взаимодействие языка и сознания его носителей проявляется в том, что картина мира оказывает влияние на человека, относя и характеризуя его как представителя той или иной лингвокультуры.

На наш взгляд, необходим поиск новых методов анализа текстов для отражения современного представления о картине мира носителей языка. Актуальными являются вопросы моделирования специфики лингвокультурного сознания.

Область нашего интереса представляет китайская языковая картина мира.

Ю. А. Сорокин, изучая китайскую лингвокультурную общность, определил базовые принципы вербального и невербального поведения носителей китайского языка: харизматичность, этикетизированность и регламентированность (клишированность), метафоричность, конформность/неконформность, мифологичность и др. [12].

Цзян Ямин, исследуя мышление китайских школьников, отмечает такие черты китайских

учащихся, как отсутствие инициативы, дедуктивный способ изучения материала, самостоятельность, активность, пунктуальность, целеустремленность, сдержанность, самоанализ и самоконтроль [14].

Выявление национально-культурной специфики языковой картины мира возможно посредством изучения фольклорных текстов, содержащих базовые культурные ценности. При этом изучение современных коммуникативных норм и правил общения и сопоставление их с традиционной системой ценностей, выраженной в языке, позволит дать наиболее полное представление о китайской языковой картине мира.

Каждая культура представлена образным мировидением. Первичное представление о мире, позволяющее понять истоки духовной культуры, отразилось прежде всего в китайских народных сказках. Интерес к народной сказке, передающей многовековой опыт народа, обусловлен наибольшей объективностью в трансляции традиционных культурных символов. Автором такого текста является совокупная языковая личность.

Анализ системы образов сказок позволит понять лингвокультурные аспекты языковой картины мира.

Китайская фольклорная традиция богата образами, символизирующими нечистую силу, что объясняет стремление оградить и защитить себя от негативных эмоций и событий. Представители нечистой силы могут являться такими от рождения или быть изгнанными из небесного дворца за нарушение воли императора. Отметим, что добрые духи тоже могут стать представителями нечистой силы и быть изгнанными на землю в случае нарушения законов неба. Но у них есть возможность вернуться на небо, если они встанут на путь исправления, будут долго и упорно работать над собой. В представлении китайцев все могут совершать ошибки, но, осознав и исправив их, можно заслужить прощение.

Яркими представителями нечистой силы в различных культурах являются образы природных стихий: обитатели лесов и морей. При этом китайский леший *Хуайшунзин*, живущий в лесу, не вредит, а помогает людям в трудных ситуациях. Образ китайского обитателя водной стихии *Лунвана* олицетворяет богатство и достаток. Он живет не в болоте, а в сияющем золотом подводном царстве. *Лунван* представлен в образе человека с головой дракона. С од-

ной стороны, он может выступать как положительный герой, вызывая дождь в засушливые периоды, а с другой – бури и ливни, представляющие собой разрушающие силы.

В китайской культуре любовь к труду вызывает особое уважение. Успехи – это результат большого усердия. Награда возможна только за труд. В сказках выражены основные черты характера китайцев: дисциплинированность, жесткость, порой и жестокость при достижении поставленных целей, трудолюбие, предприимчивость, прагматизм. Например, в народной китайской сказке «*Черный кот начальник полиции*» главный персонаж носит черный мундир, олицетворяет порядок и беспристрастность. Но не стоит думать, что образ кота в китайской традиции имеет только положительную семантику. В сказке «*Почему собаки не любят кошек*» именно кот является отрицательным персонажем, он предает своего старого друга, обманывает хозяина.

Другие образы-зоонимы характеризуются схожей семантической наполненностью. Например, в китайской сказке «*Лиса и тигр*» образ *лисы* воплощает характерную для многих культур *хитрость*. Так выражается представление народа о морально-нравственных категориях справедливости, добра и зла. На первое место ставится власть разума, а не внешние данные. Вспомним русскую сказку «*Мальчик-с-пальчик*». Когда волк проглотил мальчика, «туго ему было», не смог он спокойно жить. В итоге с волка сняли шкуру и сшили тулуп мальчику. В китайской культуре тоже есть подобная сказка, которая называется «*Финиковая косточка*», где главный герой настолько мал, что прозвали его *Цзао-хэ* – финиковая косточка. Выбор данного образа не случаен. Финик выступает символом долголетия для китайцев, его употребление помогает сохранить здоровье, силу и молодость.

Отметим, что языковыми средствами выражения сказочных образов являются метафоры, эпитеты, олицетворение, помогающие наиболее глубоко представить образы сознания. При описании традиционных китайских образов *прекрасной девушки*, *физически крепкого юноши* и других сказочных героев обычно используются изобразительно-выразительные средства, представленные тремя или четырьмя иероглифами. Например, девушка прекрасна настолько, что *ни в сказке сказать, ни пером описать* – 美如天. Изображение красивой женщины в китайской лингвокультуре перерастает

в проблему красоты человека в целом и смысла жизни. У китайского народа одна только внешняя красота не вызывала ни восхищения, ни даже уважения. Внешней красоте противопоставляется красота души: *древовидный пион красивый, но абрикос лучше, потому что он может вытерпеть холод* (牡丹花好看, 可没有腊梅耐寒). Представления человека о красоте и уродливости, добре и зле выражены в сравнении с фитонимами – образами природы: *жаба* символизирует уродливого, жадного человека; *лебедь, лилия, золотая рыбка, пион* – красивую, добрую и остроумную девушку.

Наиболее часто употребляются олицетворения, сравнения природных явлений с чувствами человека, что отражает основы китайской философии. Например, туман сравнивается с тоской, дождь (雨) – со слезами.

В китайских сказках частотным является прием антитезы. В сказке о женщине Менцзян в основу положена антитеза: *небо и земля сотрясаются, черт и бог плачут* (惊天地泣鬼神). В сказке повествуется о том, как в династии Цин император приказал людям построить великую китайскую стену. Муж Менцзян умер из-за тяжелой работы, его тело закопали под стеной. Менцзян пришла к стене и долго плакала. Она хотела, чтобы ее муж воскрес, что и произошло. Только шесть иероглифов описывают, как горько плакала Менцзян.

Лингвокультурный анализ китайских сказок позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые образы отражают национально-культурную специфику языкового сознания китайского народа, расширяют знания о ценностной системе китайской культуры. Первые представления человека о мире, вечных духовных ценностях складываются посредством прочтения народных сказок, образы которых вызывают ряд сложившихся ассоциаций.

На наш взгляд, чтобы выявить специфику языковой картины мира носителей китайского языка, необходимо рассмотреть современные нормы и правила общения, отраженные, прежде всего, в различных формулах речевого взаимодействия. Изучение национально-культурной специфики этикетных формул позволит установить контакт с предполагаемым собеседником, избежать коммуникативных неудач.

При знакомстве с потенциальными клиентами необходимо знать особенности употребления формул обращения и приветствия, которые зачастую в ситуациях общения не ограничиваются.

Рассмотрим речевые формулы обращения в ситуациях официального общения. В официально-деловой сфере характерно указание на социальный статус собеседника. Используют следующую формулу обращения: фамилия + социальный статус собеседника, указание на должность (王总: фамилия + директор). Данное употребление не характерно для русской языковой картины мира. В русской картине мира мы, скорее, встретим примеры *врач Петрова, преподаватель Иванова*, где обозначения лиц по профессии имеют грамматико-синтаксическую характеристику приложения. Обратный порядок слов несет другую лексико-грамматическую характеристику: «*Иванова – врач*» – характеристика субъекта речи; подчеркивается, что субъект речи относится к категории врачей.

Обращение к специалисту какой-либо области можно соотнести с лексемой *учитель* (в широком смысле слова), *мастер*. Например, к водителю обращаются как «*师傅*». Данное сочетание иероглифов имеет два сходных значения: *мастер* и *учитель*.

В официальной обстановке можно встретить употребление лексемы *господин*. При этом на первом месте необходимо назвать фамилию лица, к которому обращаются: 王先生 (фамилия + господин).

В официальной ситуации употребляются номинации *красавец* и *красавица*. Например, в салоне красоты: *красавец* – 帅哥, *красавица* – 美女. Данная речевая формула встречается и в другой ситуации официального общения – в ресторане. Обращение к официанту женского пола имеет коннотативную окраску – *красавица* (美女). Подобное обращение не характерно для русского коммуникативного сознания, более того, может быть воспринято негативно как нарушение норм речевого этикета. К официанту мужского пола обращаются, указывая только на профессиональную принадлежность – *официант* (服务员).

При анализе различных ситуаций общения наиболее частотным является употребление лексемы *дорогая*. Первоначально данная формула использовалась только в личной переписке. Для современной китайской языковой картины мира характерно употребление лексемы *дорогая* (*дорогой, дорогие*) в официально-деловом дискурсе: в поздравительных письмах, приглашениях на праздничные мероприятия (*Дорогие клиенты! Сердечно поздравляем вас с праздником!*). Китайские студенты при уста-

новлении контакта с иностранным преподавателем также употребляют данное обращение, стремясь продемонстрировать дружеские отношения; происходит нарушение норм статусно-ролевого дискурса. В китайской языковой картине мира обращение *дорогая* широко распространено в интернет-дискуре – 亲. В данной коммуникативной роли может выступать и лексема *милая, милые (милые дамы!)*. Рассмотренные формулы обращения могут иметь иную семантическую нагрузку и употребляться в молодежной среде. Например, девушки могут обращаться друг к другу как *сестра, дорогая* – 亲爱的, молодые люди – *братан* (ge men er).

Для китайской системы обращений характерно употребление уменьшительно-ласкательных имен, связанных с использованием приема редупликации: *Фанбин – Бин-Бин*. Чтобы показать уважение к человеку перед именем могут использовать прилагательные *большой, великий* 大: *Чжао – Да Чжао*. При неблагозвучности фамилии или имени сокращения не используют, употребляя фамилию и имя полностью: *Цзинь Чжи*. В китайской культуре распространенное явление – смена фамилии и имени. Родители могут поменять имя ребенка, если оно имеет отрицательную семантику,

так как это, по представлениям китайцев, влияет на судьбу человека.

В последнее время все чаще наблюдается заимствование формул речевого обращения из европейского речевого этикета. Например, использование обращений *мистер, миссис (мистер Ван)*.

Таким образом, мы рассмотрели особенности языковой картины мира носителей китайского языка, представляющие собой результат познания окружающей действительности ее носителями. Фольклорные произведения, формулы речевого этикета отражают сложившуюся систему ценностей и норм, скрытых в языке. Отражение морально-нравственных категорий в китайских народных сказках, выявление основных художественных образов, а также выделение особенностей употребления этикетных речевых формул позволяет нам отметить стереотипные черты носителей китайского языка: суеверность, четкое следование протоколу, жесткая регламентированность, метафоричность, прагматизм.

Перспективным является анализ китайской лингвокультуры современной языковой среды. Сопоставление различных образов сознания позволит дать наиболее полное описание языковой картины мира носителей китайского языка.

Список литературы

1. Ахметова, Г. Д. Русская сказка в иноязычной аудитории / Г. Д. Ахметова, Я. Л. Березовская // Русистика в Китае: традиции и инновации. – СПб.: Златоуст, 2013. – С. 172–182.
2. Березовская, Я. Л. Образная система русских и китайских народных сказок как отражение языковой картины мира / Я. Л. Березовская // Двенадцатый Славян. науч. собор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-мефодиевская традиция: история в современности. – Челябинск, 2014. – С. 195–199.
3. Березовская, Я. Л. Соотношение понятий «PR-текст» и «рекламный текст» (на примере русских и китайских текстов агентств недвижимости) / Я. Л. Березовская // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 31 (322). – Вып. 84. Филология. Искусствоведение. – С. 75–78.
4. Березовская, Я. Л. Сопоставительный анализ PR-текстов российских и китайских сотовых операторов / Я. Л. Березовская // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2013. – № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. – С. 167–172.
5. Гусева, Е. В. Межъязыковые и межкультурные трудности системы русских имен собственных и обращений / Е. В. Гусева // Русский язык как инославянский: современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1197973/>.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
7. Кольцова, Ю. И. Логоэпистемы как ключевые слова фольклорной картины мира / Ю. И. Кольцова // Ученые зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – С. 31–36.
8. Пань, Х. Русский речевой этикет в условиях образовательной среды китайского технического вуза / Х. Пань // Вестн. Юж.-Рос. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 289–293. –

URL: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_22/9/5/4/item_954/information_items_property_2390.pdf.

9. Пензева, Е. А. К вопросу о родственных обращениях в русском и китайском языках / Е. А. Пензева // Современ. проблемы образования и науки. – 2009. – № 3. – С. 128–129. – URL: http://www.science-education.ru/pdf/2009/2009_03_01.pdf.

10. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.

11. Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.

12. Сорокин, Ю. А. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы / Ю. А. Сорокин. – Волгоград: Перемена, 1998. – 148 с.

13. Татарина, Н. В. Логоэпистемы из русских народных сказок в коммуникативном пространстве носителей русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Татарина. – М., 2005. – 150 с.

14. Цзян, Я. Словесное ударение как фрагмент этнотипа носителей русского и китайского языков : дис. ... канд. филол. наук / Я. Цзян. – М., 1996. – 136 с.

Сведения об авторе

Березовская Ядвига Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института международного образования Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).

yadviga_sk@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 20–25.

PECULIARITIES IN LINGUISTIC WORLD IMAGE OF CHINESE NATIVE SPEAKERS

Ya. L. Berezovskaya

South Ural State University. yadviga_sk@mail.ru

The article deals with the peculiarities in linguistic world image of Chinese native speakers. The world image is the result of social realm perception by its native speakers. The author attempts to form an idea of the linguistic world image by analyzing the images of certain linguistic culture representatives' consciousness. Identification of Chinese linguistic world image cultural identity is marked by studying Chinese folk tales, as well as on the basis of the analysis of various communication situations. Works of folklore, speech etiquette rules reflect the world image concealed in the language, show special features of ethics and worldview of the people. It is defined that basic features that characterize the identity of the Chinese language are following: regimentation, commitment to etiquette, moderateness, self-awareness and self-control.

Keywords: *Chinese linguistic world image, linguistic consciousness, the images of consciousness, linguistic culture, folk tales, fairytale images, formulas of speech behavior.*

References

1. Akhmetova G.D., Berezovskaya Y.L. Russkaya skazka v inoyazychnoj auditorii [Russian fairytale in a foreign audience]. *Rusistika v Kitae: tradicii i innovacii: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russian studies in China: traditions and innovations: a collection of scientific works of the International scientific and practical conference]. St. Petersburg, 2013. Pp. 172–182. (In Russ.).

2. Berezovskaya Y.L. Obraznaya sistema russkix i kitajskix narodnyx skazok kak otrazhenie yazykovoj kartiny mira [Set of patterns of Russian and Chinese folktales as a reflection of linguistic world image]. *Dvenadcatyj Slavyanskij nauchnyj sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura». Kirillo-mefodievskaya*

tradiciya: istoriya v sovremennosti: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Twelfth Slavic academic cathedral “Ural. Orthodoxy. Culture”. Cyril and Methodius tradition in modern history: Russian national scientific and practical conference]. Chelyabinsk, 2014. Pp. 195–199. (In Russ.).

3. Berezovskaya Y.L. Sootnoshenie ponyatij «PR-tekst» i «reklamnyj tekst» (na primere russkix i kitajskix tekstov agentstv nedvizhimosti) [Correlation between the concepts of “PR text” and “Advertising text” (using the example of Russian and Chinese texts of real estate agencies)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2013, no. 84/31 (322), pp. 75–78. (In Russ.).

4. Berezovskaya Ya.L. Sopostavitel’nyj analiz PR-tekstov rossijskix i kitajskix sotovyx operatorov [Comparative analysis of PR texts of Russian and Chinese mobile operators]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2013, no. 1 (292), iss. 73, pp. 167–172. (In Russ.).

5. Guseva E.V. Mezh’azykovye i mezhkul’turnye trudnosti sistemy russkix imen sobstvennyx i obrashhenij [Interlanguage and intercultural difficulties of Russian proper names and vocatives]. *Russkij yazyk kak inoslavjanskij: sovremennoe izuchenie russkogo yazyka i russkoj kul’tury v inoslavjanskom okruzenii* [Russian language as foreign Slavonic: modern study of Russian language and culture in the foreign Slavonic surroundings]. Available at: <http://www.twirpx.com/file/1197973/>. (In Russ.).

6. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost’* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 1987. 264 p.

7. Kol’cova Yu.I. Logoe’pistemy kak klyuchevye slova fol’klornoj kartiny mira [Logoe’pistems as keywords of folk world image]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional’nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologiya. Social’nye kommunikacii* [Scientific notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Philology. Social communication], 2011, vol. 24 (63), no. 2, pp. 31–36. (In Russ.).

8. Pan’ X. Russkij rechevoj e’tiket v usloviyax obrazovatel’noj sredy kitajskogo texnicheskogo vuza [Russian speech etiquette in terms of Chinese technical university educational environment]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)], 2012, no. 2, pp. 289–293. Available at: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_22/9/5/4/item_954/information_items_property_2390.pdf. (In Russ.).

9. Penzeva E.A. K voprosu o rodstvennyx obrashheniyax v russkom i kitajskom yazykax [Revisiting related vocatives in Russian and Chinese languages]. *Sovremennye problemy obrazovaniya i nauki* [Modern issues of education and science], 2009, no. 3, pp. 128–129. Available at: http://www.science-education.ru/pdf/2009/2009_03_01.pdf. (In Russ.).

10. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel’nosti cheloveka [World image in human life and activities]. *Rol’ chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the world image]. Moscow, 1988. Pp. 8–69. (In Russ.).

11. *Sovremennij slovar’ inostrannyx slov : ok. 20 000 slov* [A modern dictionary of foreign words: about 20 000 words]. St. Petersburg, 1994. 752 p. (In Russ.).

12. Sorokin Yu.A. *Tekst i ego kognitivno-ektivnye metamorfozy* [Text and its cognitive-emotive metamorphoses]. Volgograd, 1998. (In Russ.).

13. Tatarinova N.V. *Logoe’pistemy iz russkix narodnyx skazok v kommunikativnom prostranstve nositelej russkogo yazyka* [Logoe’pistems of Russian folk tales in the communicative context of Russian native speakers]. Moscow, 2005. 150 p. (In Russ.).

14. Czyan Ya. *Slovesnoe udarenie kak fragment e’notipa nositelej russkogo i kitajskogo yazykov* [Word stress as a fragment of ethnic type of Russian and Chinese language native speakers]. Moscow, 1996. 136 p. (In Russ.).

УДК 81.33
ББК 81.00

Т. В. Борисенко

КОНЦЕПТ «МАГИЯ» В РУССКОМ ДЕТСКОМ ФЭНТЕЗИ

Рассматривается вербализация концепта «магия» в детском фэнтези русских писателей на примере произведений Т. С. Левановой «Сквозняки» и Т. Ш. Крюковой «Хрустальный ключ». Особое внимание уделяется взаимосвязи концептов «добро», «зло» и «магия».

Ключевые слова: концепт, фантазийная картина мира, детская фэнтези, магия, добро, зло.

Исследование художественного произведения предполагает обращение к такой категории, как фантазийность. Категория фантазийности соотносится с художественным творчеством. Она связана с художественным вымыслом, стилями в живописи, литературными жанрами и др. В отношении литературного жанра Н. Н. Меньшакова приводит пример «фантастического произведения», которое соотносится с понятиями мифологического, фантастического, сказочного, чудесного и других типов текстов. Понятие *фантастическое произведение* соотносится и с художественным текстом настолько, насколько он отражает мнимую действительность, уход от реальности [3]. Категория фантазийности интересна при изучении жанра фэнтези. На основе ее можно выделить фантазийную картину мира – целостный образ художественного мира произведения, который является результатом духовной активности писателя. В фантазийную картину мира входят мифологические, сказочные, фантастические, чудесные и другие элементы, которые отражают несуществующую, вымышленную действительность.

Мифологическая картина мира соприкасается с фантазийной, так как и мифологическую, и фантазийную картины мира возможно описать в том числе с помощью анализа мифов и мифологем. Но кроме мифологем и мифа в фантазийную картину мира входит большое количество других элементов. В то же время мифологическая картина мира не может быть частью фантазийной, так как последняя представляет собой результат духовной деятельности одного автора.

Одним из важных концептов фантазийной картины мира является концепт «магия».

С. И. Ожегов определяет магию как «совокупность действий и слов, якобы обладающих чудодейственными свойствами и спо-

собных подчинить сверхъестественные силы» [4. С. 287]. Магия или волшебство – неотъемлемая часть произведений жанра фэнтези. Этот концепт реализуется посредством заклинаний, волшебных предметов, магических существ и животных. Кроме того, в детском фэнтези наблюдается четкое разделение между магией добра и магией зла. Таким образом, можно проанализировать взаимосвязь концептов «магия», «добро» и «зло». Рассмотрим способы реализации концепта «магия» на примере повестей Т. С. Левановой «Сквозняки, первая миссия» и Т. Ш. Крюковой «Хрустальный ключ».

Героиня русской повести «Сквозняки» встречает некоторых магических существ и животных. Почти все, что касается волшебных существ и животных в повести, относится к реализации концепта «добро». Попадая в другой мир, Маша встречает *колокольцев*, которые показывают ей дорогу к шарлатану Фаринго и дарят волшебную шапочку. Колокольцы – это крохотные человечки «с разноцветными фонариками на шапочках», они летают верхом «на парящих в воздухе больших черных жуках» [2. С. 13]. У ручья девочка знакомится с *хранительницами ручейка тюльпанов*: «миниатюрными девушками» в «пышных юбках». Каждый, кто хочет попить воды из ручья, должен преподнести хранительницам какой-нибудь дар. Повозку шарлатана возит говорящий *лиловый кролик*. Несмотря на то, что у Фаринго сгорела шляпа, благодаря которой он мог управлять всеми животными, кролик остался верен своему другу и хозяину. Приведение, которое Маша находит в подземелье, тоже оказывается добрым и помогает девочке выбраться на свободу.

Кроме того, в повести упоминается о существовании *драконов, тигровых ежиков, синего и желтого гномов*. Несмотря на то, что традиционно драконы считаются опасными существами и часто в произведениях реализуют

концепт «зло», в данном тексте к ним показано другое отношение. Сталь, переплавленная драконами, самая крепкая, и кузнец кует из нее броню для Маши.

Магические зелья и предметы также вербализуют концепт «добро». Среди них необходимые для перехода в другой мир вещи: *второе лицо* (зеркало) и *кристалл*, различные «*шарлатанские штучки*» (*растишишка*, *бегимотор*, *несекретная пыль*, *лекарство от превращения*, *открытон*, *синяя жидкость*, *служащая для лечения ран*). Несмотря на иронично-негативное название, «шарлатанские штучки» служат для добрых целей и помогают героям справиться со многими неприятностями. В рецептах содержатся лексемы, вербализующие концепт «добро». Например, *мед*, *крыло ангельской мухи*, *разрыв-трава*, *усы рыжего таракана*, *Шапочка лилового гнома (растение)*, *серебряная вода*, *яйцо белой птицы* и др.

Волшебные предметы связаны не только с шарлатанской магией. Лоскутки с одежды магистра Александра обладают магической силой. Например, темно-синий лоскуток позволяет спрятаться и пройти куда-либо незаметно, другой лоскуток помогает создать стену огня. *Маячки* помогают перемещаться из одной точки пространства в другую. В мире, куда попала Маша, головные уборы играют важную роль, в том числе некоторые из них обладают магическими свойствами. Так, *шляпа (волшебная шапочка)* господина Фаринго позволяла ее владельцу подчинять всех животных, *шапочка колокольцев* указывает нужный путь.

В повести «Сквозняки» магия не связана с использованием волшебных палочек и магических формул. Здесь никто не применяет заклинаний. Упоминается только о бабушкином заговоре: «*Истина в том, что сила моя за этим порогом*». Для того чтобы получилось волшебство, достаточно «*щелкнуть пальцами*». Так колдовать могут и положительные, и отрицательные персонажи, поэтому это действие нельзя отнести к вербализации концептов «добро» или «зло». С другой стороны, само слово *магия* тесно связано с концептами «добро», «зло», «магия» и «власть». Если в тексте речь идет о магии до прихода Мудреного, то она вербализует концепт «добро». Отдать себя магии (знаниям) считалось почетным, кроме того, магия не была связана с наличием или отсутствием власти. «Магия чрезвычайно токсична! Если человек практикует ее в непроветриваемом помещении достаточно долго, он отрав-

ляется и, как результат, пропитывается магией, превращаясь в Белую птицу, суть которой и есть магия!» [2. С. 337]. «Раньше в магов превращалось гораздо меньше, и это считалось почетным – человек отдавал себя магии...» [2. С. 338]. При упоминании о существующем положении вещей и власти Мудреного, лексема *магия* становится одним из способов реализации концепта «власть». Применение магии людьми несведущими, не знающими ее токсических свойств, приводит к печальным последствиям (люди превращаются частично или полностью в птиц), что позволяет говорить о *магии* как средстве вербализации концепта «зло».

В «Сквозняках» говорится о нескольких типах магии. Самой почетной считается *тайная магия*. Также существует *бытовая* и *шарлатанская магия*. Последняя практикуется шарлатанами. Шарлатаны – это своего рода целители. Несмотря на то, что лексема *шарлатаны* несет в себе негативную коннотацию, в тексте она вербализует концепт «добро».

Повесть Т. Ш. Крюковой наполнена различными магическими существами. Причем большая часть из них взята из славянской мифологии. Волшебных существ и животных повести можно разделить на добрых и злых. Все они хорошие или плохие по своей природе. К добрым существам относятся *дед Пихто*, *эльфы*, *гномы*, *дождевой червячок*, *Крылатый конь (Пегас)*. Дед Пихто излучал доброту: глаза были *добрые*, старичок *постоянно улыбается*, сердился как-то *по-доброму*. Появление эльфов вызывает положительные эмоции: чувство *счастья*, что-то *очень хорошее*, [Даша] *смеялась* и *хлопала в ладоши*. С гномами связаны *труд* и *помощь*: «они добряки и всегда готовы помочь» [1. С. 80].

Отрицательные существа: *карлики*, *оборотни*, *кошмары*, *волкодлаки*, *богинки*, *лихо*, *берегини (русалки)*, *Анчутка*. Все, кроме карликов, относятся к славянской мифологии. Каждый из них олицетворяет зло или недостаток характера. Так, карлики *тщедушные*, оборотни – *чудища*, волкодлаки *силком утащили на волчью свадьбу* девушку, богинки *маленького украли*, берегини и Анчутка *обманули* ребят.

Для создания волшебных существ Т. Ш. Крюкова использует традиционные мифологические образы, но дополняет их. Например, богинки в мифологии славян – «демоны женского пола, похищающие и подменяющие детей», ими становятся «роженицы, умершие до обряда очищения, похищенные дети, женщины-

самоубийцы, клятвопреступницы, детоубийцы, то есть заложенные покойники» [5. С. 395]. У Т. Ш. Крюковой богинки – кукушки, бросившие своих детей: «Гуляли кукушеньки, // Во чужие гнездышки // Детушек бросали. // и по доброй волюшке // На сиротску долюшку // При живой при матушке // Деток обрекали» [1. С. 271].

В повести появляются три русских богатыря: Усыня, Горыня и Дубыня. Образ Горыни – смесь мифологического Горыни и Змея Горыныча: это огнедышащий дракон (Змей Горыныч), который передвигает горы (Горыня). Горыня – злое существо, он помогает детям только благодаря тому, что они смогли напоить его. Дубыню автор не изменила и он больше других богатырей похож на мифологического персонажа: «исполин. Тело его напоминало старый кряжистый дуб, а руки – толстенные сучья с ветвями-пальцами» [1. С. 372]. Он также отрицательный герой, так как ради забавы хочет сражаться с Дашей и Петей. Горыня и Дубыня занимаются, по сути, бесполезным делом. Горыня двигает горы, а Дубыня выкорчевывает деревья и ищет, с кем можно подраться. В противоположность своим старшим братьям, Усыня – доброе существо. Он также, как и Горыня, дракон. Его задача – охранять остров, что он и выполняет. Усыня пропускает ребят, потому что они пришли с миром: «Неужто люди стали понимать, что миром да ладом больше получишь, чем силой да угрозами» [1. С. 394].

Дети встречают двойственное существо – то, которое может быть и добрым, и злым. Это конь Вечорки – Двоедушник. Он может быть добрым и помогать героям в образе коня, но, превращаясь в волка, он представляет для них угрозу и может убить ребят. В славянской мифологии двоедушник – «существо, в котором совмещаются два естества – человеческое и демоническое» [5. С. 499].

В качестве магических формул использованы заговоры – стихи, содержащие в себе информацию о том, чего хочет получить гово-

рящий. Магические формулы, которые производит ведьма Морра, направлены на то, чтобы причинить другим зло. В основном в ее заклинаниях преобладают лексемы с отрицательной коннотацией.

«Всюду, всюду *миражи*: // Вы попали в *царство лжи*. // В зеркалах что отразится, // То тотчас преобразится, – // То ль ворона, то ль жар-птица, // То ли бред, а то ли снится. // Все на свете *искажится* // Так, что сразу не поймешь, // Где тут правда, // Где тут *ложь*... // Сам себя не узнаешь. // Где тут *ложь*? // Сплошь...» [1. С. 114].

Среди других лексем, выражающих концепт «зло» в заговорах: *туман, кошмар, вскипевший ужас, миражи, страх, обман, мертвые, безмолвье*.

Заклинания доброго персонажа Вечорки отличаются: «Поклажа *легка*, // Да упряжь *крепка* – // *Держит* твой *норов* // Под надежным запором. // *Скачи*, подгоняй, // Да *мягче ступай*» [1. С. 243].

Все волшебные предметы, упомянутые в повести, кроме Зеркала Кривды и стеклянного шара Морры, служат добру. К ним относятся дары эльфов в виде горошин: *лунный луч, солнечный зайчик, спасительная соломинка, осенняя паутинка, дыхание леса, глоток воды, подарки гномов: подвеска-подковка, кинжал*. У гномов есть *Книга премудростей*, в которой написано, как делать *Зеркальный шар*. Созданный Мастером Зеркальный шар ломает Зеркало Кривды и освобождает долину от Миражей и власти Морры.

Итак, авторы русского фэнтези активно используют мотивы славянского фольклора, иногда немного изменяя их, либо придумывают новые магические предметы, заклинания (заговоры) и зелья. Магия в русском фэнтези отличается близостью к природе. Авторы употребляют большое количество лексем, связанных с живой природой при описании зелий, заговоров, среды обитания волшебных существ.

Список литературы

1. Крюкова, Т. Ш. Хрустальный ключ / Т. Ш. Крюкова. – М.: Аквилегия-М, 2010. – 421 с.
2. Леванова, Т. С. Сквозняки, первая миссия / Т. С. Леванова. – М.: Эксмо, 2009. – 413 с.
3. Меньшакова, Н. Н. Категория фантазийности в науке / Н. Н. Меньшакова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2008. – № 36 (137). Филология. Искусствоведение. Вып. 27. – С. 95–102.
4. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
5. Энциклопедия сверхъестественных существ (ЭСС). – М.: Эксмо, 2005. – 720 с.

Сведения об авторе

Борисенко (Печагина) Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
house-elf@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 26–29.*

CONCEPT «MAGIC» IN RUSSIAN FANTASY FOR CHILDREN

T. V. Borisenko

Chelyabinsk State University. house-elf@yandex.ru

This article deals with the analyses of Russian fantasy novels for children. The problems of good and evil correlation in magic are discussed. The author outlines main features of magic in Russian fantasy literature for children on the example of T. Krjukova's and T. Levanova's novels.

Keywords: *concept, fantasy picture of the world, fantasy for children, magic, good, evil.*

References

1. Krjukova T.Sh. *Hrustal'nyj kljuch* [Crystal key]. Moscow, 2010. 421 p. (In Russ.).
2. Levanova T.S. *Skvoznjaki, pervaja missija* [Drafts, the first mission]. Moscow, 2009. 413 p. (In Russ.).
3. Men'shakova N.N. Kategorija fantazijnosti v nauke [Category fantasy science]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2008, no. 36 (137), iss. 27, pp. 95–102. (In Russ.).
4. *Slovar' russkogo jazyka / pod red. S.I. Ozhegova, N.Ju. Shvedovoj* [Russian dictionary (Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. (eds.))]. Moscow, 1984. 816 p. (In Russ.).
5. *Jenciklopedija sverh#estestvennyh sushhestv* [Encyclopedia of supernatural beings]. Moscow, 2005. 720 p. (In Russ.).

УДК 81.23
ББК 81.032

И. С. Бороздина

РЕЛЯЦИОННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ КАК ФЕНОМЕН ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Анализируются лингвокультурные особенности реляционных речевых актов (РРА) через изучение специфики ментальной и языковой репрезентации пространственных отношений в русском и английском языках. В исследовании учитываются как языковые способы и средства реализации РРА, так и их когнитивные и психолингвистические особенности, обусловленные лингвокультурными факторами.

Ключевые слова: *реляционный речевой акт, лингвокультура, пространственные отношения, предлоги.*

Одной из задач современных лингвокогнитивных и психолингвистических исследований является изучение национально-культурных особенностей таких явлений, как языковое сознание и речевая деятельность. В данном случае исследователи концентрируют свое внимание на анализе специфики структурирования национальной языковой картины мира, особенностей национального восприятия мира и их отображения в языке и дискурсе. Отталкиваясь от понимания того, что пространство и пространственные отношения занимают важное, возможно, даже главенствующее место в восприятии человеком окружающего мира, мы ставим своей задачей определить некоторые лингвокультурные особенности, отраженные в реляционном речевом акте.

Необходимо отметить, что в данном случае речевой акт понимается в соответствии с определением А. А. Леонтьева, то есть как «мыслительно-речевой акт», результатом которого является речевой материал, исследуемый в дальнейшем как «система речевых действий, речевая деятельность» [4]. Следовательно, реляционный (то есть входящий в категорию отношений) речевой акт рассматривается нами как речевая деятельность, результатом которой является порождение или восприятие высказывания, номинирующего реально существующие пространственные отношения [2]. Одним из наиболее распространенных языковых средств реализации пространственных отношений в большинстве языков, как, например, в русском, является предлог. В связи с этим минимальная структура РРА представляет собой последовательное сочетание лексемы, номинирующей референт, предлога и лексемы, номинирующей релятум (например, *кольцо на паль-*

це, цветы в вазе и так далее). Термины референт (объект X, пространственное положение которого определяется относительно другого объекта) и релятум (объект Y, являющийся ориентиром, относительно которого определяется положение референта) используются в работах ряда отечественных исследователей предлогов [5; 7].

Несмотря на наличие достаточно большого опыта лингвистического анализа семантики и функций предлогов, их дальнейшее многоаспектное исследование как средства номинации пространственных отношений остается актуальным. При этом основной целью становится выявление специфики коллективного опыта и перцептивно-когнитивно-аффективного опыта индивида (согласно психолингвистической теории слова А. А. Залевской [3]), отраженного в семантике данных лексических единиц, в закрепленных за ними концептуальных структурах, а также в речевой деятельности, реализуемой в реляционном речевом акте. Требуется дальнейшее исследование и вопрос о специфике речевой деятельности, характерной для того или иного лингвокультурного сообщества и реализуемой в процессе номинации пространственных отношений.

Наиболее значимые лингвокультурные особенности реляционных речевых актов, как правило, проявляются в наличии так называемых пространственных лакун как на концептуальном уровне, так и на языковом, в специфике семантики соответствующих предлогов различных языков, в особенностях категоризации и концептуализации пространственных отношений представителями разных лингвокультур.

Так, например, в английском языке предлоги *from* и *out of* могут использоваться для

описания одной и той же пространственной ситуации, однако при этом смысл высказываний является различным. Отличия в предложениях «*The smoke was coming from the ship chimney*» и «*The smoke was coming out of the ship chimney*» заключаются в том, что в первом предложении предлог *from* указывает только на источник и место появления дыма, в то время как второе предложение указывает на такую пространственную ситуацию, при которой выходящий из трубы дым может стать причиной обнаружения корабля на рейде (на эту особенность двух английских предлогов обратил свое внимание еще Б. Н. Аксененко [1]). Аналогичный случай наблюдается и в предложениях «*Jack took the coins from his pocket*» (стандартная ситуация, когда предлог *from* указывает только на то место, откуда извлекались деньги) и «*Jack took the coins out of his pocket*» (*out of* привносит информацию о том, что монеты вынимались медленно, возможно, по одной). При переводе указанных предложений на русский язык используется предлог *из*, и наблюдаемые в английском языке различия стираются, передать их можно только при помощи дополнительного комментария. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в процессе номинации пространственной сцены носитель английского языка должен не только оценить ее пространственные параметры, но и установить степень значимости описываемого пространственного отношения, его функциональную нагрузку, и сделать выбор между предлогами *from* и *out of*.

В отношении анализа лингвокультурных особенностей реляционных речевых актов показательны также примеры с предлогом *between*. Современная семантика данного пространственного предлога – нахождение объекта между двумя предметами (*Between a rock and a hard place* – «Между молотом и наковальней») – во многом обусловлена его этимологией (Old English *betweonum* «between, among, by turns», Mercian *betwinum*, from *bi-* «by» (see *be-*) + *tweonum* dative plural of **tweon* «two each» (compare Gothic *tweih-nai* «two each») [12]), которая свидетельствует о том, что предлог имеет непосредственную связь, как семантическую, так и структурную, с числительным *two* (два). В связи с этим использование указанного предлога ограничивается такими ситуациями, когда в пространственной сцене участвуют именно два пространственных объекта (релятума), между которыми находится референт: '*Here,*' he said firmly, pointing with his indelible pencil at a point

mid-way between Newfoundland and Ireland [9]. При этом допускается, что один или оба релятума могут быть представлены существительными во множественном числе, репрезентирующими объект как единое целое: *Calderpark Zoo in Broomhouse was building up a collection of small furry things and a few larger ones, and Easterhouse, Garthamlock and Ruchazie were still bramble-filled lanes between the Edinburgh Road and Stepps* [9]. Соответствующий же русский предлог *между* не имеет такого ограничения и может использоваться также в тех случаях, когда количество релятумов больше, чем два (ср. «*Необходимо срочно провести анализ товарооборота между разными странами*» или «*Между деревьев рос невысокий кустарник*»). Анализ этимологических данных показывает связь происхождения русского предлога *между* с существительными «середина, межа» [8], что, вероятно, и определяет отсутствие ограничений на употребление данного предлога только с двумя релятумами. В описанном случае реализация речевого акта на английском языке сопровождается процессом оценки количества участников ситуации, в то время как для носителей русского языка указанное ментальное действие не является обязательным.

Реляционные речевые акты в русском языке также демонстрируют определенную лингвокультурную специфику. Так, например, перевод на английский язык известной фразы «*Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком*» из произведения А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане» весьма затруднен, так как русский предлог *под* может передавать информацию не только о пространственном расположении одного объекта ниже второго на вертикальной оси, но и на то, что релятум может быть источником света, звука, тепла и так далее, которым может пользоваться референт. Английский предлог *under*, который часто используется для передачи смысла русского *под*, такими характеристиками не обладает. Именно по этой причине анализируемая фраза на английском языке звучит, как: *Three fair maidens, late one night, / Sat and spun by candlelight* (досл. *Три честные девицы поздно одной ночью сидели и пряли при свете свечи*). Автор перевода избегает использования соответствующего английского предложного высказывания, заменяя фразу *под окном* предложным высказыванием *by candlelight* (при свете свечи).

Еще одной интересной лингвокультурной особенностью процесса реализации реляци-

онного речевого акта являются различия в способе категоризации и концептуализации описываемых пространственных отношений и объектов, вступающих в данные отношения, представителями различных лингвокультур. В когнитивных исследованиях языка вопрос о способах категоризации и концептуализации экстралингвистических реалий является одним из краеугольных и уже много лет привлекает значительное количество отечественных и зарубежных ученых. Для нашего исследования категоризация и концептуализация пространственных отношений интересна как составная часть реляционного речевого акта, то есть с точки зрения анализа того, какую ментальную репрезентацию получают зрительно воспринимаемые объекты (референт и релятум) и отношения между ними, и каким образом это отражается на продукте речевой деятельности индивида – пространственном предложном высказывании.

Так, например, в ряде русских предложных высказываний выбор предлога определяется тем фактом, что релятум на концептуальном уровне представлен в виде двухмерного (часто плоского) объекта: «Недолго пройдя в темноте, Костя понял, что сбился с пути» или «Предположив, что они сбились с пути, начали было искать выход, как вдруг заметили, что озеро надвигается на них» (примеры из [6]). В сознании носителей русского языка путь – это плоскость, именно поэтому в приведенных примерах при реализации реляционного речевого акта говорящий использует предлог *с*. В данном случае концептуализация объекта, выступающего в качестве релятума (*путь*), фактически совпадает с реальными зрительно воспринимаемыми характеристиками объекта: путь – двухмерный плоский сегмент пространства.

В то же время в английском языке при описании аналогичной пространственной ситуации используется предлог с иной семантикой и иным концептуальным содержанием: «*One took me rather out of my way, before turning at last, at right angles, up the hill and home; but it was the main road and was lit*» или «*Heifers ran out of my way, taking shelter behind a piece of wall and peering after me*» (примеры из [9]). В предложном высказывании *out of my way* предлог *out of* (который традиционно соответствует русскому *из*, а не *с*) указывает на то, что в сознании англоговорящих индивидов такой объект, как *way* (путь), концептуализируется как трехмерный релятум. Указанные примеры

свидетельствуют о том, что при реализации реляционного речевого акта, описывающего определенную пространственную сцену, могут наблюдаться некоторые различия не только на языковом уровне, но и на уровне ментальной репрезентации.

Еще одним лингвокультурным фактором, вовлеченным в речевую деятельность, связанную с номинацией пространственных отношений, являются различия в способах категоризации окружающего мира. Как отмечают некоторые исследователи (см., например, [10]), в различных лингвокультурах проявляется преимущественно либо таксономический, либо функциональный принцип категоризации. В первом случае объекты окружающего мира распределяются по классам в соответствии с таксономической моделью (суперординатный, базовый и субординатный уровни). При выборе функционального принципа категоризация объектов осуществляется на основе имеющихся между ними функциональных связей. Существует мнение о том, что таксономический способ категоризации основывается на логическом характере мышления и более типичен для обществ с высоким уровнем развития и цивилизации. Функциональный принцип категоризации имеет эмпирический характер и находит свое начало на более ранних этапах развития человеческого сообщества [11].

На наш взгляд, выделение таксономического и функционального принципов категоризации имеет принципиальное значение для изучения реляционных речевых актов. Так, экспериментальное исследование процесса реализации реляционного речевого акта свидетельствует о том, что говорящему часто приходится не только анализировать геометрические параметры описываемой пространственной ситуации, но и оценивать потенциальные функциональные возможности референта и/или релятума. Невозможно, например, сказать человеку *отойди от меня*, когда он стоит от вас на расстоянии больше 5–6 метров, так как в данном случае референт уже находится вне зоны возможного функционального (физического, эмоционального, вербального) воздействия релятума. Причем в разных культурах расстояние возможного функционального воздействия может оцениваться по-разному и, следовательно, соответствующая фраза на данном языке может прозвучать при более близком или более далеком положении двух людей.

Таким образом, реляционные речевые акты способны характеризоваться определенной лингвокультурной спецификой, которая проявляется в особых формах ментальной и языковой репрезентации пространственных отношений, а также в наличии некоторых отличий в процедуре реализации РРА.

Список литературы

1. Аксененко, Б. Н. Предлоги английского языка / Б. Н. Аксененко. – М., 1956. – 320 с.
2. Бороздина, И. С. Реляционный речевой акт как речевая деятельность / И. С. Бороздина // Когнитивные исследования языка. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур : сб. науч. тр. – М.; Тамбов, 2011. – С. 271–280.
3. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М., 2007. – 560 с.
4. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – 214 с.
5. Маляр, Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Маляр. – М., 2002. – 44 с.
6. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://search.ruscorpora.ru>.
7. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М., 2004. – 960 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – URL: <http://fasmerbook.com/p398.htm>.
9. British National Corpus. – URL: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=between>.
10. Dasen, P. R. Development of Geocentric Spatial Language and Cognition: an Eco-cultural Perspective / P. R. Dasen, R. C. Mishra. – URL: <http://www.cambridge.org/us/catalogue/catalogue.asp?isbn=9780521191050>.
11. Neisser, U. Concepts and conceptual development: Ecological and conceptual factors in categorization / U. Neisser. – Cambridge; London; New York, 1987. – 317 p.
12. Online Etymology Dictionary. – URL: <http://www.etymonline.com/>.

Сведения об авторе

Бороздина Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Курского государственного университета.

Borozdina-ira@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 30–34.*

RELATIONAL SPEECH ACT AS LINGUOCULTURAL PHENOMENON

I. S. Borozdina

Kursk State University. Borozdina-ira@mail.ru

The article deals with the analysis of specific linguocultural features of relational speech acts (RSA), and is based on the study of peculiarities of mental and language representation of spatial relations in English and Russian. Special attention is given to both, language means and ways of RSA manifestation, as well as cognitive and psycholinguistic characteristics influenced by linguocultural factors.

Keywords: *relational speech act, linguoculture, spatial relations, prepositions.*

References

1. Aksenenko B.N. *Predlogi anglijskogo jazyka* [Prepositions English]. Moscow, 1956. 320 p. (In Russ.).
2. Borozdina I.S. Reljacionnyj rechevoj akt kak rechevaja dejatel'nost' [Relational speech act as a speech activity]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. 9: Vzaimodejstvie kognitivnyh i jazykovyh struktur* [Cognitive study of language. Issue 9: The interaction of cognitive and linguistic structures]. Moscow; Tambov, 2011. Pp. 271–280. (In Russ.).

3. Zalevskaja A.A. *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, 2007. 560 p. (In Russ.).
4. Leont'ev A.A. *Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow, 1969. 214 p. (In Russ.).
5. Maljar T.N. *Konceptualizacija prostranstva i semantika anglijskih prostranstvennyh predlogov i narechij* [The conceptualization of space and semantics of English spatial prepositions and adverbs]. Moscow, 2002. 44 p. (In Russ.).
6. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru>. (In Russ.).
7. Seliverstova O.N. *Trudy po semantike* [Works of the semantics]. Moscow, 2004. 960 p. (In Russ.).
8. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <http://fasmerbook.com/p398.htm>. (In Russ.).
9. *British National Corpus*. Available at: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=between>.
10. Dasen P.R. *Development of Geocentric Spatial Language and Cognition: an Eco-cultural Perspective*. Available at: <http://www.cambridge.org/us/catalogue/catalogue.asp?isbn=9780521191050>.
11. Neisser U. *Concepts and conceptual development: Ecological and conceptual factors in categorization*. Cambridge; London; New York, 1987. 317 p.
12. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com/>.

УДК 81'371
ББК 81.002

И. Б. Васильева

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ НЕУВЕРЕННОСТИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ: МЕЖДУ МОДАЛЬНОСТЬЮ И АФФЕКТИВНОСТЬЮ

Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00032 «“Мужское” и “женское”
в текстах культуры: русская и английская лингвокультурные традиции
в сопоставительном аспекте».

Представлен анализ количественного распределения и функциональной специфики наречий неуверенности (*probably, maybe, perhaps*) в обучающих текстах в перспективе гендера. Описаны их модальная (соотнесенная с семантикой) и аффективная (соотнесенная с прагматическими свойствами) функции. Установлено, что наречия неуверенности в аффективной функции преобладали в текстах авторов-мужчин. Функционирование наречий неуверенности, помимо гендера, определялось и главной коммуникативной задачей исследованных текстов.

Ключевые слова: *гендер, модальность, аффективность, наречия неуверенности, форма и функция в языке, прагматика, корпус.*

Многофункциональность составляет неотъемлемое свойство единиц языка, во многом определяющее его богатство, гибкость и коммуникативную силу. Поэтому именно в многофункциональности пользователи языка видят важнейший ресурс, обеспечивающий решение стоящих перед ними коммуникативных задач, выражение эмоционального настроения в коммуникации и установление особых дополнительных отношений с адресатом. Данное обстоятельство определяет необходимость более глубокого изучения функционального потенциала языковых единиц, и в этом плане особый интерес представляют единицы, употребление которых соотносится с гендерным параметром. Внимание к «мужскому» и «женскому» в языке становится в последнее время все более пристальным. Но, как правило, «очень немногие языковые элементы непосредственно и однозначно» [10. С. 340] [курсив в оригинале; здесь и далее перевод Васильевой. – И. В.] сигнализируют о гендерной роли говорящего. В силу этого при исследовании вопросов гендера в языке внимание исследователей должно быть обращено не только на сами языковые единицы, но и на их функции, реализуемые в строго определенном контексте.

В данной статье с новых позиций рассматривается проблема соотношения формы и функции языкового элемента в гендерном аспекте. В ней представлены результаты анализа функ-

циональной специфики наречий неуверенности *probably, maybe, perhaps* в корпусе текстов, написанных авторами-мужчинами и женщинами. Исследованные тексты имеют профессиональную направленность, и это обстоятельство позволило получить новые данные о гендерной вариативности в языке на материале письменной формы профессионально ориентированного дискурса. В статье также развивается положение о том, что при выборе языковых явлений, анализируемых с целью описания их функциональной специфики в речи мужчин и женщин, необходимо не только четкое определение их семантики. Принципиально важно также выявление их прагматических свойств, учитывающее особенности контекста, в котором они использованы, роль коммуникантов относительно друг друга, их статус, а также цель коммуникации и тип социальной деятельности, в которой участвуют коммуниканты. И поскольку «языковое поведение приобретает смысл только в контексте» [3. С. 45], то именно такой многоплановый анализ языковых явлений, учитывающий их контекстное окружение, позволяет выявить дополнительные нюансы в гендерной специфике использования языковых единиц.

В работе «Language and woman's place» Р. Лакофф отметила, что женскому языку свойственны различного рода средства, смягчающие категоричность высказывания и таким

образом снижающие ответственность говорящего за его излишнюю уверенность или прямолинейность [9]. В этой перспективе была рассмотрена особая синтаксическая структура английского языка – разделительный вопрос, занимающий промежуточное положение между «закрытым» вопросом, требующим ответа «да»/«нет», и утверждением, отражающим неуверенность говорящего в сообщаемых фактах, обращающегося к адресату за подтверждением или одобрением. Лакофф высказала мнение о том, что именно женщины используют в своей речи больше разделительных вопросов как средство смягчения категоричности утверждения и, следовательно, производят впечатление собеседников, которые точно не знают, о чем говорят [9]. Лакофф также прокомментировала языковые элементы, действующие на уровне речи и сигнализирующие о присутствии в высказывании косвенных или неточных формулировок, охарактеризовав их обобщенным термином «хедж» (от англ. *hedge*). К таковым она отнесла *well, you know, kinda, I guess, I think* и др. [9]. Их избыточное присутствие в речи свидетельствует о том, что говорящий, избегая уверенных утверждений или точности в выборе отдельных элементов высказывания, производит впечатление неуверенного в себе человека, не обладающего достаточным авторитетом. Лакофф связывала преобладание таких смягчающих средств в речи женщин с необходимостью для них следовать правилам вежливости и проявлять внимание к собеседнику, смягчая неприятные высказывания, задевающие его чувства.

Однако более глубокое изучение этого вопроса выявило довольно неоднозначную картину. Рассмотрим основные результаты, полученные в этом плане. Прежде всего, анализируя лексические единицы, выражающие эпистемическую модальность, Дж. Холмс предложила разграничивать в широком смысле два типа значения: «модальное (или пропозициональное) значение, выражающее степень уверенности говорящего, и аффективное (межличностное или социальное) значение, выражающее отношение говорящего к адресату в процессе коммуникации» [6. С. 93].

Это разграничение функций единиц, выражающих эпистемическую модальность, было воспринято в последующих работах. Так, было выполнено исследование закономерностей распределения разделительных вопросов в речи мужчин и женщин в двух контрастирующих

коммуникативных ситуациях: в ситуации непосредственного межличностного общения и опосредованной эфирной трансляции (теле- и радиопередач) [4]. Были четко выделены и две функции разделительного вопроса: модальная и аффективная [6; 7]. В модальной функции разделительный вопрос требовал однозначного ответа или подтверждения информации, а в аффективной он служил средством, приглашающим собеседника вступить в дискуссию и выразить свое мнение. Сопоставив функционирование разделительного вопроса в личных беседах и в теле- и радиопередачах, ученые пришли к выводу о том, что на распределение этого вопроса в речи мужчин и женщин влияет не только параметр гендера, но и роли участников коммуникации. В контексте эфирной трансляции мужчины и женщины в роли модераторов передач или приглашенных экспертов использовали пропорционально больше вопросов в аффективной функции с целью вовлечения аудитории в диалог [4]. Это указывает на важность изучения гендерного параметра не изолированно, а в совокупности с другими параметрами, релевантными для ситуации общения, такими как роли участников коммуникации и сами коммуникативные задачи.

В серии работ, посвященных исследованию гендерно-специфического функционирования разделительных вопросов, а также прагматических частиц (*sort of, you know, I think, of course*), Дж. Холмс также описала и проанализировала их модальную и аффективную функцию [6; 7; 8]. Было выявлено, что, в целом, женщины отдают предпочтение этим частицам для выражения в своем высказывании значений межличностного характера (то есть в аффективной функции), в то время как мужчины предпочитают использовать их в значении, непосредственно соотнесенном с содержанием пропозиции (то есть в модальной функции). Холмс интерпретировала функционирование таких частиц в качестве средств проявления положительной и отрицательной вежливости, при этом подчеркнув, что их функциональность не является предопределенной и однозначной – необходимо учитывать вид речевого акта, с которым соотнесена прагматическая частица: ведь смягчение команды и смягчение похвалы имеют совершенно различный прагматический эффект [8].

Наконец, интересные данные были получены в результате лабораторного эксперимента, в котором изучалось распределение так называ-

емых типично женских дискурсивных элементов: вопросов и прагматической частицы *you know* в речи диад друзей (мужчин и женщин) [5]. Эксперимент был разработан так, чтобы коммуникативная задача, стоящая перед его участниками, трижды сменялась в процессе их общения. В результате эксперимента не было выявлено принципиальных различий между мужчинами и женщинами по исследованным параметрам.

Отмеченные исследования обозначили по крайней мере три фундаментальных фактора, которые необходимо учесть при анализе гендерной вариативности в языке: 1) значение и функции изучаемой языковой единицы; 2) роли и статус коммуникантов относительно друг друга; 3) коммуникативная задача, возникающая в связи с деятельностью, в рамках которой происходит общение. По мнению Д. Камерон, «на употребление языка влияют роли, отношения, ожидания и обязательства, действующие в определенном контексте. Хотя мы остаемся мужчинами и женщинами в каждом контексте, наши роли как мужчин и женщин изменяются от одной ситуации к другой, а наше языковое поведение отражает эти изменения» [3. С. 51] [курсив в оригинале. – И. В.]. Именно опора на контекст позволяет с определенностью установить, что одни и те же языковые единицы или коммуникативные стратегии могут иметь не просто разное количественное распределение в речи мужчин и женщин, но и использоваться в различных функциях.

Перечисленные выше положения составили теоретическую и методологическую основу анализа, целью которого стало изучение гендерно обусловленного использования наречий неуверенности *probably, maybe, perhaps* в текстах мужчин и женщин. Надо отметить, что направление этого анализа было задано в работе Дж. Холмс, которая в заключении статьи о прагматических частицах отметила: «модальные слова и выражения, такие как *actually, certainly, clearly, evidently, in fact, naturally, needless to say, obviously, surely, as you (will) (no doubt) know* и так далее выражают схожие значения (схожие с прагматическими частицами) и при анализе могут оказаться столь же сложны и интересны, как и частицы» [8. С. 201–202].

Объект анализа составили наречия *probably, maybe, perhaps*, относящиеся к семантической группе наречий неуверенности или сомнения [1]. Благодаря своей семантике они также выступают лексическими средствами выражения

эпистемической модальности, позволяя говорящему снизить степень уверенности в правдивости сообщаемых фактов и тем самым ограничить коммуникативную ответственность в случае, если высказывание или его отдельный фрагмент не соответствует действительности. Это позволяет рассматривать их в общем плане как описанные Р. Лакофф «хеджи» – средства смягчения высказывания, «размывающие» его определенность или достоверность и отнесенные ею к группе отличительных речевых характеристик, свойственных женщинам. Справедливость этого положения проверена в данном исследовании на материале электронного корпуса текстов, написанных мужчинами и женщинами.

Прежде всего, при составлении электронного корпуса текстов, написанных авторами-мужчинами и женщинами, было учтено два параметра, объединяющих все тексты в контекстуальном и жанровом отношении: 1) тип деятельности, в рамках которого были созданы тексты; 2) сопоставимое соотношение объемов корпуса по тематическому и гендерному параметру. Соотнесение исследованных текстов с типом деятельности позволяет охарактеризовать их как своего рода «учебные пособия». В частности, тексты представляют собой курсы, предназначенные для самостоятельного изучения основ использования компьютерных технологий и ведения бизнеса. Структура корпуса представлена в таблице 1.

Таблица 1

Общий состав корпуса обучающих текстов

Тема	М-тексты (10 текстов)	Ф-тексты (10 текстов)
Компьютеры	134919	133799
Бизнес	125044	125034
Всего М / F	259963	258833
Всего М + F	518796	

Как видно из таблицы, общий объем корпуса составил около полумиллиона слов, причем выборки текстов авторов-мужчин и женщин представлены практически в равном объеме, что обеспечивает сопоставимость количественных данных даже на стадии предварительного количественного подсчета. Корпус имеет два структурных параметра: *гендерный* (авторы-мужчины и женщины) и *тематический*. Тематика текстов в широком смысле определена как «Компьютеры» и «Бизнес». Поэтому из этого корпуса можно получать и оценивать данные

по четырем его подразделам: мужчины / тема «Компьютеры» (М «Компьютеры»), женщины / тема «Компьютеры» (F «Компьютеры»), мужчины / тема «Бизнес» (М «Бизнес») и женщины / тема «Бизнес» (F «Бизнес»).

Важным фактором с точки зрения сопоставимости текстов является их одинаковая коммуникативная задача, возникающая в условиях обучения. Цель текста состоит в том, чтобы предоставить читателю необходимые базовые знания в профессиональной сфере компьютерных технологий и бизнеса. Решение этой задачи определяют коммуникативные роли автора и читателя по отношению друг к другу: автор текста выступает в роли преподавателя, имеющего признанное положение эксперта в своей профессии, в то время как читатель выступает в роли обучаемого/новичка или, по крайней мере, человека, стремящегося получить дополнительные знания в данной профессиональной области. Таким образом, обучающее общение автора с читателем в данных текстах происходит в контексте профессиональной деятельности, в которой роли автора и читателя *комплементарны* (обучающий – обучаемый), но *асимметричны* по своему статусу (эксперт-новичок). Представляется, что именно этот аспект текстов позволит наиболее отчетливо выявить влияние гендера на распределение и функционирование исследованных языковых единиц.

В методологическом плане в исследовании сочетались, с одной стороны, методы количественной оценки частоты и распределения наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* в текстах корпуса, а с другой стороны, методы прагматического микроанализа, направленного на изучение контекстных условий употребления данных лексических единиц и определение их функций.

Перейдем далее к результатам первого этапа исследования, в ходе которого были выявлены случаи употребления и особенности количественного распределения наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* в четырех подразделах корпуса, учитывающих параметры гендера и тематики текстов. Количественные данные по текстам мужчин и женщин (далее М-тексты и F-тексты), а также темам («Компьютеры» и «Бизнес») представлены в таблицах 2 и 3 соответственно.

Таблица 2

Общее количество и процентное соотношение случаев употребления наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* в текстах мужчин

Наречие	Компьютеры		Бизнес		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<i>probably</i>	68	68	64	69	132	68
<i>maybe</i>	15	15	20	21	35	18
<i>perhaps</i>	17	17	9	10	26	14
ВСЕГО	100	100 %	93	100 %	193	100 %

Таблица 3

Общее количество и процентное соотношение случаев употребления наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* в текстах женщин

Наречие	Компьютеры		Бизнес		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<i>probably</i>	45	71	49	57	94	63
<i>maybe</i>	8	13	16	19	24	16
<i>perhaps</i>	10	16	21	24	31	21
ВСЕГО	63	100 %	86	100 %	149	100 %

Всего в корпусе выявлено и проанализировано 342 случая употребления наречий неуверенности *probably*, *maybe* и *perhaps*. Причем мужчины чаще использовали эти наречия, чем женщины: 193 случая употребления выявлено в М- и 149 случаев употребления в F-текстах. Частотность употребления этих наречий в пересчете на 1000 слов текста составила 0,7 и 0,6 случаев употребления в М- и F-текстах соответственно. Стоит отметить, что это довольно высокая частотность, характерная, скорее, для устной, чем для письменной коммуникации [1]. У женщин отмечено некоторое преобладание наречий неуверенности в текстах с бизнес-тематикой, а у мужчин наречия распределились практически равномерно по двум темам. Наибольшее расхождение между текстами мужчин и женщин отмечено в теме «Компьютеры» (100 М vs. 63 F).

Говоря о специфике использования рассмотренных наречий неуверенности в лексическом плане, как в текстах мужчин, так и женщин, преобладало наречие *probably*, за которым следовали *maybe* и *perhaps*, что также отражает общую тенденцию в английском языке [1].

Несмотря на количественное преобладание наречий неуверенности в текстах мужчин, пропорциональное соотношение этих наречий в М- и F-текстах оказалось схожим: М-тексты

probably – *maybe* – *perhaps* = 68 % – 18 % – 14 % и F-тексты *probably* – *maybe* – *perhaps* = 63 % – 16 % – 21 %.

Полученные количественные данные вызывают ряд закономерных вопросов. Означает ли большее количество наречий неуверенности в текстах мужчин то, что они чаще, чем женщины, стремятся выразить нерешительность, неуверенность или неопределенность в своих текстах? Как такое количественное распределение наречий может быть объяснено в контексте обучающих текстов, авторы которых обладают экспертными знаниями? Или же эти наречия выполняют в данном контексте особую функцию, которая и объясняет их высокую частотность употребления?

Ответ на данные вопросы требует более детального рассмотрения контекстов, в которых было изучено функционирование *probably*, *maybe* и *perhaps*. В этом плане, прежде всего, было установлено, что высокая частотность употребления наречий неуверенности обусловила образование ими устойчивых коллокаций в текстах корпуса (под таковыми понимаются случаи повторяемости изученных единиц в одинаковом лексическом окружении и синтаксических связях). Эти коллокации вновь проявили сходный характер в текстах мужчин и женщин, как показано в таблице 4. Данный факт, вероятно, объясняется тем, что достаточно высокая частотность наречий неуверенности связана не просто с параметром гендера, но и с другими контекстуальными факторами.

Таблица 4

Коллокации с наречиями *probably*, *maybe* и *perhaps* в текстах корпуса

№	Коллокации в М-текстах	Коллокации в F-текстах
1	you'll <i>probably</i> verb	you'll <i>probably</i> verb
2	you're <i>probably</i> V-ing	you've <i>probably</i> V-ed
3	you've <i>probably</i> V-ed	you modal <i>probably</i> verb
4	you <i>probably</i> modal	you <i>probably</i> verb
5	you <i>probably</i> verb	<i>maybe</i> you verb
6	<i>maybe</i> you verb/modal	<i>perhaps</i> you verb

Выявленные коллокации позволили обнаружить устойчивую связь между наречиями неуверенности *probably*, *maybe* и *perhaps* и местоимением второго лица *you*, обращенного к читателю. В текстах мужчин выявлено 92 случая

употребления местоимения *you* с наречиями неуверенности, а в текстах женщин – 73 случая. Эта совместная лексическая встречаемость оказалась наиболее устойчивой в М-текстах, поскольку и общее количество наречий неуверенности оказалось выше в М-текстах (см. таблица 5). Что касается пропорционального соотношения случаев употребления *probably*, *maybe* и *perhaps* с *you* и без него, то оно оказалось приблизительно одинаковым как в текстах авторов-мужчин, так и в текстах авторов-женщин, составив соответственно 48 % – 100 % и 49 % – 100 % (см. таблица 5).

Таблица 5

Соотношение наречий неуверенности, сочетающихся с *you*, к их общему количеству в М-текстах и F-текстах

Наречие	Общее кол-во		Из общего количества с <i>you</i>		% от общего кол-ва	
	М	F	М	F	М	F
<i>probably</i>	132	94	75	51	57 %	54 %
<i>maybe</i>	35	24	14	9	40 %	38 %
<i>perhaps</i>	26	31	3	13	12 %	42 %
ВСЕГО	193	149	92	73	48 %	49 %

Далее было осуществлено рассмотрение функций наречий неуверенности в проанализированных текстах. Безусловно, в текстах корпуса наречия *probably*, *maybe* и *perhaps* имели модальное значение, выражающее сомнение говорящего относительно содержания сообщаемых факторов, как в приведенных ниже примерах (1) и (2).

Автор привлекает внимание к тому, почему для загрузки веб-страницы требуется некоторое время:

(1) If some pages do seem terribly slow, don't worry that there's something wrong with your computer, modem or connection. The problem is *probably* the page you're accessing is very complex (М «Компьютеры»).

Автор поясняет, на каких языках лучше оформлять визитную карточку бизнесмена:

(2) European business people speak English, so your English business card *probably* will suffice for most places you'll go. You'll do yourself a real favor, however, by printing your business card in English on the front and in your host's native language on the back (F «Бизнес»).

В примере (1) автор предполагает, что именно сложность формата веб-страницы, а не иные технические проблемы (скорость Интернет-со-

единения, модем, компьютер) является наиболее вероятной причиной того, что она медленно загружается. Но указывая на то, что это лишь его предположение и другие причины исключить нельзя, автор смягчает иллокутивную силу своего высказывания с помощью наречия неуверенности *probably*. Иными словами, в данных условиях *probably* свидетельствует о том, что названная причина проблемы весьма вероятна, но не обязательно является единственной в ряду других возможных. В примере (2) автор выражает мнение о том, что визитная карточка, напечатанная на английском языке, вероятнее всего, без проблем может использоваться в большинстве стран Европы. Однако наречие *probably* снижает эту уверенность, а далее дается дополнительный совет относительно того, на каких языках бизнесмену лучше оформить визитную карточку.

В обоих случаях наречие *probably* подчеркивает, что автор текста ограничивает свою ответственность за точность содержания высказывания. Таким образом, смягчение иллокутивной силы высказывания в этом случае ориентированно на потребности социального лица автора, а наречие *probably* функционирует в *модальном* значении, сигнализируя о его неуверенности.

Употребление наречий неуверенности с местоимением *you* обнаруживает несколько иную картину и позволяет детально описать их функционирование в *аффективной* функции, направленной на установление межличностных отношений между автором текста и читателем или (как в приведенных примерах) между специалистом и обучаемым. Прямое обращение автора к обучаемому (*you*) свидетельствует, прежде всего, о его стремлении более активно вовлечь читателя в процесс обучения.

Детальный анализ контекста, включающего коллокации наречий неуверенности с *you*, позволил установить, что именно в этих случаях они используются в аффективной функции, а это, в свою очередь, обусловлено проявлением авторского внимания к социальному лицу читателя-адресата. Были выявлены следующие типичные виды контекстов, в которых местоимение *you* встречается с наречиями неуверенности.

1. **Смягчение предположений об адресате.** Автор высказывает предположения об имеющихся знаниях или фактах предшествующего опыта (действий) читателя, которые представляются наиболее релевантными в рамках

изучаемой темы или всего процесса обучения. Таковы, в частности, следующие примеры:

(3) One way or another, you've *probably* already **heard** about Microsoft Windows (М «Компьютеры»).

(4) And, as you *probably* **know** from your own experiences surfing the Web, pop-up ads can be quite annoying <...> (М «Бизнес»).

(5) You've *probably* already **conquered** Windows basics and **know** how to use scroll bars and keystroke functions <...> (F «Компьютеры»).

(6) As a business owner, you *probably* already **know** that waste costs money (F «Бизнес»).

В этих условиях обращает на себя особое внимание использование *you* с когнитивными глаголами или глаголами интеллектуальной деятельности. Это означает, что автор все же считает, что читатель обладает релевантными знаниями или опытом, хотя не имеет возможности с уверенностью утверждать это. Ср.: You *probably* have already **noticed** that many presentations consist of <...> (M); <...> you *probably* **know** about Internet providers, since <...> (M); you've *probably* **heard** the terms hardware and software <...> (F); <...>, as you *probably* **realize**, you used software with your modem <...> (F); *Perhaps* you **see** that continued reliance on increasingly expensive fossil fuels <...> (F).

Другой случай подобного рода составляет предположение автора о действиях, выполняемых читателем в процессе обучения, и об их результате. Например: If your window isn't on the list, you've *probably* **closed** it (M); <...> you'll *probably* **use** the Text layout most (M); you *probably* **went** into business to succeed, and that means you'll do <...> (M); *Perhaps* you **identify** company strengths that are assets only because your competitors haven't reacted yet <...> (M); You'll *probably* **find** yourself selecting text almost as often as you type text (F); <...> and you'll *probably* **add** more [files] as time goes by <...> (F); *Perhaps* you **have** a folder with lots of files in it from a variety of topics (F); *Perhaps* you'll **pick up** a few new tips that you can incorporate into the way you <...> (F). Описание действий или деятельности адресата помогает, с одной стороны, воссоздавать обучающую ситуацию как бы в реальном времени, а с другой стороны, представить в ней читателя активным субъектом процесса обучения.

Важную роль в обучающей ситуации играют также и случаи прямого обращения к желаниям или потребностям читателя – их автор стремится учесть в процессе обучения. Это

подтверждается рядом коллокаций наречий неуверенности с модальными глаголами *want* и *need*, выражающих желательность и необходимость определенных действий, причем эта модальность выражена автором как бы от лица читателя. Например: <...> you'll *probably want* to check your Internet mailbox regularly <...> (M); <...> you *probably don't want* to go it alone when it comes to putting together your business plan (M); *Maybe* you *want* to know a little more on why some insurance strategies work <...> (M); *Perhaps* you *need* to extend yourself beyond your comfort zone and <...> (F); If you're a real photography buff, you'll *probably* also *want* to buy special lenses, lights, a tripod, and some of the other bells and whistles (F); You'll *probably want* to use Dreamweaver for a while before you modify the Launcher <...> (F).

С точки зрения теории вежливости, смягчение иллокутивной силы представленных выше предположений является стратегией отрицательной вежливости, обусловленной установкой автора на поддержание соответствующей социальной дистанции между автором и читателем, которая не позволяет автору делать прямые предположения об адресате. Следование этой установке (Don't presume/assume) означает, что автору надо быть осторожным в своих предположениях относительно адресата, включая предположения о его «желаниях, о том, что для него релевантно или интересно или достойно его внимания» [2. С. 144]. Автор текста не имеет возможности наверняка судить о деятельности адресата, но, считая упомянутые действия необходимыми и напрямую связанными с его занятием, автор демонстративно предполагает, что читатель их выполнил или уже обладает необходимой или релевантной информацией для их выполнения. Поэтому, с одной стороны, семантика этих предложений нивелируется с помощью наречий неуверенности, а с другой – присутствие местоимения *you* и глаголов, соотношенных с соответствующими действиями, подчеркивает активную роль адресата в процессе обучения.

2. **Смягчение инструкций.** Характерным контекстом употребления наречий неуверенности является смягчение инструкций и советов. Теория вежливости расценивает инструкции и команды как речевые акты, угрожающие социальному лицу адресата, так как они ограничивают свободу его действий и предполагают подчинение воле адресанта. Поэтому

ослабление иллокутивной силы команд, инструкций или советов является стратегией отрицательной вежливости, ориентированной на потребности лица адресата. В корпусе текстов команды и советы, предлагаемые читателю, смягчаются с помощью наречий неуверенности и иногда даже формулируются косвенно. Например: <...> you'll *probably have to* buy a new one [computer] or upgrade your older one <...> (M); These days you're *probably better off* sticking with either a Mac or a PC <...> (M); In fact, you *probably should* carry out a SWOT review on a regular basis, <...> (M); Unless you really need every last pixel, you're *probably better off* sticking with a middle-range camera <...> (F); You *probably shouldn't* ask any questions about religion, either <...> (F).

Надо отметить, что подобные примеры реже встречались у мужчин в теме «Бизнес», чем в теме «Компьютеры», и полностью отсутствовали у женщин в текстах по теме «Бизнес».

3. **Смягчение выражения личной позиции автора.** И, наконец, наречия неуверенности использовались в текстах с целью смягчения авторских ремарок. Эти случаи составили небольшую, но заслуживающую отдельного внимания группу примеров. Подобные ремарки представляют собой комментарии, касающиеся не столько содержания, сколько личных суждений автора о себе или о читателе. Примерами таких ремарок служат следующие:

(7) And if you are like me, you *probably* like to look for mistakes in people's Web pages just for juks (M «Компьютеры»).

(8) <...> (*maybe* it's [the word] an unusual word that isn't in the Powerpoint spelling dictionary, or *maybe* you like to spell like Chaucer did), click the Ignore button (M «Компьютеры»).

(9) <...> how many times have you responded to an advertising message for a new, improved, astounding product, only to be disappointed with the item after you tried it? You *probably* even felt like you'd been ripped off (M «Бизнес»).

(10) Or *perhaps* someone else pulled it [file] out and forgot to put it away and you don't know where it belongs. Or *maybe* you're just too lazy to do it yourself (F «Компьютеры»).

(11) <...> *maybe* you keep a database of all your lovers and letters, a stationery pad for creating multiple copies, a faxable version, and <...> (F «Компьютеры»).

(12) Or *maybe* you won a sales award and the prize is a cruise that's coming up in two months. Who could miss that? (F «Бизнес»).

Эти ремарки, сделанные автором мимоходом в процессе объяснения материала, зачастую отклоняются от темы, содержат эмоциональный юмористический компонент. В силу этого они служат средством снижения степени формальности в тексте, сокращая социальную дистанцию между преподавателем и обучающимся и подчеркивая это. Интересно отметить, что, хотя такие стратегии установления межличностного контакта являются вполне типичным приемом на занятиях при непосредственном общении преподавателя и обучаемого, они фиксируются и в условиях опосредованной коммуникации, в условиях обучения на основе письменных текстов. Авторские ремарки также чаще встречались в текстах темы «Компьютеры».

Подводя итоги, необходимо отметить, что, как и предвидела Дж. Холмс, функциональность эпистемических наречий неуверенности оказалась весьма информативной с точки зрения гендера. Анализ функционирования наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* в корпусе обучающих текстов позволил установить, что они достаточно часто встречаются в текстах и выполняют как модальную, так и аффективную функции, которые в равной степени значимы в М- и F-текстах, так как их соотношение оказалось практически равным. Модальная функция наречий неуверенности ориентирована на автора и служит средством, ограничивающим его ответственность за справедливость высказанного утверждения. Аффективная же функция этих наречий ориентирована на читателя, связана с прямым обращением автора к нему и служит знаком проявления внимания к его социальному лицу. Именно поэтому наречия неуверенности являются важным средством реализации стратегий отрицательной вежливости, которые помогают говорящему проявить уважение к собеседнику, избежать конфронтации и не ограничивать свободу его действий. Употребление этих наречий в текстах позволяет автору быть менее категоричным в своих предположениях, напрямую затрагивающих адресата, и поддерживать с ним дистанцию, обеспечивающую ситуацию раскованного и непринужденного общения (несмотря на действительно неравный статус коммуникантов). В этом реа-

лизуется стратегия отрицательной вежливости, которая включает случаи предположений, высказанных автором о знаниях, умениях адресата, высказанного понимания его потребностей и обращенных к нему советов и неформальных ремарок личного плана. Таким образом, наречия неуверенности *probably*, *maybe* и *perhaps* являются важным средством, обусловленным потребностями социального лица как автора, так и читателя, и способствующим установлению межличностных отношений между ними. Это представляется особенно необходимым в условиях практических занятий в форме спонтанного устного общения.

Выявление аффективной функции наречий *probably*, *maybe* и *perhaps* также позволяет заключить, что высокая частотность их использования в данном корпусе текстов означает не более высокую степень неуверенности авторов-мужчин по сравнению с авторами-женщинами, а тот факт, что мужчины чаще, чем женщины, используют данные наречия для смягчения своих предположений относительно адресата. Иными словами, эти наречия позволяют реализовать стратегию вежливости, обусловленную желанием автора более активно вовлечь читателя в процесс обучения.

Наконец, немаловажным является и тот факт, что характер распределения этих наречий в текстах, их функциональное соотношение, а также типичные контексты употребления оказались во многом похожими для мужчин и женщин. Это означает, что на распределение и функционирование данных наречий в обучающих текстах корпуса влияет не только гендер, но и роль авторов-мужчин и женщин (преподавателя, эксперта), а также главная коммуникативная задача, которая определена совместной деятельностью коммуникантов на виртуальном практическом занятии, создаваемом в тексте.

Таким образом, изучение функции языковой единицы в гендерном аспекте предполагает не просто внимание к гендерной идентичности участников коммуникации, но и внимание к типу деятельности, в рамках которой происходит коммуникативный процесс, к ролям, статусу и отношениям коммуникантов по отношению друг к другу.

Список литературы

1. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Pearson Education Limited, 1999. – 1204 p.

2. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
3. Cameron, D. The myths of Mars and Venus / D. Cameron. – New York: Oxford University Press, 2007. – 196 p.
4. Cameron, D. Lakoff in context: the social and linguistic functions of tag questions / D. Cameron, F. McAlinden, K. O’Leary // *Women in their speech communities*. – London: Longman, 1988. – P. 74–93.
5. Freed, A. Language and gender research in an experimental setting / A. Freed // *Rethinking language and gender research: theory and practice*. – London: Longman, 1996. – P. 54–76.
6. Holmes, J. ‘Sort of’ in New Zealand women’s and men’s speech / J. Holmes // *Studia Linguistica*. – 1988. – № 42 (2). – P. 85–121.
7. Holmes, J. Hedging your bets and sitting on the fence: some evidence for hedges as support structures / J. Holmes // *Te Reo, Proceedings of the Linguistic Society of New Zealand*. – 1984. – Vol. 27. – Pp. 47–62.
8. Holmes, J. Hedges and boosters in women’s and men’s speech / J. Holmes // *Language and Communication*. – 1990. – Vol. 10, № 3. – Pp. 185–205.
9. Lakoff, R. T. Language and woman’s place / R. T. Lakoff // *Language and woman’s place. Text and commentaries. Revised and expanded edition*. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. – 309 p.
10. Ochs, E. Indexing gender / E. Ochs // *Rethinking context: language as an interactive phenomenon*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Pp. 335–358.

Сведения об авторе

Васильева Инга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

inga_vassilieva@hotmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 35–44.*

GENDER-SPECIFIC FUNCTIONS OF ADVERBS OF DOUBT IN SPECIALIZED TEXTS: BETWEEN MODALITY AND AFFECTIVITY

I. B. Vasilieva

*Institute for Socio-Humanitarian Technologies and Communication I. Kant Baltic Federal University.
inga_vassilieva@hotmail.com*

The article presents the analysis of quantitative distribution and functional specificity of adverbs of doubt (*probably, maybe, perhaps*) in the corpus of tutorial texts from a gender perspective. Their modal and affective functions have been described. The modal function of the adverbs of doubt is related to their meaning while affective function is related to their use. The former is author-oriented and limits author’s responsibility for the accuracy of the statement while the latter is reader-oriented and used to attend to a reader’s face needs.

The analysis showed that, on the whole, adverbs of doubt occurred more often in male-authored rather than female-authored texts (193 vs. 149 occurrences). Almost half of the occurrences of adverbs of doubt was used in the affective function by both men and women. In affective function, adverbs of doubt enabled the author to be less direct in his/her presuppositions concerning the reader and maintain social distance ensuring relaxed and informal communication within the tutorial texts despite asymmetrical status of the communicants (author/teacher – reader/student). Affective adverbs of doubt were typically used by male and female authors in order to: mitigate presuppositions made about the reader (addressee); mitigate instructions/advice given to the reader; mitigate author’s personal asides occasionally occurring in the tutorials.

Adverbs of doubts in affective function occurred more often in the texts authored by men rather than women and served as realizations of a negative politeness strategy that stems from the author's striving to ensure reader's active involvement in the learning process.

The study also underscores that the pattern of distribution and functioning of adverbs of doubt in the texts under investigation depended not only on gender parameter but also on the roles of the author and reader relative to each other (teacher – student) as well as the overarching communicative task arising in the context of a joint activity of the communicants framed by the virtual tutorial created in the texts.

Keywords: *gender, modality, affectivity, adverbs of doubt, form and function in language, pragmatics, corpus.*

References

1. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
2. Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge University Press, 1987. 345 p.
3. Cameron D. *The myths of Mars and Venus*. New York, 2007. 196 p.
4. Cameron D., McAlinden F., O'Leary K. Lakoff in context: the social and linguistic functions of tag questions. *Women in their speech communities*. London, 1988. Pp. 74–93.
5. Freed A. Language and gender research in an experimental setting. *Rethinking language and gender research: theory and practice*. London, 1996. Pp. 54–76.
6. Holmes J. 'Sort of' in New Zealand women's and men's speech. *Studia Linguistica*, 1988, no. 42 (2), pp. 85–121.
7. Holmes J. Hedging your bets and sitting on the fence: some evidence for hedges as support structures. *Te Reo, Proceedings of the Linguistic Society of New Zealand*, 1984, vol. 27, pp. 47–62.
8. Holmes J. Hedges and boosters in women's and men's speech. *Language and Communication*, 1990, vol. 10, no. 3, pp. 185–205.
9. Lakoff R.T. Language and woman's place. *Language and woman's place. Text and commentaries. Revised and expanded edition*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004. 309 p.
10. Ochs E. Indexing gender. *Rethinking context: language as an interactive phenomenon*. Cambridge, 1992. Pp. 335–358.

УДК 81-25
ББК 81

Н. Р. Власян

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО РАЗГОВОРНОГО ДИАЛОГА

Рассматриваются лексико-семантические особенности английского разговорного диалога. Диалог понимается в узком смысле как форма речи, состоящая в обмене высказываниями-репликами, характеризующаяся спонтанностью, неподготовленностью, оценочностью, эмоциональностью и имплицитностью. Разговорное общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими. Оно может реализоваться при непосредственном их участии.

Ключевые слова: диалог, лексико-семантические особенности, выразительность, экспрессивность, разговорность.

Диалог является формой выражения речевого общения, в наибольшей степени соответствующей сущности речевой интеракции как таковой.

О сложности и многоаспектности проблем диалога свидетельствует тот факт, что в качестве предпосылок для разработки лингвистического анализа диалога используются материалы таких наук, как культурология, литературоведение, социология, антропология, психология, философия и др.

В лингвистическом энциклопедическом словаре диалог (или диалогическая речь) определяется как «форма (тип) речи, состоящая в обмене высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для диалогической речи типично содержательная (вопрос/ответ, согласие/возражение) и конструктивная связь реплик» [5. С. 135]. Данное определение включает не только наличие адресата и адресанта, формальное и содержательное единство реплик, но и конститутивный момент – формирование языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата.

Спонтанный разговорный диалог представляет собой наиболее яркую и естественную форму коммуникации, так как «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [8. С. 31].

Теория диалога – «предприятие колоссально сложное» [3. С. 36], что обусловлено многоаспектностью диалога и разнообразием подходов к нему: диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах как форма речевого общения, сфера

проявления речевой деятельности человека и – шире – как формула существования языка.

Глубокое понимание коммуникативной функции языка было свойственно М. М. Бахтину, который писал по этому поводу: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения» [1. С. 126].

Для М. М. Бахтина, как и для многих современных исследователей речевого общения, характерны две трактовки диалога: в широком и в узком понимании. Диалог в широком смысле есть встреча двух сознаний, и с этой точки зрения недиалогической речи нет, любой текст всегда «дву-планов» и «двусубъектен». Диалог включается в представление о коммуникативной сущности языка как общественного явления. Необходимое присутствие партнера как сущностная характеристика диалога интерпретируется в этом случае как возможность, которая может быть рано или поздно реализована, то есть партнер понимается в предельно широком плане как человечество во все времена и в неограниченном пространстве. В связи с этим утрачивается традиционное противопоставление диалогической и монологической речи, ибо любые формы речи предполагают адресата – реального или потенциального. Диалогические отношения восстанавливаются не внутри текста, а между несколькими текстами (от двух до бесконечности), и вся мировая литература, взаимодействие национальных литератур и направлений, преемственность литературных традиций трактуются как диалог.

В трактовке диалога в узком смысле слова, в понимании его сущности, специфики, его со-

отнесенности с другими явлениями и понятиями существует разнообразие определений и подходов. Диалог в узком его понимании часто характеризуется определенным набором дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих; понимание языка, на котором ведется диалог, и того, что участники диалога видят, по меньшей мере, слышат друг друга [4].

Говоря о разговорном диалоге, к перечисленным выше характеристикам можно добавить спонтанность, оценочность, эмоциональность и имплицитность.

В работе И. П. Святогора перечисляются следующие свойства, присущие диалогу: специфическое построение и использование входящих в него синтаксических конструкций; особый способ связи реплик, тесная многосторонняя взаимосвязь и взаимообусловленность их синтаксических структур; своеобразие функций членов предложения и средств выражения предикативности и модальности; замкнутость речевой организации; интонационная взаимоотноительность реплик, особые интонационные структуры; коммуникативная взаимообусловленность реплик, перенесение функций выражения коммуникации с отдельной реплики на словесный и грамматический состав всего диалогического единства [7].

Наиболее полно, на наш взгляд, характеристики неофициального диалога описывает Л. М. Михайлов:

1. Обязательное присутствие в коммуникативной ситуации двух или более собеседников.
2. Спецификация коммуниканта, его принадлежность к определенной общественной группе, образование, возраст, темперамент и так далее.
3. Первичность устной формы производства.
4. Спонтанность.
5. Реплицирование альтернирующей цепочки, возникающей в результате чередования реплик коммуникантов.
6. Четко выраженная коммуникативная интенция [6].

Данная статья посвящена исследованию лексико-семантических особенностей английского разговорного диалога.

Материалом исследования послужили разговорные диалоги, извлеченные методом сплошной выборки из текстов скриптов современных американских художественных фильмов.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в лексико-стилистическом отношении разговорный диалог неоднороден – здесь можно встретить:

1) слова, связанные с повседневной жизнью, бытом (*pan* – кастрюля, *tree* – дерево, *table* – стол, *shower* – душ и так далее);

2) слова, имеющие ярко выраженный разговорный, нередко сниженный оттенок (*to rip off* – (разг.) воровать, грабить; *dork* – (разг.) глупый или необразованный человек; *weird* – (разг.) странный, непонятный; причудливый);

3) слова стилистически нейтральные (*beautiful* – красивый, *destiny* – судьба, *competent* – осведомленный, сведущий), составляющие основную словарный фонд литературного языка;

4) специальную терминологическую лексику (*heart failure* – сердечная недостаточность, *welding* – сварка, *grain crops* – зерновые культуры);

5) отдельные жаргонные вкрапления (*blotter* – писака, бумагомаратель (жур.), *leg* – этап эстафеты (спорт.)).

Такое стилистическое разнообразие разговорной речи объясняется, прежде всего, ее широким тематическим диапазоном. В неофициальной обстановке с хорошо знакомыми людьми можно говорить на любую тему: о повседневных домашних делах, работе, политике, друзьях и знакомых, болезни близких, новом фильме и так далее.

Кроме того, в ходе нашей работы были выявлены характерные лексические единицы английской диалогической речи, среди которых наиболее частотными являются, прежде всего, дискурсивные маркеры – специальные языковые элементы, которые помечают структуру речи, ментальные процессы говорящего и контроль над ментальными процессами адресата.

Класс дискурсивных слов открытый: туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, наречия, а также частицы и некоторые выражения [2].

Исследование показало, что наиболее частотные маркеры в английском языке: *now, so, well, anyway(s), right, ok, you know, I mean, actually.*

...and then, *you know*, you grow up. I guess that's what's happened with me. You just... people change. We married when I was, what, in my mid-twenties. A kid. We were kids. Twenties. You think it's forever. Then, *you know*, you're older – you begin to feel your mortality, you start to think, well, there's no more time for dishonesty. (Burn after reading).

Кроме того, большую роль в разговорной речи играет сленг. Рассмотрим несколько примеров его употребления:

– We're done with that already, *bonehead*. I'm no *dummy*.

– That's right. You just act like one. (A walk to remember).

В приведенном фрагменте диалога используются сленговые выражения, которые имеют следующие значения: *bonehead* – сл. дурень; тупица; болван; балбес; балда; *dummy* – сл. глупец.

При этом некоторые коллоквиализмы – это лексические единицы из нейтральной лексики в новом значении, например: *break* – неуместное действие или замечание, *dig* – упорно работать, *clue* – снабжать необходимой информацией, *horse* – шпаргалка и др.

Для устного разговорного диалога также характерны слова с ситуативным значением, так называемая ситуативная лексика. Эти слова могут обозначать любые понятия и даже целые ситуации, если они хорошо известны участникам диалога. В английском языке это такие слова, как, например, *thing*, *stuff*, *issue*, *matter*, *problem*, *point*, *deal*:

– But... what if you meet someone and fall in love?

– Love? You seriously believe in that *stuff*?

– Of course I do. (500 days of Summer).

В данном случае ситуативное слово «*stuff*», которое в различных контекстах может обозначать разные понятия и в некоторой степени выражает отношение говорящего к теме, поскольку слово «*stuff*» имеет коннотативное значение несерьезности, и мы видим, что героиня относится к любви несерьезно и считает это полной ерундой.

Еще одной характерной особенностью лексической системы разговорного дискурса является наличие эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии. Отсюда в устной английской речи появляются всякого рода усиленные слова и обороты. Так, например, наречие английского языка *so* постепенно вытесняется наречием *that*, например: *not that quick*, *not that far*, *don't ask that much*, *you must not be here that late*, *it is that simple*, *I am not that rich*, *nothing is that simple*.

– They won't let you back in that bar after last time.

– I wasn't *that bad*.

– Not at all. You just tried to fight the bartender, and then threatened to burn the place down

before passing out on the sidewalk. (500 days of Summer).

В приведенном фрагменте диалога речь идет о том, что после последнего посещения определенного бара, в результате которого одного из собеседников попросили удалиться оттуда, им не стоит снова идти в этот бар, на что McKenzie возражает, что все было не так уж и плохо, используя усиительное наречие *that*.

Согласно результатам исследования, для устной диалогической речи также характерно обилие фразеологических оборотов. При этом фразеологизмы часто переосмысляются, изменяют форму, активны процессы контаминации и комического обновления фраземы.

– I'm able to recall hundreds of important details *at the drop of a hat*. We reveal Margot on a raft beside her. (Legally blond).

В приведенном примере используется фразеологизм «*at the drop of a hat*», который означает «сделать что-либо в один миг», то есть героиня утверждает, что может вспомнить сотни важнейших деталей в один миг.

Таким образом, в ходе работы было выявлено, что наиболее значимыми специфическими лексическими единицами англоязычного разговорного дискурса являются: дискурсивные маркеры, сленг, ситуативная лексика, фразеологизмы и эмоционально-экспрессивная лексика, выраженная усиленными словами и оборотами.

Кроме того, проведенное исследование показало, что среди стилистических фигур и тропов, характерных для устного разговорного дискурса, наиболее частотными являются:

- эпитеты, то есть образные определения, которые дают художественную характеристику предмету или явлению.

– Same time next week?

– No. This is going to be our last session.

– Why? I like spending time with you. You know, you're quite attractive for a woman your age. You have *killer legs*. *Killer*. (Cruel Intentions).

В приведенном примере молодой человек пытается очаровать свою собеседницу, используя эпитет *killer legs* (умопомрачительные ноги) – в надежде, что и в этот раз ему все сойдет с рук.

- лексические повторы, то есть намеренное повторение с экспрессивной целью одной и той же словоформы на обозримом участке текста; так выделяется ключевое слово, на значение которого нужно обратить внимание, как, например, в следующих фрагментах диалогов:

– I know a lot more than that.

– *Doubtful. Very doubtful.* (Ten Things I Hate about you).

• аллюзии, то есть упоминание имен выдающихся деятелей, исторических событий, мест, художественных произведений и др. с определенной целью. Как, например:

– This can't be a total surprise. I mean, we've been like *Sid and Nancy* for months.

– Summer, Sid stabbed Nancy seven times with a kitchen knife. We've had some disagreements but I hardly think I'm Sid Vicious.

– *No... I'm Sid.* (500 days of Summer).

В данном случае происходит упоминание таких личностей, как *Sid and Nancy*: Сид Вишес, бас-гитарист группы «Sex Pistols», и его подруга Нэнси Спанджен. Девушка имеет в виду то, что они с молодым человеком так же, как Сид и Нэнси, постоянно ссорятся и воюют друг с другом.

• сравнения, то есть сопоставление изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, и метафоры, то есть перенесение свойств одного предмета или явления на другой на основании признака, общего для обоих. Рассмотрим несколько примеров.

– He looks *like his face caught fire and he tried to put it out with a fork.*

– *He couldn't find his own butt with both hands at high noon in a hall of mirrors.* (A walk to remember).

В данном случае приведенные сравнение и метафора служат для описания человека, о котором говорят собеседники, возможно, его неуклюжести, нескладности, непривлекательной внешности, неспособности самостоятельно что-либо делать.

• гиперболы, то есть стилистическая фигура, состоящая в явно-преувеличенном (или преуменьшенном) выражении мысли:

– He's a huge hog beast. He probably *eats a thousand pancakes for breakfast.*

– You're writing here about Mr. Gettys, aren't you? (American beauty).

Фраза «eats a thousand pancakes for breakfast», что означает «ест тысячу блинчиков на завтрак», явно является преувеличением и используется для того, чтобы подчеркнуть, что человек, о котором идет речь, весьма крупный и тучный.

Таким образом, все лексические средства, используемые в разговорной речи, нацелены на то, чтобы сделать ее более выразительной, живой, яркой, насыщенной, интересной и обильной.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Наука, 1979. – 300 с.
2. Власян, Г. Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного конверсационного дискурса / Г. Р. Власян // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 115–120.
3. Демьянков, В. З. Тайна диалога / В. З. Демьянков // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 10–44.
4. Лагутин, В. И. Проблемы анализа художественного диалога / В. И. Лагутин. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 94 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая науч. энцикл., 1990. – 683 с.
6. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка / Л. М. Михайлов. – М.: Высш. шк., 1994. – 252 с.
7. Святогор, И. П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке (диалогическое единство) / И. П. Святогор. – Калуга: Калуж. книж. изд-во, 1960. – 40 с.
8. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 31–129.

Сведения об авторе

Власян Наринэ Рубиковна – студент факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

nvlasyan@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 45–49.

LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH SPOKEN DIALOGUE

N. R. Vlasyan

Chelyabinsk State University. nvlasyan@yandex.ru

This article discusses the lexical-semantic features of English spoken dialogue. In this study, dialogue is understood in the narrow sense as a form of speech, which consists in the exchange of statements, remarks, characterized by spontaneity, evaluation, emotional attitude and implicitness. On the lexical level conversational dialogue is characterised by the presence of discourse markers, slang words, emotional vocabulary, metaphors, lexical repetitions, similes, and hyperbole.

Keywords: *spoken dialogue, lexical and semantic features, expressivity, conversational.*

References

1. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 300 p. (In Russ.).
2. Vlasyan G.R. Osobennosti funkcionirovanija markerov anglojazыchnogo konversacionnogo diskursa [Functioning of discourse markers in English conversational discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Serija Filologija* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series Philology], 2011, no. 4 (16), pp. 115–120. (In Russ.).
3. Dem'jankov V.Z. Tajna dialoga [Mystery of dialogue]. *Teoreticheskie problemy i metody issledovanija* [Dialogue: Theoretical problems and methods of investigation]. Moscow, 1992. Pp. 10–44 (In Russ.).
4. Lagutin V.I. *Problemy analiza hudozhestvennogo dialoga* [Problems of analysis of artistic dialogue]. Kishinev, 1991. 94 p. (In Russ.).
5. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V.N. Jarceva (ed.), Moscow, 1990. 683 p. (In Russ.).
6. Mihajlov L.M. *Kommunikativnaja grammatika nemeckogo jazyka* [Communicative grammar of German]. Moscow, 1992. 252 p. (In Russ.).
7. Svjatogor I.P. *O nekotoryh osobennostjakh sintaksisa dialogicheskoj rechi v sovremennom russkom jazyke (dialogicheskoe edinstvo)* [On some peculiarities of syntax of dialogic speech in the modern Russian language (dialogical unity)]. Kaluga, 1960. 40 p. (In Russ.).
8. Jakubinskij L.P. O dialogicheskoj rechi [On dialogical speech]. *Izbrannye raboty. Jazyk i ego funkcionirovanie* [Selected works. Language and its functioning]. Moscow, 1986. Pp. 31–129. (In Russ.).

УДК 811
ББК 81

Г. Р. Власян

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ

Рассматриваются стратегии позитивной вежливости в русских разговорных диалогах. Основной целью позитивной вежливости является демонстрация солидарности, удовлетворение желания быть замеченным, понятым, любимым. Лингвистическая реализация позитивной вежливости во многих отношениях представляет собой вербальное поведение близких людей, которые в повседневном общении проявляют интерес друг к другу.

Ключевые слова: *позитивная вежливость, разговорный диалог, сближение, солидарность, ликоугрожающие акты.*

Одним из основных принципов в стратегии диалогического общения является принцип вежливости.

В речевой коммуникации принцип вежливости понимается как особая стратегия речевого поведения, целью которой является предотвращение конфликтных ситуаций. По мнению Дж. Лича, Принцип Вежливости является ведущим критерием этикетного речевого общения и основным прагматическим фактором, на котором строятся межличностные отношения [6].

На сегодняшний день не существует общепризнанного определения и единого взгляда на лингвистическую теорию вежливости. Среди существующих подходов и концепций можно выделить следующие: вежливость как речевые максимы, правила (Г. П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич); вежливость как этическая категория (Л. Кастлер, Н. И. Формановская С. А. Рисинзон); вежливость как оценка статуса человека (В. Е. Гольдин, В. И. Карасик); вежливость как конверсационный контракт (Б. Фрейзер и У. Ноулен); вежливость как сохранение лица (Э. Гоффман, П. Браун, С. Левинсон, Р. Сколлон, С. Сколлон).

Остановимся подробнее на общих положениях теории вежливости, представленных П. Браун и С. Левинсоном в их ставшей уже хрестоматийной работе “Politeness: Some Universals on Language Usage” («Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка») [3].

Основным понятием этой теории является понятие «лицо» (face), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. В понятии «лицо», которое П. Браун и С. Левинсон переняли у американского социолога Эрвин-

га Гоффмана, выделяются две основные части: «позитивное» лицо и «негативное» лицо.

Позитивное лицо – достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия, дословно «желание быть желанным другими» (positive face: the want of every member that his wants be desirable to at least some others). Негативное лицо – желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других: «negative face: the want of every “competent adult member” that his actions be unimpeded by others» [3. P. 61–62].

Негативное лицо – это не что иное как «территория», термин, который также принадлежит Э. Гоффману. Он заимствовал его из этологии, где территория означает место, которое животное выбирает для себя и не допускает к нему своих собратьев. Как социолингвистический термин «территория» обозначает личное пространство говорящего, его время, «оболочку» (тело и одежду), имущество, а также информационное (или, другими словами, когнитивное) пространство, то есть совокупность мыслей, чувств, информации, которой обладает индивид [5].

В процессе общения коммуниканты должны быть заинтересованы в сохранении как своего лица, так и лица партнера. Без выполнения этого условия невозможно нормальное общение. Согласно мнению Э. Гоффмана, научиться сохранять лицо – это все равно, что выучить правила дорожного движения в сфере социального взаимодействия: «to study face-saving is to study the traffic rules of social interaction» [5. P. 323].

По П. Браун и С. Левинсону, в идеальной коммуникации эти два «лица» находятся в равновесии. В реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые «угрожают лицу» – *Face Threatening Acts* (лицоугрожающие акты). Они делятся на четыре типа, в зависимости от того, «какому лицу» они угрожают [3]:

- позитивному лицу говорящего (извинения, принятия комплимента, признания, неконструирование действий и др.);
- негативному лицу говорящего (выражение благодарности, оправдания, принятия предложения и др.);
- позитивному лицу слушающего (выражение неодобрения, противоречие или несогласие, непочтительность, упоминание о табуированных темах и др.);
- негативному лицу слушающего (приказы и просьбы, предложения и советы, угрозы, предупреждения, вызовы, комплименты и др.).

«Ликоугрожающие акты» не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации, они являются естественной и важной частью разговорного диалога: люди часто не соглашаются с чужим мнением, просят прощения, дают советы и так далее. Поскольку «лицоугрожающие акты» очень распространены, по мнению П. Браун и С. Левинсона, необходимо использовать разнообразные стратегии по минимизации «коммуникативного вреда», причиненного собеседнику.

Обычно различают позитивную и негативную формы вежливости (*positive and negative politeness*). Первая основана на сближении (*approach-based*), вторая – на дистанцировании (*avoidance-based*) [3]. Позитивная вежливость связана с языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим, тогда как отрицательная – с самоограничениями говорящих, стремлением избежать конфликтов. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются цели вежливого общения.

Демонстрация солидарности и сохранение дистанции, по утверждению авторов, составляют суть вежливого поведения, то есть быть вежливым можно в том случае, если ты демонстрируешь собеседнику свою солидарность и в то же время сохраняешь определенную дистанцию [3]. Вступая в диалог, необходимо приблизить собеседника, используя стратегии

позитивной вежливости. При этом нельзя приближаться слишком близко. Для демонстрации взаимного почтения и независимости применяются стратегии негативной вежливости.

Разные типы стратегий связаны с разными речевыми актами. Так, стратегии позитивной вежливости, которые направлены на сближение собеседников, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношения говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Данные стратегии направлены на сближение, взаимность, удовлетворение желания быть замеченным, понятым, любимым. Лингвистическая реализация позитивной вежливости во многих отношениях представляет собой вербальное поведение близких людей, которые в повседневном общении проявляют интерес друг к другу.

Существует много способов того, как речевыми средствами сократить дистанцию между партнерами по коммуникации. П. Браун и С. Левинсон называют пятнадцать таких стратегий, которые, по их мнению, носят универсальный характер [3].

Другие исследователи, как, например, Рон и Сюзанна Сколлон, более осторожны в утверждении универсальности данных стратегий и отмечают, что они дают лишь общую идею о том, что представляют собой подобные стратегии. В качестве примера они выделяют десять стратегий, направленных на сближение партнеров по коммуникации, называя их *involvement strategies* (стратегии вовлечения) [7].

Рассмотрим некоторые из стратегий, которые, на наш взгляд, в наибольшей степени характерны для повседневных ситуаций общения. Материалом исследования послужили устные разговорные диалоги, записанные автором на диктофон, а также диалоги, включенные Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

- Замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям (*Notice, attend to H, his interests, wants, needs, goods*).

Данная стратегия широко используется в разговорных диалогах.

- Новый фильм вышел, хочешь посмотреть!
- Что за фильм?
- Да что-то про супергероя...
- Я не очень люблю боевики, ну если ты хочешь, давай сходим.

– Это не боевик, это «экшэн».

– А «экшэн» – разве не то же самое, что и боевик?

– Нет, там что-то вперемешку с фантастикой. Ну, да-к ты идешь? Мне покупать билеты?

– *Если ты так хочешь, давай сходим.*

Необходимо отметить, что к данной стратегии также относятся такие речевые акты как приветствие, прощание, извинение, благодарность.

За формулами приветствия обычно следуют такие формулы фатической коммуникации, как: «Как дела?», «Как жизнь?», «Как поживаешь(те)?», «Что нового?», и другие, которые могут как сопровождать приветствие, так и заменить его.

Самыми распространенными репликами прощания в русском разговорном дискурсе являются *Пока* и *Пока-пока* (возможно, это редуцированная формула, используемая как калька английского *bye-bye*).

Новым явлением в формах прощания являются «До связи», «Всего доброго» и «Ну, давай(те)», особенно в телефонных разговорах.

• Преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику). Exaggerate (interest, approval, sympathy with H).

Вообще позиция говорящего, оценка им сообщаемых фактов чрезвычайно существенны при порождении гиперболических высказываний. Преувеличенная оценка наличия или отсутствия чего-либо, различных свойств, действий, расстояний и т. п. – является одной из самых распространенных в разговорной речи.

– *Вот это да! Смотри, какие у нее офигенные туфли! Наверно бешеных денег стоят! Я б не оказалась иметь такие же.*

– Да, классные. Мне тоже понравились.

Такие речевые акты, как клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение бывают часто связаны с гиперболизацией. Говорящий стремится к тому, чтобы у адресата не осталось и тени сомнения в их искренности: *до смерти не забуду, чтоб мне провалиться на этом месте! я мигом сбегая; в лепешку расшибусь, а достану* и т. п. С другой стороны, гиперболические высказывания нарушают постулат истинности П. Грайса. Такое нарушение, однако, не препятствует общению, но накладывает на слушающего дополнительную «декодирующую» функцию: очевидная ложность прямого, буквального смысла высказываний заставляет слушающего искать в них скрытый смысл и интерпретировать их как содержащие субъек-

тивную оценку говорящим некоторого действия, состояния или свойства [1].

– *Я просто в шоке от твоего рассказа!*

– Ну, еще бы!

• Демонстрируйте подчеркнутый интерес к слушающему (Intensify interests to H).

Как можно заметить, данная стратегия пересекается с предыдущими и мало чем от них отличается.

– *Ну как дела на работе?*

– Ну чё-то сегодня напряжённо очень. Устал!

– *Давай поешь да отдыхай.*

Проявление заботы может быть направлено на удовлетворение жизненно важных потребностей близких, например, поддержание здоровья: Ну что ты перед балконом сидишь. Простудишься!

• Подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию (Claim common point of you, opinions, attitudes, knowledge, empathy).

Цель данной стратегии – гармонизация общения, демонстрация единства взглядов, чувств, отношений, взаимности и взаимопонимания.

– Купи мне в буфете чай и шоколадку, пожалуйста!

– *Давай куплю, тогда пока я стою в очереди, сходи возьми эту книжку в библиотеке. Для семинара надо.*

– Ладно, ты знаешь, какой я люблю, да?

– Знаю-знаю, иди давай!

• Ищите согласия (Seek agreement).

Для поддержания согласия в разговорном дискурсе часто используется тематический подхват:

– Хорошо, что мы не пошли в кино. Смотри, какая там погода.

– *Да, точно. Погода как раз дома сидеть!*

С этой же целью коммуниканты стараются согласовать свои действия:

(жена мужу)

– *Так, соли хватит или добавить?*

– Маловато, добавь чуть-чуть.

Явными показателями согласия являются такие ответы как «Да. Конечно. Безусловно. Разумеется. Не говори (те). Еще бы».

Подтверждение согласия на сотрудничество мы ожидаем от собеседника на протяжении всего диалога вплоть до его окончания. Кроме того, цель любого взаимодействия заключается в том, чтобы заставить собеседника либо изменить свою точку зрения, либо совершить ка-

кое-либо действие. И в том, и в другом случае конечной целью является получение согласия от другого человека.

– Ма-а-м! Я уроки делаю. Сделай потише!

– Да, конечно.

- Будьте оптимистом (Be optimistic).

Для русского разговорного дискурса преувеличенно оптимистичные ответы – Великолепно! / Прекрасно! / Замечательно! – не столь характерны. Часто они употребляются с иронией. Более типичными являются нейтральные ответы: Хорошо, спасибо / Все хорошо / Все в порядке / Неплохо / Нормально / Ничего.

- Включайте и говорящего, и слушающего в действие (Include both S and H in the activity).

– Чаю будешь?

– Давай.

– Тебе какой: черный или зеленый?

– Лучше зеленый.

- Дарите подарки слушающему – симпатию, понимание, сотрудничество (Give gifts to H – goods, sympathy, understanding, cooperation).

Внимание к собеседнику – одна из стратегий позитивной вежливости. Эмоциональные оценочные реплики, и в первую очередь комплименты, являются, на наш взгляд, своеобразными коммуникативными подарками, которыми обмениваются коммуниканты.

– Отлично выглядишь!

– Спасибо.

- Используйте маркеры внутригрупповой принадлежности (Use in-group identity markers).

К стратегиям позитивной вежливости П. Браун и С. Левинсон относят также стратегию «Обращайтесь по имени» (Use given names and nicknames). На наш взгляд данную стратегию можно объединить с предыдущей, так они обе направлены на демонстрацию внутригрупповой принадлежности.

Среди многочисленных способов подтверждения внутригрупповой принадлежности в первую очередь можно назвать формы обращений (дорогая, солнышко, детка, зайка, малыш и другие).

Используя такие обращения, коммуниканты подчеркивают свою принадлежность к одной и той же группе, отрицая, таким образом, наличие как горизонтальной, так и вертикальной дистанции.

– Привет, солнышко. Что получила?

– Пять по русскому.

– Умничка!

Другим средством демонстрации внутригрупповой принадлежности в русских разговорных диалогах являются уменьшительные имена.

– Катюш, я жутко есть хочу! Давай после пары в столовую пойдём?

– Давай [НКРЯ].

- Используйте язык, на котором говорит собеседник (Use H's language or dialect).

(разговор друзей об Интернете)

– Слушай, просьба есть небольшая.

– Что такое?

– Ты бы не мог качнуть максэйн и мне на эфтэпэ скинуть, а то у меня локалка не пишет и стронг тоже, тока сообщения можно писать! [НКРЯ].

Некоторые исследователи к данной стратегии относят также и сквернословие [4].

По мнению Т. В. Лариной, используя сквернословие, коммуниканты преследуют ту же цель, что и при использовании жаргона и диалекта – приблизить собеседника, минимизировать дистанцию, продемонстрировать полное равенство. Так же как диалект, жаргон и сленг, они являются маркером внутригрупповой принадлежности и средством устранения интерперсональной границы. [2].

Таким образом, стратегии позитивной вежливости направлены на сближение собеседников, взаимность, удовлетворение желания быть замеченным, понятым, любимым. Лингвистическая реализация позитивной вежливости во многих отношениях представляет собой вербальное поведение близких людей, которые в повседневном общении проявляют интерес друг к другу.

Список литературы

1. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследование по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 888 с.
2. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М., 2009. – 512 с.

3. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
4. Eggins, S. Analysing casual conversation / S. Eggins, D. Slade. – London; Washington: Cassel, 1997. – 334 p.
5. Goffman, E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Goffman // Communication in Face-to-Face Interaction. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – Pp. 319–346.
6. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London; New-York: Longman, 1983. – 273 p.
7. Scollon, R. Intercultural Communication: A discourse Approach / R. Scollon, S. Scollon. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 316 p.

Сведения об авторе

Власян Гаянэ Рубеновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

VlasyanGR@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 50–54.*

POSITIVE POLITENESS STRATEGIES IN CONVERSATIONAL DIALOGUE

G. R. Vlasyan

Chelyabinsk State University. VlasyanGR@yandex.ru

The paper discusses positive politeness strategies in Russian conversational dialogues. It is based on Brown and Levinson's Politeness Theory.

Politeness is the expression of the speakers' intention to mitigate face threats carried by certain face threatening acts toward another. Being polite therefore consists of attempting to save face for another.

Positive politeness seeks to establish a relationship between parties; respects a person's need to be liked, understood and desired. Positive politeness strategies seek to minimize the threat to the hearer's positive face. They are used to make the hearer feel good about himself, his interests or possessions, and are most usually used in situations where the audience knows each other fairly well. In addition to hedging and attempts to avoid conflict, some strategies of positive politeness include statements of friendship, solidarity, compliments, in-group jargon and slang. We argue that these strategies are culture-specific and are varied in the different societies and cultures.

Keywords: *positive politeness, conversation, involvement, solidarity, face threatening acts.*

References

1. Krysyn L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovanie po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike* [Russian word, personal and other's: a research on modern Russian and sociolinguistics]. Moscow, 2004. 888 p. (In Russ.).
2. Larina T.V. *Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [Politeness category and the style of communication: comparative research of Russian and British linguocultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p. (In Russ.).
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, 1987. 345 p.
4. Eggins S., Slade D. *Analysing casual conversation*. London; Washington, Cassel, 1997. 334 p.
5. Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, 1972. Pp. 319–346.
6. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London; New-York, 1983. 273 p.
7. Scollon R., Scollon S. *Intercultural Communication: A discourse Approach*. Oxford, 2001. 316 p.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

И. А. Голованов

СМЫСЛ И СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ А. ПЛАТОНОВА (на примере рассказов военных лет)

Раскрываются особенности смысловой организации художественного дискурса А. Платонова на примере рассказов военных лет. Выявляется соотношение в словесной ткани произведений мифо-фольклорных и исторических источников, делается вывод о специфике осмысления писателем событий Великой Отечественной войны, ее роли в истории и судьбе русского народа.

Ключевые слова: *словесное искусство, художественный дискурс, А. Платонов, миф, фольклор, литература.*

Словесное искусство, будучи частью художественной культуры, включает в себя две кажущиеся вполне автономными эстетические системы – фольклор и литературу. Как и любым системам, им свойственна динамика развития и энтропия, то есть творческий потенциал и разрушение, утрата витальных сил [5].

Для русской словесности 20–30-х гг. XX в. характерны одновременные процессы распада старой и становления новой эстетической реальности как отражения нового мира. В это время был сломан, разрушен механизм культурного наследования. С учетом этого соотносить художественные системы фольклора и литературы (а также их составляющие) необходимо генетически и типологически.

Среди возможных объектов сопоставления в настоящей статье избрано творчество А. Платонова. В центре нашего внимания находится функционирование слова в художественном дискурсе Платонова с точки зрения его связей с мифологией и фольклором.

Под художественным дискурсом отдельно автора можно понимать совокупность его произведений, вступивших во взаимодействие с культурной средой (семиосферой) и читателем. В результате такого взаимодействия проясняются наиболее важные эстетические принципы писателя. С этих позиций творчество Андрея Платонова, охватывающее 1919–1951 гг., оказывается во многом уникальным. В начале своего пути, в 1920-е гг., Платонов-художник был малоизвестен; в 1930-е он стал достаточно узнаваем как литературный критик – к его мнению прислушивались, его статьи и рецензии вызвали резонанс. В военные годы Платонов работает как фронтовой корреспондент, многие

из написанных им в этот период художественных произведений (как, впрочем, большая часть из созданного в предыдущие и последующие годы) не были опубликованы. Из произведений второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. до читателя дошли лишь отдельные рассказы и литературные переработки народных сказок – русских и башкирских. Таким образом, можно говорить о том, что Платонов при жизни не имел своего читателя и по-настоящему обрел его лишь на рубеже XX–XXI вв.

Современный человек, воспринимая написанное Платоновым, находит что-то важное для себя. Созвучие произведений писателя с новой эпохой доказывает, что перед нами литературная классика, с присущим ей высвечиванием «вечных истин». Для нас важно подчеркнуть, что творчество А. Платонова становится понятным тогда, когда мы обнаруживаем в нем русский «извод» общечеловеческих стихий, пороков и страданий.

В центре его произведений – судьба русского народа. Она такова, что многое из внутренних сил, возможностей и органических способностей не получило настоящей реализации. Русский человек находится в постоянном поиске (скитании, странничестве), отсюда и ключевое противоречие русской личности: быть «соборным», признавать право большинства и одновременно проходить путь «блудного сына». Человеку лишь на определенном этапе его жизненного пути дано понять, что он имеет, наследником какого богатства является.

Платонов-художник стремится преодолеть поверхностное, недостаточно глубокое бытописание. Как он сам отмечал: «Мифы, исторические и современные факты и события,

бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе – всё это, изложенное тысячами безымянных, но живых и красных уст, сотнями «сухих», но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, так как это всё сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно – и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100 % с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой» [9. С. 49].

Особенностью художественного дискурса А. Платонова является единство процесса эстетического осмысления действительности, когда через созерцание, отбор жизненных фактов писатель приходит к синтезу и художественному открытию [2]. Вымысел и историческое содержание не противопоставлены в его произведениях, они подчинены решению разных задач. Для творчества Платонова в целом применим тезис о том, что художественная правда может более адекватно отражать реальные события [3; 4].

Проследим это на примере военной прозы писателя. По признанию самого Платонова, события войны заставили его посмотреть на многие вещи по-новому: «Война меня многому научила» [8. С. 507].

Традиционный круг проблем: война и человек, нравственный выбор, подвиг и предательство – в его рассказах детализируется. Постепенно меняется и фокус их рассмотрения: война как необходимая форма существования человека; на войне могут убить, но не только враги; что происходит с человеком и его душой на войне; подвиг – это случай или закономерное выражение сущности конкретной личности? Этот комплекс нравственных проблем, как и многие другие, находится в центре произведений военных лет.

Попробуем выяснить, чем определяется особая емкость художественного и исторического содержания рассказов Андрея Платонова военных лет. Прежде всего подчеркнем, что в национальном сознании война до сих пор осмысливается не только как историческое событие, победа в ней – это результат духовной силы народа.

Сам принцип историзма в художественном творчестве можно трактовать по-разному: как освоение конкретно-исторической действительности или как способность уловить главные тенденции общественного развития, выявить существенные черты своего времени. По словам В. В. Кожина, историзм – это «превращение прошлого в будущее» [7].

Изобразить внешнее воздействие исторических событий на человека не та задача, которая стояла перед Платоновым. Он стремился воплотить конкретно-историческое содержание военной эпохи в целостном образе человека, передать исторический смысл того времени. Война изменила художественные обстоятельства его произведений, но сверхзадача для него осталась прежней: постигать причины существования зла, его избирательности и могущества; искать истоки сил, которые могут противостоять хаосу смерти; определять героев среди тех, кто живет рядом с тобой.

Платонов размышляет над проблемой исторической справедливости: кто войдет в вечность, а кого забудут? И приходит к выводу: «помнить надо то, что забывается», так как то, «что незабвенно, останется навечно и так» [8. С. 495]. Таковы рассказы «Божье дерево» (1943), «Крестьянин Ягафар» (1942), «Одухотворённые люди» (1942), «Сампо» (1943) и др.

Во многих своих произведениях Платонов обращается к проблеме кровной круговой ответственности поколений, в военных рассказах эта идея трансформируется в ассоциативную цепочку: «мать» – «дитя» – «воин» – «Родина».

Взгляд в прошлое для писателя – это возможность увидеть иное пространство и время, где тоже были проблемы, споры и даже войны, но в результате возникали национальные ценности. Отвечая на волновавший его вопрос, в чем истоки народной силы, писатель изображает в одном из рассказов колхозную мельницу как символ созидательного труда и залог будущей жизни людей.

В рассказе «Сампо» эпическое прошлое невольно присутствует в современности, описываемой А. Платоновым. Эпиграф к рассказу взят из «Калевалы»: события эпоса как бы дополняют настоящее, предупреждают о последствиях, помогают преодолеть исторический самообман. Это важно для историософии А. Платонова, поскольку его долго занимала идея обратимости времени и победы над смертью. В художественном дискурсе писателя происходит семантизация прошлого, в результате чего читатель выводится за рамки истории в героический эпос и даже миф с его архаикой и образностью. Писатель словно говорит нам: у народа есть шанс сохранить себя, покуда есть возможность уйти по ту сторону бытия, где живут эпические герои. И мы понимаем, что у Платонова нет страха перед прошлым.

Героическая эпопея возникает в период создания государственности, она тесно связана с фольклором и мифологией, а в самом общем смысле – с памятью об исторических временах [6]. Такова карело-финская «Калевала». Национальная эпопея несет в себе опыт народа в кризисный, переломный момент истории. В «Калевале» сделан акцент на борьбу человека с силами природы, с хаосом. Народный эпос «Калевала» посвящен значительным событиям в жизни рода-племени и общества, государства. Всеохватность и общенациональный масштаб героического эпоса определяет близость задач древней эпохи Калевалы с временем Великой Отечественной войны. В карельских рунах через противостояние солнечной страны Калевалы и холодной страны Похьолы выражена идея созидания, победы жизни над смертью, а не разрушения, что созвучно ключевым идеям А. Платонова.

В советской стране была создана «чудесная мельница Сампо» как символ счастливой жизни. Те, кто трудятся, непобедимы. Войска злобной ведьмы Лоухи – это возможный вариант ответа на вопрос о причинах существования и природе зла.

А. Платонов создает свою эпопею о том, как герой из народа побеждает мировое зло. Эпопея предполагает, что герой олицетворяет собой весь народ и решает своими деяниями судьбу целого общества и государства. В эпопею создаются образы всепобеждающих героев, воспроизводится гармоничное соединение космических сил и деталей местного пейзажа, изображаются решающие битвы и подробности быта, рисуются лики богов и лица простых людей. Всё это рождает идею единства бытия космоса и человека, вечного добра, а также допускает возможность существования и временного сиюминутного зла (мир менялся, меняется и будет меняться, а борьба космоса и хаоса, созидающего порядка и разрушающего зла остается как закон бытия).

В основе древней эпопеи («Калевала») лежит поэтическая стихия героики и мифологическое сознание, а в основе современной эпопеи (рассказ «Сампо») – реалистическое сознание мира. Современная эпопея изображает людей в собственном смысле слова, показывает реальное соотношение человека и природы. Простые люди воплощают в себе всеобщее, всенародное содержание. Это достигается более сложным и иным путем, чем в древней эпопеи: не через идеализацию, а через особую ус-

ловность, но главная мысль та же – прошлое и настоящее находятся в неразрывном единстве. Даже в тех случаях, когда старое знание «ветшает» и не отвечает требованиям современных проблем и задач.

Великая Отечественная война поставила перед Советским Союзом и каждым русским человеком в отдельности непостижимые для ума вопросы. Превышенный опыт был недостаточен: «Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет» [8. С. 496–497].

Колхоз «Добрая жизнь» разрушили и сожгли «немцы и финны», в маленькой деревне Пожва осталось целым одно только водяное колесо. Символическое значение этого образа – семантика пустоты, одиночества, напрасного, безостановочного труда и смерти. На двух-трех страницах первой части этого рассказа выражение «одно водяное колесо» встретится шесть раз. Все, что создавалось до войны, погибло: «а всё другое добро, издавна нажитое и сбереженное, погорело в огне и сотлело в угли, уголь же дотлел далее сам по себе, искрошился в прах, и его выдул ветер прочь» [8. С. 109]. Возникает ситуация «первозданного» хаоса: «Вокруг росли и шевелились обгорелыми ветвями леса, и безмолвно лежала под ними чуткая материнская земля, всё породившая, но сама неподвижная и неизменная» [8. С. 110].

Мать-земля ждет помощи от своих детей. «И кузнец, карел Нигарэ, тоже не мог отвыкнуть от привычной земли» [8. С. 497], поэтому он «вернулся в пустую Добрую Пожву, где он когда-то родился и жил всю жизнь до войны» [8. С. 110]. Нигарэ – воин, морской пехотинец, рядовой боец Ладужской флотилии – получил прозвище Кирей («чтобы лучше и привычней было, его в части прозвали Киреем, и он теперь сам привык к себе, что он есть Кирей...»). Новое имя героя – это новая жизнь, новые задачи. После контузии Кирей возвращается в родные места. Ситуация «возвращения» как важный элемент поэтики Платонова в 1920–1930-х гг., теперь обретает новые смыслы. Красная Армия на рубеже 1942–1943 гг. начала одерживать первые победы, а Андрей Платонов уже заглядывает в будущее (как люди будут жить в условиях разрухи и необходимости восстанавливать прежнюю жизнь): «Кирей не знал, что ему нужно теперь делать и как быть. И он стал делать сначала то, что было прежде; пусть

будет все обратно, что умерло и погорело в Пожве» [8. С. 113].

Горе мучает Кирея, воспоминания о погибших жене и детях, боль в сердце не могут ему помешать работать. Кирей строит одну избу, чтобы «сделать в ней кузню для починки партизанского оружия», а потом он отстроит «всю Добрую Пожву, какой она была, и еще лучше, и сработать своими руками самое важное и неизвестное: добрую силу, размалывающую сразу в прах всякое зло» [8. С. 114].

Рассказ полон веры в силу народную, о которой А. Платонов писал в записных книжках:

«В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» [8. С. 496].

Душа, судьба и память – аксиологические константы [1] рассказов А. Платонова 1941–1945 гг. Совесть, долг, память и справедливость, по мысли писателя, победят забвение, так как всё это свойственно человеческому сердцу.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. – М., 2014. – 296 с.
2. Голованов, И. А. Своеобразие художественного дискурса Андрея Платонова / И. А. Голованов // Вестн. Омск. ун-та. – 2012. – № 4 (66). – С. 215–217.
3. Голованов, И. А. Слово – миф – фольклор в рассказе А. Платонова «Иван Жох» / И. А. Голованов // Мир рус. слова. – 2012. – № 1. – С. 41–46.
4. Голованов, И. А. Художественный текст А. Платонова сквозь призму реальной и фольклорной истории / И. А. Голованов // Ученые зап. Забайкал. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (49). – С. 80–84.
5. Каган, М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
6. Карельские руны // Героический эпос народов СССР. – М.: Худ. лит., 1975. – Т. 1. — С. 324–351.
7. Кожинов, В. В. Историзм / В. В. Кожинов // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М.: Совет. энцикл., 1966. – Т. 3. – С. 227–228.
8. Платонов, А. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / А. Платонов. – М.: Время, 2010. – 544 с.
9. Платонов, А. Фабрика литературы: литературная критика, публицистика / А. Платонов. – М.: Время, 2011. – 720 с.

Сведения об авторе

Голованов Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Челябинского государственного педагогического университета.
ligol@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 55–59.*

SENSE AND WORD IN ARTISTIC DISCOURSE A. PLATONOV (based on the example of the stories of military years)

I. A. Golovanov

Chelyabinsk State Pedagogical University. ligol@csu.ru

In the article are revealed the special features of the semantic organization of artistic discourse A. Platonov based on the example of the stories of military years. Relationship in the verbal cloth of the works of myth-folklore and historical sources is revealed, conclusion about the specific character of

comprehension by the writer of the events of World War II, its role in the history and the fate of Russian people is done.

Keywords: *verbal skill, artistic discourse, A. Platonov, myth, folklore, literature.*

References

1. Golovanov I.A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX–XXI vv.)* [Constants folk consciousness in oral folk prose Urals (XX–XXI centuries)]. Moscow, 2014. 296 p. (In Russ.).
2. Golovanov I.A. Svoeobrazie hudozhestvennogo diskursa Andreja Platonova [The originality of artistic discourse Andrei Platonov]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2012, no. 4 (66), pp. 215–217. (In Russ.).
3. Golovanov I.A. Slovo – mif – fol'klor v rasskaze A. Platonova “Ivan Zhoh” [Word – myth – folklore story of Andrei Platonov “Ivan Zhoh”]. *Mir russkogo slova* [World of Russian words], 2012, no. 1, pp. 41–46. (In Russ.).
4. Golovanov I.A. Hudozhestvennyj tekst A. Platonova skvoz' prizmu real'noj i fol'klornoj istorii [Artistic text A. Platonov through the prism of real history and folklore]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University], 2013, № 2 (49), pp. 80–84. (In Russ.).
5. Kagan M.S. *Jestetika kak filosofskaja nauka* [Aesthetics as a philosophical science]. St. Petersburg, 1997. 544 p. (In Russ.).
6. Karel'skie runy [Karelian runes]. *Geroicheskij jepos narodov SSSR* [Heroic epic peoples of the USSR], vol. 1. Moscow, 1975. Pp. 324–351. (In Russ.).
7. Kozhinov V.V. Istorizm [Historicism]. *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija* [Concise Literary Encyclopedia], vol. 3. Moscow, 1966. Pp. 227–228. (In Russ.).
8. Platonov A. *Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov* [There is no death! Stories and essays of 1941–1945]. Moscow, 2010. 544 p. (In Russ.).
9. Platonov A. *Fabrika literatury: literaturnaja kritika, publicistika* [Factory literature: literary criticism, journalism]. Moscow, 2011. 720 p. (In Russ.).

УДК 81–114.2
ББК 81.2 Рус–3

Е. И. Голованова

НОВЫЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ И ДОЛЖНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются новые лексические единицы русского языка в системе наименований лиц по профессии и должности. Выявляются их отличия от обозначений, зафиксированных в Общероссийском классификаторе профессий рабочих и должностей служащих, делается вывод о тенденциях в развитии данной номинативной категории.

Ключевые слова: названия лиц, профессия, должность, русский язык, неологизм.

Система наименований лиц по профессии и должности в любом национальном языке находится в непрерывном движении, развитии: появляются новые сферы знания и деятельности – возникают новые обозначения для лиц, активно функционирующих в этих сферах [2; 3; 4; 5; 6; 8].

Современный русский язык чутко улавливает изменения в российской и общемировой экономике, науке и культуре и отзывается на них новыми номинативными единицами. Все неологизмы-обозначения по роду деятельности, зафиксированные в печатных и электронных изданиях, логично сопоставить с наименованиями, включенными в действующий «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» [10]. В результате такого анализа удастся выявить релевантные отличия и, возможно, обнаружить новые тенденции номинации.

Для настоящего исследования были выбраны единицы, представленные в списках вакансий на страницах бесплатных газетных изданий г. Челябинска и Челябинской области: «Ва-Банк», «Соседи», «Метро», «Дело» и др. Данный материал позволяет судить о реальных тенденциях номинации, охарактеризовать «живые» (неофициальные, полуофициальные) употребления, а также проследить специфику функционирования лексики, отражающей трудовую деятельность людей. Региональный характер выборки не влияет на валидность результатов, поскольку сфера профессиональной номинации, а именно обозначения лиц по профессии и должности как часть литературного языка, находится вне территориальной дифференциации.

Проведенный анализ позволил выделить

следующие особенности новообразований внутри лексической категории профессионального деятеля.

1. Обозначение субъектов профессиональной деятельности в списках вакансий довольно часто осуществляется через обращение к категории женского рода (в то время как в классификаторе представлены, за небольшим исключением, обозначения мужского рода), например: *сборщица обуви, помощница по хозяйству, протищица изделий*. Такое оформление названий соответствует общему направлению развития системы названий по профессии в развитых языках [1; 9], а также, по-видимому, продиктовано прагматическими целями: работодатель указывает не только на потребность в работнике, но и на желательный пол будущего сотрудника.

Среди выявленных «женских» наименований обращают на себя внимание единицы, не имеющие соотносительных «мужских» названий в Общероссийском классификаторе профессий и должностей: *восковищица, няня, домработница, гувернантка*.

Отсутствуют в действующем классификаторе и такие представленные на страницах газет пары наименований, как *мойщица тары* – *мойщик тары*, *мойщица автомобилей* – *мойщик автомобилей*, а также *автомойщица* – *автомойщик*. При этом в одном из объявлений нам встретилось обозначение *посудомойщик*, которое соответствует профессии *мойщица посуды* в классификаторе.

2. Ряд новых наименований лиц по профессии представляет собой реализацию известных продуктивных моделей с узуальным ключевым словом:

оператор АЗС (= автозаправочной станции) / *call-центра* / *контактного центра*;

оператор базы данных / ПК (= персонального компьютера);

оператор видеонаблюдения / видеозаписи / алмазного бурения и резки;

оператор пульта / поломоечной машины;

водитель штабелера (= укладчика деталей) / вилочного погрузчика / эвакуатора;

водитель группы выезда;

машинист экструдера / моечных машин / экскаватора-погрузчика *ЖСВ*;

сборщик мягкой мебели / стеклопакетов / воздуховодов;

монтажник натяжных потолков;

менеджер клининга;

менеджер объекта / товарной категории;

менеджер по управлению капиталом / по ассортименту / по продаже пластиковых окон;

инспектор наблюдения;

специалист контактного центра / отдела технического перевооружения;

специалист по адресной программе (маркетолог);

инженер по рационализаторской работе;

инженер-конструктор по проектированию технологической оснастки;

сотрудник пропускного контроля / УТЗ;

охранник ГБР (= группы быстрого реагирования).

Как видим, приведенные наименования включают большое количество новых и относительно новых для русского языка слов: 1) обозначения машин и механизмов (штабелер, вилочный погрузчик, экструдер, эвакуатор, поломоечная машина, персональный компьютер); 2) наименования предметных реалий нового времени (пластиковое окно, стеклопакет, натяжной потолок); 3) названия новых понятий (call-центр / контактный центр, клининг, видеонаблюдение, техническое перевооружение).

3. Значительную по количеству группу единиц образуют композитные наименования профессий и должностей. Такие обозначения либо указывают на узкую специализацию производимой лицом деятельности, либо предполагают совмещение профессий. И в том, и в другом случае данные наименования соответствуют общей тенденции когнитивного усложнения мира [4; 5; 7].

К первой группе можно отнести обозначения *сварщик-аргонщик, сварщик-трубник, контент-менеджер, повар-заготовщик, столяр-отделочник* и др. Ко второй группе мы

отнесли следующие названия: *водитель-монтажник, пекарь-тестомес, доводчик-притирищик, продавец-кассир, бармен-кассир, оператор-кассир АЗС, сборщик-разборщик, консультант-дизайнер, продавец-закройщик, грузчик-комплектующий, грузчик-экспедитор, кладовщик-наладчик, кладовщик-грузчик, техник-электромеханик, диспетчер-логист* и др.

Сомнения вызвало название *дворник-картонажник*. Вероятно, это наименование служит для обозначения профессии дворника, но с дополнительными функциями по сбору и сортировке картона (речь не идет в данном случае о картонном производстве, скорее, имеется в виду сбор бытовых отходов с целью дальнейшей их переработки).

Новым является зафиксированное в газетных материалах обозначение *мойщик-уборщик автобусов «Керхер»*. В общероссийском классификаторе профессий закреплено лишь название *мойщик-уборщик подвижного состава*.

Нами обнаружен также единичный пример обозначения лица, совмещающего две профессии, на основе иной модели: *уборщик территории с обязанностями садовника*.

4. Отдельную группу единиц составили однословные наименования, в большинстве случаев представляющие собой свернутые обозначения: *ламинатчик* (специалист по укладке ламината), *ламинатолинолеумщик* (специалист по укладке ламината и линолеума), *пилорамщик* (рабочий пилорамы), *кровельщик* (рабочий по ремонту кровли), *фасадчик* (рабочий по ремонту фасада), *тележечник* (рабочий по откатке тележек в супермаркете), *поролонщик* (?), *наждачник* (?), *каркасник* (?), *мелкосрочник* (слесарь по мелкосрочному ремонту автомобилей), *кузовщик* (автослесарь по ремонту кузова), *подготовщик* (слесарь по подготовке автомобиля к ремонту), *шиномонтажник* (рабочий по ремонту автомобильных шин).

Лишь в одном случае иноязычное наименование в списке вакансий продублировано русским описательным аналогом: *копирайтер (специалист по написанию текстов)*. Примечательно, что ни эта, ни ряд других лексем, востребованных сегодня: *конюх, стюард* (в ресто-баре), *расклейщик* (объявлений) – не отмечены в действующем классификаторе профессий.

Вместе с тем некоторые из зафиксированных в современном употреблении наименований представлены в названном документе лишь в составе многокомпонентных констук-

ций. Иначе говоря, без конкретизации, уточнения в официальном употреблении они, как правило, не встречаются, например:

фасовщица, раскройщик, распиловщик, упаковщик, мойщица (чего?);

оператор линии, оператор пульта (какой? какого?);

оператор автоматической линии, аппаратчик технической линии (по производству чего?).

5. Многие зафиксированные в списках вакансий обозначения выступают, судя по классификатору, вариантами официальных наименований.

Приведем некоторые пары примеров подобного варьирования (первым указано новое название): *кассир билетных касс – билетный кассир, оператор станков ТВЧ* (ток высокой частоты) – *оператор установки ТВЧ, укладчик печеня – укладчик изделий, слесарь по КИПиА – слесарь КИПиА, кухонный сотрудник – кухонный работник.*

6. Новыми являются обнаруженные нами в газетных объявлениях составные наименования: *переборщик товара* (на складе, в логотцентре), *пеший курьер, кладовщик со знанием ПК, слесарь со знанием газового оборудования, контролер готовой продукции, инженер техподдержки, обработчик художественного литья, деловой сотрудник, машинист грейферного крана, установщик торгового оборудования, съёмщик готовой продукции, независимый оценщик, обивщик мягкой мебели, бухгалтер по актам сверки, уборщик служебных помещений.*

Очевидно, что среди приведенных названий преобладают двух- и трехкомпонентные беспредложные словосочетания. Это свидетель-

ствует о стремлении носителей языка одновременно к краткости и емкости, содержательной точности наименования.

Особую группу единиц образуют в исследуемом материале словосочетания с предлогом *на*: *медсестра на выпуск, комплектовщик на магазин, администратор на ресепшн, охранник на парковку, кассир на автомоечный комплекс, сотрудник на приемку товара, аппаратчик на установку рассева, швея на спецодежду.*

Строго говоря, подобные конструкции не являются названиями лиц по роду деятельности, все они отвечают на вопросы: куда, на какой производственный участок, на какую операцию требуется специалист. Поэтому вполне естественно, что в классификаторе профессий таких обозначений нет. В трудовой книжке, вероятнее всего, у этих категорий работников будет сделана запись «аппаратчик рассева», «швея спецодежды» или еще короче: *медсестра, комплектовщик, администратор, охранник, кассир.*

Таким образом, анализ современного употребления наименований лиц по профессии и должности в газетных списках вакансий позволяет говорить о таких значимых тенденциях в эволюции данной лексической системы, как расширение состава соотносительных пар мужских и женских наименований; преимущественная реализация продуктивных моделей номинации с использованием обозначений новых понятий и предметов; рост числа композитных наименований, указывающих на усложнение профессиональной деятельности лица, и, наконец, стремление к краткости и содержательной емкости наименований.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Женщина и мужчина через призму наименований лица по профессии / Е. И. Голованова // Язык. Система. Личность : сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2000. – С. 27–32.
2. Голованова, Е. И. «Словарь актуальных профессий» как отражение состояния категории профессионального деятеля на рубеже XX–XXI веков / Е. И. Голованова // Новая Россия: новое в языке и науке о языке. – Екатеринбург, 2005. – С. 352–359.
3. Голованова, Е. И. Развитие системы наименований лиц по профессии как смена когниотипа / Е. И. Голованова // Материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2002. – С. 122–124.
4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля. Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
5. Голованова, Е. И. Современные тенденции наименования лиц по профессии (межкультурный аспект) / Е. И. Голованова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 46–52.

6. Голованова, Е. И. Языковая категоризация субъекта профессиональной деятельности (когнитивный и лингвокультурологический аспекты) / Е. И. Голованова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Филология. – 2005. – № 3. – С. 21–35.
7. Епимахова, А. Ю. Особенности наименований лиц по профессии в дискурсе нового времени / А. Ю. Епимахова // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. – 2014. – Т. 5, № 5. – С. 26–31.
8. Ляпкина, Э. М. Влияние внешних и внутренних факторов на развитие номинативной системы языка (на материале наименований лиц по профессии) : дис. ... канд. филол. наук / Э. М. Ляпкина. – Челябинск, 2006. – 193 с.
9. Ляпкина, Э. М. Феминизация наименований социального и профессионального статуса лица / Э. М. Ляпкина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы междунар. науч. конф. – Челябинск, 2003. – С. 364–365.
10. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/economic/work/okpdr.txt>.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
ligol@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 60–64.*

NEW NAMES OF THE PERSONS ON THE PROFESSION AND THE POST IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University. ligol@csu.ru

In the article the new lexical units in the system of the designations of the persons on the profession and the post of the Russian language are examined. Their differences from the designations, fixed in the all-Russian classifier of the professions of workers and posts of employees are revealed, conclusion about new trends in the development of this nominative category is done.

Keywords: *the name persons, profession, post, the Russian language, neologization.*

References

1. Golovanova E.I. Zhenshchina i muzhchina cherez prizmu naimenovaniy litsa po professii [Woman and man through the prism of names of the person in the profession]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 27–32. (In Russ.).
2. Golovanova E.I. «Slovar' aktual'nykh professiy» kak otrazhenie sostoyaniya kategorii professional'nogo deyatelya na rubezhe XX–XXI vekov [“Dictionary of actual trades” as a reflection of the state of the category of professional figure at the turn of XX–XXI centuries]. *Novaya Rossiya: novoe v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: a new language and linguistics]. Ekaterinburg, 2005. Pp. 352–359. (In Russ.).
3. Golovanova E.I. Razvitie sistemy naimenovaniy lits po professii kak smena kogniotipa [Development of the system of names of persons in the profession as a change kogniotipa]. *Materialy Tret'ey Mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoy lingvistike* [Proceedings of the Third International Summer School on Cognitive Linguistics]. Tambov, 2002. Pp. 122–124. (In Russ.).
4. Golovanova E.I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [Category professional figure. Formation. Development. Status language]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).

5. Golovanova E.I. Sovremennye tendentsii naimenovaniya lits po professii (mezhkul'turnyy aspekt) [Modern trends of individual names in the profession (intercultural aspect)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. Linguistics and Intercultural Communication], 2005, no. 1, pp. 46–52. (In Russ.).
6. Golovanova E.I. Yazykovaya kategorizatsiya sub"ekta professional'noy deyatel'nosti (kognitivnyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty) [Language categorization of the subject of professional activity (cognitive and lingvokulturologicheskij aspects)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Ser. Philology], 2005, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.).
7. Epimakhova A.Yu. Osobennosti naimenovaniy lits po professii v diskurse novogo vremeni [Features of names of persons in the profession in the discourse of modern times]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [The man and the language in the communicative space], 2014, vol. 5, no. 5, pp. 26–31. (In Russ.).
8. Lyapkova E.M. *Vliyaniye vneshnikh i vnutrennikh faktorov na razvitie nominativnoy sistemy yazyka (na materiale naimenovaniy lits po professii)* [The influence of external and internal factors on the development of the nominative language (based on the names of people in the profession)]. Chelyabinsk, 2006. 193 p. (In Russ.).
9. Lyapkova E.M. Feminizatsiya naimenovaniy sotsial'nogo i professional'nogo statusa litsa [The feminization of names of social and professional status of the person]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh* [Word, utterance text in the cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Chelyabinsk, 2003. Pp. 364–365. (In Russ.).
10. *Obshcherossiyskiy klassifikator professiy rabochikh, dolzhnostey sluzhashchikh i tarifnykh razryadov (OKPDTR)* [National Classification of occupations of workers, employees and job wage categories (OKPDTR)]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/economic/work/okpdtr.txt>, accessed 25.06.2014. (In Russ.).

УДК 81'37
ББК 81.432.1

В. В. Гурин

АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ «TRUTH» И «LIE»

Рассматриваются идиомы с лексическими компонентами «truth» и «lie» в английском языке. Раскрываются такие актуальные понятия современной лингвистики, как «фразеология», «идиома». Представляется 11 наиболее ярких идиом английского языка с компонентами «truth» и «lie» и исследуется их функционирование в англоязычной речи. Идиомы с данными лексическими компонентами имеют широкий набор значений (введение собеседника в заблуждение, причинение морального вреда, сообщение прописных истин и др.) и являются особым предметом рефлексии говорящего.

Ключевые слова: *английский язык, идиома, лексический компонент, фразеология, фразеологическая единица.*

Фразеология является неотъемлемым и особо выделенным компонентом языка, самым ярким, своеобразным, культурно значимым и национально специфичным, способным концентрированно выразить не только особенности данного языка, но и его носителей, их мироощущение, склад ума, менталитет, национальный характер и стиль мышления. Изучение характера и особенностей фразеологической семантики можно отнести к числу проблем, вокруг которых все еще возникает большое количество дискуссий. При всем многообразии и разносторонности теоретических направлений ученые пытаются проанализировать данные для уточнения некоторых свойств фразеологических единиц, определения их роли и функций в языке.

Без сомнения, фразеология придает языку яркость, неповторимость и национальный колорит, который отличает языки друг от друга. Однако, говоря о национальной специфике, нельзя не учитывать тот факт, что фразеологические единицы присутствуют во всех языках и являются универсальной чертой.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления общего и специфического в пословицах, поговорках и идиомах на материале английского языка и теоретического осмысления их в аспекте проблемы взаимосвязи языка и культуры, что будет способствовать более глубокому пониманию национального мировосприятия, отраженного в языковой картине мира.

Целью данной работы является изучение идиом с лексическими компонентами «truth»

и «lie» в английском языке, выявление их семантических особенностей путем проведения контекстуального анализа.

В данных лексемах концептуализирована своеобразная духовная ценность англоязычного мира. Правда и ложь являются одними из наиболее значимых понятий, представленных в идиоматическом фонде английского языка. Семантические взаимоотношения между истиной и ложью сложны и многогранны. Они одновременно и диаметрально противоположны, и почти эквивалентны.

Особое внимание следует уделить определению понятия «идиома». Данное понятие до сих пор не имеет однозначного подхода. Идиома по-прежнему остается предметом дискуссий. Нет единства мнений и относительно терминологии единиц, называемых в разных концепциях идиомами, идиоматизмами, фразеологическими единицами, (собственно) фразеологизмами, фразеологическими оборотами, фразеолексемами, фраземами, фразеосочетаниями и так далее. Согласно существующим определениям, идиома может охватывать как относительно небольшую часть единиц языка, так и довольно значительные языковые пласты [1]. Использование термина «идиома» для обозначения всего объекта фразеологии считается нецелесообразным из-за его многозначности и применимости не только к фразеологизмам, но также к словам с различными грамматическими конструкциям. Понятие «идиоматичность» большинством ученых считается тесно связанным с понятием «идиома», что часто приводит к вполне закономерным дискуссиям в отношении

того, какие именно единицы относятся к числу идиом на основании критерия идиоматичности.

Мы придерживаемся точки зрения А. В. Кунина, который выделяет три раздела во фразеологии. Их деление основано на различных типах значения фразеологизмов (от более сложных до менее сложных): идиоматику, идиофразеологию и фразеологию. В раздел идиоматики входят идиомы, то есть устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта [2].

Английский язык очень богат идиомами, широко используемыми в настоящее время как в литературной, публицистической, так и в разговорной речи. Идиомы – самый яркий и богатый вид фразеологических оборотов английского языка. В данной статье мы представляем анализ идиом с лексическими компонентами «truth» и «lie». Для их выявления использовались следующие словари.

1. Н. Е. Фомина. Английские крылатые выражения [3].

2. Л. Ф. Шитова. English Idioms and Phrasal Verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов [4].

3. J. Sinclair The Cobuild Dictionary of Idioms [7].

Обратимся к исследованию данных идиом.

1. *Lie through one's teeth* – бесстыдно лгать, врать.

Эта идиома обозначает, что человек не просто говорит неправду, а нагло врет в лицо без угрызений совести.

Рассмотрим следующие высказывания.

а) *The woman will lie through her teeth in order to get what she wants* [5].

б) *He was lying through his teeth when he told the police he didn't know Bill Carter. I have seen them talking together* [5].

В первом примере говорится о том, что женщина будет бесстыдно лгать (*will lie through her teeth*) для получения желаемого (*to get what she wants*). Во втором фрагменте текста человек готов соврать (*was lying through his teeth*) даже полицейским (*the police*), только бы его не уличили в знакомстве с другим человеком (*he didn't know Bill Carter*). В контексте этих примеров идиома с компонентом «lie» означает, что человек может лгать с целью получения выгоды, несмотря ни на какие условности.

2. *Give a lie to sth* – лгать.

Данная идиома чаще всего используется в официальной лексике и показывает, что кто-то

солгал о чем-то, как в следующем предложении:

The high incident of cancer in the region surely gives the lie to official assurances that the factory is safe [5].

В этом фрагменте текста страховую компанию уличили во лжи (*the lie to official assurances*): что высокий процент смертности в регионе (*the high incident of cancer in the region*) не связан напрямую с местной фабрикой, что подтверждается использованием конструкции *the factory is safe*.

3. *Commonplace truth* – банальная истина.

Вышеприведенная идиома используется для объяснений само собой разумеющихся фактов или прописных истин:

The odd little moral of such tales, usually, is the commonplace truth that sometimes there are good consequences of bad actions [8].

В данном примере речь идет о правде как о чем-то разумеющемся, понятном, аксиоматичном, не требующем доказательства, о чем свидетельствует употребление лексемы *commonplace*.

4. *Dance around the truth* – увиливать от правды.

Данная идиома имеет значение «увиливать от правдивого ответа», а также может употребляться и в случае, когда необходимо указать человеку в «мягкой» форме, что он попросту лжет.

Так, в следующем высказывании глагольная конструкция *to dance around the truth* используется в значении «непреднамеренно увести от истины». О непреднамеренности свидетельствует употребление глагола *seem*:

Sometimes the textbook approach seems to dance around the truth: In the gradual transition from one type of artery to another it is sometimes difficult to classify the intermediate region [8].

5. *Truth or dare* – правда или расплата.

Представленная идиома является одноименным названием известной Британской игры «Truth or Dare» и имеет смысл «скажи или покажи», «правда или расплата».

6. *Truth be told / to tell you the truth* – по правде говоря.

Данная идиома используется, когда говорящий хочет подчеркнуть свою откровенность, как в следующем высказывании, где автор акцентирует внимание на том, что он говорит искренне и честно (*truth be told*):

Truth be told, you have done better on that test [8].

7. *A white lie* – невинная ложь.

Представленная идиома используется в случаях возникновения потребности лгать во имя спасения других людей или во избежание ущемления их чувств (*a little white lie is really more appropriate than the truth*):

I believe that this is a case where a little *white lie* is really more appropriate than the truth [6].

8. *Nail a lie* – уличить во лжи, развеять миф.

Приведенная идиома показывает, что в некоторых случаях правда не является таковой. В качестве примера приведем следующий фрагмент текста:

Top designer Calvin Klein is one of those helping to finally *nail the lie* that young is best. He has just appointed 40-year-old Lisa Taylor as a new top model [6].

Данный пример отчетливо иллюстрирует следующее: мнение по поводу того, что молодость – это хорошо (*that young is best*), опроверг известный американский модельер (*nail the lie*), выбрав на роль ведущей модели сорокалетнюю женщину (*has just appointed 40-year-old Lisa Taylor as a new top model*).

9. *Live a lie* – лгать всю жизнь, вести двойную жизнь.

Эта идиома используется для введения собеседника в заблуждение, обмана на протяжении длительного времени. Рассмотрим следующее высказывание:

My mother never told my father the truth about me. We *have been living a lie* all this time, and now she has taken me from him [6].

Вышеприведенный пример показывает, что автор жил жизнью, которую считал неправильной, лживой (*we have been living a lie all this time*), его мама не рассказывала отцу правду о нем (*my mother never told my father the truth about me*), и все стало еще хуже, когда мама забрала его от отца (*and now she has taken me from him*).

10. *Home truth* – горькая правда.

Данная идиома употребляется, когда оправданно критикуют оппонента, причиняют ему

моральный вред. Однако такая критика необходима, чтобы «открыть» человеку глаза на некоторые его недостатки. В качестве примера приведем следующее высказывание, где вышеприведенные значения актуализированы посредством употребления конструкции *have to learn to face up to a few home truth*:

You'll have to learn to face up to a few *home truth*, my boy, before it's too late [8].

11. *Economical with the truth*.

Если переводить дословно, эта идиома означает «быть очень экономным в правде», но в русском варианте отсутствует упоминание о правде, даже используется противоположное. В примере, приведенном ниже, мы можем наглядно проследить употребление данной идиомы.

As campaigning in the Conservative leadership race in Britain draws to a climax, its become clear that some MPs have been a little economical with the truth. For, if all the pledged votes are added up, they amount far than the number eligible to vote [4].

Данное высказывание демонстрирует, что автор намеренно не использует слово «lie», чтобы не назвать депутата Британского парламента лжецом, а употребляет данную идиому для смягчения негативного окраса.

Представленные выше высказывания свидетельствуют о том, что идиомы с лексическими компонентами «truth» и «lie» обладают широким набором значений. Так, идиомы с лексемой «lie» используются для выражения как бесстыдной, так и невинной лжи. Часто говорящий употребляет их, когда стремится уличить собеседника во лжи, развеять мифы и стереотипы. Ложь может быть корыстной – для достижения эгоистических целей, или бескорыстной, которая может послужить спасением жизни человека. Идиомы с существительным *truth* используются, когда человек хочет выразить критику, причинить моральный вред окружающим или сообщить банальную истину. С одной стороны, правда – это ценность, с другой стороны – неприятность, способная причинить боль.

Список литературы

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Ленинград, 1963. – 208 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Дубна, 1996. – 381 с.
3. Фомина, Н. Е. Английские крылатые выражения / Н. Е. Фомина. – М.: Фолио, 2008. – 256 с.
4. Шитова, Л. Ф. English Idioms and Phrasal Verbs = Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов / Л. Ф. Шитова. – СПб.: Антология, 2012. – 256 с.

5. Lie // British National Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
6. McCarthy, M. Cambridge International Dictionary of Idioms / M. McCarthy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 608 p.
7. Sinclair, J. The Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – Glasgow: Caledonian International Book Manufacturing Ltd, 1997. – 493 p.
8. Truth // British National Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.

Сведения об авторе

Гурин Владимир Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института Иркутского государственного университета.

gurinvv83@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 65–68.*

THE ANALYSIS OF ENGLISH IDIOMS WITH THE LEXICAL COMPONENTS «TRUTH» AND «LIE»

V. V. Gurin

Pedagogical Institute of Irkutsk State University. gurinvv83@rambler.ru

This article is devoted to the study of idioms with the lexical components “truth” and “lie” in English. The paper is concerned with such concepts of modern linguistics as “phraseology”, “idiom”, which are considered to be very relevant and meaningful for the language. The author represents and describes eleven most vivid idioms of the English language with the components “truth” and “lie”, explores their function and role in the English language. The idioms with these lexical components have a wide set of values (giving wrong information to the interlocutor, causing moral harm, the message of truth, etc.). They are believed to be a special object of the speaker’s reflection.

Keywords: *English language, idiom, lexical component, phraseology, phraseological unit.*

References

1. Amosova N.N. *Osnovy anglijskoj frazeologii* [The basics of English phraseology]. Leningrad, 1963. 208 p. (In Russ.).
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. Moscow; Dubna, 1996. 381 p. (In Russ.).
3. Fomina N.E. *Anglijskie krylatye vyrazheniya* [English catch phrases]. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.).
4. Shitova L.F. *English Idioms and Phrasal Verbs = Anglo-russkij slovar' idiom i frazovyh glagolov* [English-Russian dictionary of idioms and phrasal verbs]. St. Petersburg, 2012. 256 p. (In Russ.).
5. Lie. *British National Corpus*. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>, accessed 05.05.2015.
6. McCarthy M. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge, 2002. 608 p.
7. Sinclair J. *The Cobuild Dictionary of Idioms*. Glasgow, 1997. 493 p.
8. Truth. *British National Corpus*. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>, accessed 03.04.2015.

УДК 81'42
ББК 81.411.2

А. Т. Дадашева

ДИНАМИКА «ДЕТСКИХ РЕЧЕВЫХ ИННОВАЦИЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, САМОСТОЯТЕЛЬНО НАПИСАННЫХ ДЕТЬМИ

Представлен анализ отрицательного языкового материала. В рассказах и романах, написанных детьми в возрасте 7–12 лет, были выделены различные виды речевых инноваций. С помощью статистического метода была определена средняя величина данных инноваций. По итогам исследования была установлена динамика речевых инноваций, которая присоединена к статье.

Ключевые слова: отрицательный языковой материал, речевые инновации, произведения, написанные детьми.

Изучением речи ребенка в нашей стране плодотворно занимаются А. М. Шахнарович, Е. С. Кубрякова, Е. И. Исенина, Е. Ю. Протасова, В. К. Харченко и многие другие. Большой вклад в изучение речи ребенка внесен Н. И. Лепской и И. Н. Гореловым [6].

В ходе исследования нами было проанализировано четыре романа и пять рассказов, самостоятельно написанных детьми. В данных текстах был выделен «отрицательный языковой материал» (термин Л. В. Щербы) [5. С. 27]. Как писал сам Л. В. Щерба, «роль этого материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании» [7. С. 33]. «Анализ детских ошибок помогает получить много важнейших сведений об осваиваемом ими языке, прежде всего об иерархической организации языковых правил, которыми пользуется человек, воспринимающий или порождающий речь, о сложном устройстве морфологических категорий как в плане выражения, так и в плане содержания, о своеобразии словообразовательной системы и о многом другом» [5]. «Характерные отклонения детского языка от языка взрослых могут доставить немало данных, чтобы вскрыть естественную группировку разных элементов в системе языка» [1. С. 9]. Нарушением языковой нормы в устной и письменной речи детей интересовались многие лингвисты. А. Н. Гвоздев называл ошибки в речи детей «образованиями по аналогии» [1], а С. Н. Цейтлин – «детскими речевыми инновациями» [5]. В настоящей статье мы трактуем термин «детская речевая инновация» в понимании Э. Косериу, то есть как «речевой факт, противоречащий общему употреблению и выявленный в индивидуальном, единичном речевом акте» [5. С. 28].

Цель нашего исследования – определить динамику речевых инноваций в произведениях детей 7–12 лет. Для этого мы выделили в текстах, самостоятельно созданных детьми, различные виды инноваций: словообразовательные, морфологические, лексико-семантические и синтаксические. Используя статистический метод, мы подсчитали среднюю величину употребления каждой инновации.

«Чтобы начать говорить на определенном языке, нужно овладеть арсеналом языковых единиц, созданным предшествующими поколениями, а также усвоить правила их использования в речевой деятельности. Правила использования языковых единиц иногда называют грамматикой. Такое толкование термина «грамматика» предложил академик Л. В. Щерба, который утверждал, что грамматика есть не что иное, как сборник правил речевого поведения. Однако для речевого поведения, принятого в обществе, необходимо знать также правила выбора и употребления лексических единиц» [6. С. 9].

Произведения, написанные детьми, отличаются объемами. Самый маленький рассказ, автором которого является Гриша К. (7 лет), составляет 71 слово. Самый большой текст принадлежит Маше Л. (12 лет). Это произведение составляет 6226 слов. При такой существенной разнице в объемах текстов сложно будет определить какую-то динамику. Поэтому мы использовали статистический метод. О необходимости использования статистических методов в лингвистике говорили такие выдающиеся ученые, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и другие [4]. «Для корректности статистического анализа и выводов потребуется

применение <...> знаний о средней частоте» [4], то есть средней величине. Она «дает обобщающую количественную характеристику всей совокупности и характеризует ее в отношении данного признака» [3]. Среднее количество речевых инноваций, обнаруженных в произведениях, написанных детьми, наглядно представлено в таблице 1.

Самым распространенным видом речевых инноваций, выявленным в анализируемом нами отрицательном языковом материале, являются лексико-семантические инновации. Наибольшая средняя величина данных инноваций встречаются в рассказах Гриши К. (7 лет) – 3,6. Далее этот показатель снижается по мере взросления авторов: у Максима П. (8 лет) он составляет 1, у Ани К (10 лет) – 0,4; а у Кати А. (11 лет) – 0,3. В произведении Маши Л. (12 лет) заметно незначительное повышение средней величины лексико-семантических инноваций – 0,5. Дело в том, что 7 и 12 лет – важные этапы в жизни ребенка. В 7 лет ребенок идет в школу. Он оказывается в новом окружении. Меняется распорядок его жизни. В 12 лет ребенок переходит в среднюю школу, уклад его жизни опять меняется. Начинается подростковый период. В эти периоды лексический словарь ребенка начинает активно пополняться. В 12 лет дети знакомятся с лексикой различных стилей речи. Лексический словарь широк, но автор может не владеть значениями некоторых слов, может нарушать лексическую сочетаемость, не различать оттенки значений синонимов, путать паронимы, использовать языковые клише и канцеляризмы, исказить смысл и форму фразеологизмов. Самой распространенной причиной лексико-семантических инноваций является нарушение лексической сочетаемости. Приведем примеры: *Он старался выдумывать и строить всякие планы* (Максим П., 8 лет); *Вот в этот вечер и поднялась истерика в доме 35* (Максим П., 8 лет); *Он по географии не славился умом* (Маша Л., 12 лет); <...> *эти дети ей стали заурядно надоедать* (Маша Л., 12 лет). Большинство данных нарушений вызвано непониманием автором значения используемого слова. Часто в произведениях детей встречаются повторы, тавтологии и плеоназмы: *Таня поспешно примчалась* <...> (Маша Л., 12 лет); *Она поняла, что Леонид Николаевич упал из-за ее слов, сказанных ею* (Маша Л., 12 лет); *Максим подбежал, поднял Алексея, помог ему встать, поднял оружие и выстрелил* (Максим П., 8 лет); *На работе*

Катя работала за компьютером (Максим П., 8 лет); *Она [Катя] знала, что работа есть работа и нужно стараться в деле* <...> (Максим П., 8 лет); *Ваш напарник выздоравливает и идет на поправку* (Саша Д., 11 лет); *Когда он [Джек Николсон] прибежал, Семен стоял на ногах* (Саша Д., 11 лет); *Эти монеты были не только золотые монеты* (Гриша К., 7 лет); *Жил старичок. Он был очень старенький* (Гриша К., 7 лет); *А еще у них был служилыщик, который им служил* (Гриша К., 7 лет). Разберем более подробно один из примеров: *Мы спрятались за деревянные домики. Бандиты – за другие домики* (Максим П., 8 лет). Отсутствие в первом предложении указательного слова «одни» создает двойное понимание текста. Получается, что «расследователи» спрятались за деревянные домики, а бандиты за здания, сделанные из какого-то другого материала (например, из кирпича). Большая часть ошибок такого рода связана с бедностью речи – слабым знанием лексики литературного языка.

После лексико-семантических самыми распространенными являются синтаксические инновации. Максимальная средняя величина данного вида инноваций обнаруживается у ребенка 7 лет – 1,4. Как правило, причинами их возникновения становятся пропуски необходимых слов, местоименное дублирование подлежащего, нарушение видовременной соотнесенности глагольных форм, многократное повторение союза *и*, которое может привести к неудачному построению предложений с однородными членами: *Муж пошел в магазин, где продавались зеркала, и он купил зеркало* (Гриша К., 7 лет); *Джек обрадовался и бежал в больницу* (Саша Д., 11 лет); *Старик со старухой испугались и выбежали из дома, и побежали по дороге* (Гриша К., 7 лет). В последнем примере велика схожесть повествования с языком древнерусских рукописей. «Характерное для ранних монологических текстов детей «назойливое повторение» союза *и* <...> имеет аналогию в «многосоюзии» («*и-и* стиле») первых списков древнерусских летописей» [2. С. 295].

Словообразовательных инноваций в исследуемых нами текстах сравнительно немного (табл. 1). Как мы считаем, причина этому – возраст авторов. Словотворчеством дети активно занимаются в дошкольный период. Приведем примеры словообразовательных инноваций: *А еще у них был служилыщик* <...> (Гриша К., 7 лет); *Гамд побежал в комнату, достал труп*

Таблица 1

Среднее количество различных видов детских речевых инноваций

Имя и возраст автора	Гриша К., 7 лет	Максим П., 8 лет	Аня К., 10 лет	Катя А., 11 лет	Маша Л., 12 лет
Инновации					
Словообразовательные инновации	0,3	0,09	–	–	0,03
Морфологические инновации	0,6	–	–	0,1	–
Лексико-семантические инновации	3,6	1	0,4	0,3	0,5
Синтаксические инновации	1,4	0,7	0,6	0,3	0,2

Мерса и с диким криком бросился в курительную (Максим П., 8 лет).

В настоящей статье мы привели результаты анализа отрицательного языкового материала. В произведениях, самостоятельно написанных детьми, были выделены различные виды речевых инноваций. Используя статистический анализ, мы определили динамику речевых ин-

новаций в детском словесном творчестве. Самыми распространенными оказались лексико-семантические инновации. Число речевых инноваций постепенно снижается с взрослением автора. Но в подростковый период количество лексико-семантических инноваций незначительно увеличивается.

Список литературы

1. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М., 1961. – 470 с.
2. Князев, Ю. П. Ранние детские художественные тексты и их литературные аналоги / Ю. П. Князев // Проблемы онтолингвистики 2011. – СПб.: Златоуст, 2011. – С. 292–296.
3. Средние величины. – URL: <http://www.grandars.ru/student/statistika/srednie-velichiny.html>. – Дата обращения: 16.01.2015.
4. Степанова, Т. В. Текстовая компетенция младшего школьника и ее гендерная составляющая / Т. В. Степанова // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2007. – № 43. – С. 9–12.
5. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
6. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
7. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 424 с.

Сведения об авторе

Дадашева Анна Таировна – аспирант кафедры русского языка Челябинского государственного университета.

anna.dadasheva@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 69–72.*

THE DYNAMICS OF “CHILDREN’S SPEECH INNOVATIONS” IN LITERARY WORKS WRITTEN BY CHILDREN

A. T. Dadasheva

Chelyabinsk State University. anna.dadasheva@mail.ru

The article focuses on analysis of negative language material in literary compositions written by children. By negative language material is meant different kinds of mistakes in children’s texts. Irregularities of language rules in these writings are not just errors – they are reflections of interpretation of language by kids. This rich and important language material provides us insight into children’s cognitive

processes; and we can comprehend how kids perceive language and the world around them. Therefore we call these irregularities “negative language material”. In this material we specificate different kinds of children’s language innovations: lexical, syntactical, word-formative, morphological. By means of statistical review we find dynamics of language innovations in children’s texts. Lexical innovations are the most widespread. As the kids grow up number of language innovations descends. But in teenage years amount of lexical novations rises slightly.

Keywords: *negative language material, language innovations, literary works written by children.*

References

1. Gvozdev A.N. *Voprosy izucheniya detskoy rechi* [The study of children’s speech]. Moscow, 1961. 470 p. (In Russ.).
2. Knyazev Yu.P. Rannie detskie khudozhestvennye teksty i ikh literaturnye analogi [Early childhood literary texts and their literary counterparts]. *Problemy ontolingvitsiki 2011* [Problems ontolinguistics 2011]. St. Petersburg, 2011. Pp. 292–296. (In Russ.).
3. *Srednie velichiny* [Averages]. Available at: <http://www.grandars.ru/student/statistika/srednie-velichiny.html>, accessed 16.01.2015. (In Russ.).
4. Stepanova T.V. Tekstovaya kompetentsiya mladshego shkol’nika i ee gendernaya sostavlyayushchaya [Textual competence junior student and her gender component]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], 2007, no 43, pp. 9–12. (In Russ.).
5. Tseytlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoy rechi* [Essays on word formation and morphogenesis in children’s speech]. Moscow, 2009. 592 p. (In Russ.).
6. Tseytlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi* [Language and child: the child’s speech Linguistics]. Moscow, 2000. 240 p. (In Russ.).
7. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel’nost’* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974. 424 p. (In Russ.).

УДК 81.22
ББК 71

К. А. Добрикова

ЯЗЫК КАК БАРЬЕР К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

Язык рассматривается как барьер к межкультурному общению. Вначале приводятся и кратко характеризуются пять других барьеров: волнение, несоответствие поведенческих реалий, этноцентризм, стереотипы и предрассудки, невербальная коммуникация. Далее, собственно язык рассматривается как лингвистическая и культурологическая интерференция к межкультурному общению. Статья содержит теоретические обоснования и лингвокультурологические примеры.

Ключевые слова: язык, культурный контекст, эквивалентность, языковой национализм, культурная диффузия.

В культурологии известно пять основных барьеров к межкультурному общению: волнение, несоответствие поведенческих реалий, этноцентризм, стереотипы и предрассудки, невербальная коммуникация. Рассмотрим кратко каждый из них. *Волнение* – явление психологического характера, оно возникает на почве мыслей о собственном несоответствии чужому культурному контексту. Мнимое или реальное несоответствие кроется в недостаточном владении языком, недостаточном понимании «чужого» образа жизни и «инородного» менталитета. *Несоответствие поведенческих реалий* связано с наличием устоявшихся моделей поведения, которые разнятся от культуры к культуре. Например, представители скандинавских культур с явным негодованием отвергают подарки «не по случаю», что обижает и удивляет русских людей. В скандинавском культурном контексте подарок, врученный в нашем понимании «просто так», «от души», воспринимается как подкуп с целью дальнейшего манипулирования. *Этноцентризм* сам по себе является барьером. Он помогает определить собственную национальную идентичность, структурировать реальность, однако создает крепкие стены при попытке изучить другой менталитет, и тем более культурно ассимилироваться. Сопряженный с продуктивными чувствами патриотизма и самоопределения, он заставляет представителей культур верить в собственную исключительность и непревзойденность. Несоответствие поведенческих реалий и этноцентризм могут создавать единый барьер, так как первое вытекает из второго. Этот барьер можно обозначить как «культурная близорукость», суть его главным образом заключается в нежелании узнавать и принимать другие культурные кон-

тексты. Открытость и плюрализм помогут избежать этого и сформируют культурно-релятивистский взгляд на окружающий мир. Следующим барьером принято считать *стереотипы и предрассудки*: ригидные, несоответствующие действительности, неактуальные представления о других группах людей. *Невербальный аспект общения* составляет около 90 % от любого коммуникативного акта, он чрезвычайно культурно специфичен, несоответствие невербальных кодов в разных культурах вызывает немало курьезных ситуаций. Экс-президент США Джордж Буш-младший имел привычку использовать «жест победы» – поднятые и разведенные указательный и средний пальцы рук. При общении с главами других держав эта привычка создавала неловкие ситуации – во многих культурах этот жест означает жаргонизм «козел», направленный против адресата, или, соответственно: «Ваша жена Вам неверна» (например, в латиноамериканских культурах). Невербальный аспект общения широк и многогранен, однако наибольшие сложности вызывает вербальный аспект коммуникации. Мы будем считать его шестым барьером.

Язык как барьер к межкультурному общению проявляется, в первую очередь, при проблемах перевода. Как и невербальные коды, слова – это символы, превращающиеся в барьеры при несоответствии значений. Несоответствие значений является барьером даже при общении носителей одного языка. Например, британский и американский варианты английского языка. В мире существует около 200 основных языковых групп, включающих около 5 000 языков, которые, в свою очередь, порождают варианты и диалекты. Однако ряд вопросов, превращающих язык в барьер, единообразен.

Словарная эквивалентность. Этим вопросом тщательно занимался Э. Сэпир-Уорф. В своей работе «An Introduction to the Study of Speech» он заметил, что арктические народы имеют много обозначений для природного явления «снег». И все они соответствуют одной единственной английской лексеме «snow» [3. С. 230]. Снег – конкретная природная реальия, мы можем только представить, какие проблемы вызывает подбор эквивалента для обозначения, например, оттенка цвета или качества характера.

Фразеологическая эквивалентность. Фразеологический фонд языка произрастает из традиционной, архаичной картины мира. Многие носители языка не очень хорошо понимают значения собственных фразеологических единиц, можно представить, что происходит, когда речь идет о языке иностранном. Дословный перевод превращает фразеологическую единицу в непонятное, нередко смешное и бессмысленное сочетание.

Грамматико-синтаксическая эквивалентность. Грамматические системы языков разнятся фатально. Очень часто без знания грамматики невозможно понять смысл высказывания, несмотря на знание слов. В аналитических языках часть речи лексемы определяется ее местом в предложении. Например, в английском языке часто употребительная лексема «plan» может обозначать «план действий», «планирование (как процесс)», «план (как инструктаж к чему-либо)», а также глагол «планировать».

Следующий тип эквивалентности можно называть *эмпирической эквивалентностью*. Эмпирическая эквивалентность бытует на несколько ином уровне: уровне реалий и концептов. Она связана с несовпадением объектов и эмпирических реалий в разных культурах. Например, «снегурочка» в русской культуре, «бандерильо» – в испанской, «птичья медитация» – во вьетнамской. Эмпирическая эквивалентность тесно связана с концептуальной эквивалентностью.

Концептуальная эквивалентность бытует на более абстрактном уровне, она отображает «идеальные» концепты. При проведении концептуального анализа по методикам В. И. Карасика или С. Г. Воркачева «барьерность» данного типа эквивалентности становится очевидной. Например, русскоязычный концепт «интеллигентность». Он содержит такой многогранный конгломерат прямых и перекрестных значений, что ни один иноязычный аналог ему не соответствует. В других языках «ин-

теллигентность» – это либо «образованность», «начитанность», «природная грамотность», либо сообразительность и ловкость. Интересно языковая реализация распространенной на сегодняшний день реалии «права человека». В американском варианте английского языка имеются в виду права, включенные в «Билль о правах», составленный некогда Дж. Картером. В современной России мы, прежде всего, имеем в виду права представителя гражданского общества, общества самоорганизующихся личностей. В мусульманских культурах концепт «права человека» означает предоставление государством крова, продуктов питания, медицинских услуг своим гражданам. Корень разнообразного толкования реалий содержится в «культурной значимости концептов» [1. С. 263].

Лучше понять концептуальное соответствие возможно с помощью процесса обратного перевода. Сначала вы переводите название концепта на иностранный язык, затем – на свой родной. После сравниваете актуализацию смыслов и значений в аналоговом контексте. Также можно использовать компонентный анализ значений в обоих языках, семный анализ, комбинаторико-семантический анализ. Упомянув языковые соответствия, мы все время говорим о тесно связанных с ними культурных соответствиях. Язык как барьер отображается на национально-культурном уровне, который мы рассмотрим далее.

Барьерный характер языка на национально-культурном уровне связан с непродуктивным и социально опасным явлением языкового национализма. Часто случается так, что люди (группы людей) не могут сойтись на одном языке для употребления или одна группа людей подавляет другую в языковом отношении. Может ли существовать общество с двумя или более официальными языками? В Швейцарии приняты три официальных языка: французский, итальянский и швейцарский вариант немецкого языка. В швейцарских кантонах официальный язык – это язык большинства, каждый гражданин обязан им владеть. Студенты и даже школьники изучают в обязательном порядке все три государственных языка. При решении официальных вопросов швейцарцы могут использовать либо французский, либо итальянский, либо швейцарский вариант немецкого языка. Современное языковое сообщество озабочено проблемой глобальной распространенности американского варианта английского

языка. Культуролог Ф. Джандт приводит статистику: *“In early colonial days, some 5 million people spoke English. By 1930, the number had risen to 200 million. By the mid-1960-s, counting those who used English as a second language, the number of people speaking English had doubled to 400 million. By 1990, that number had risen to about 750 million, or 1 in every 7 people”* («В раннюю колониальную эпоху на английском языке говорили 5 миллионов человек. К 1930 г. их число увеличилось до 200 миллионов. К середине 60-х гг. прошлого столетия количество англоговорящих людей, включая билингвов, увеличилось до 400 миллионов. К 1990 г. их число достигало 750 миллионов, это каждый 7-ой житель планеты» [2. С. 115]). Замечу, что в наши дни каждый шестой житель планеты владеет английским языком, хотя бы и как билингв. Некоторые источники утверждают, что каждый пятый. С чем связан подобный языковой национализм? Во-первых, английский – родной язык для двенадцати стран, во-вторых, он признан официальным или полуофициальным в 33 странах. Изучение английского языка в качестве иностранного зафиксировано как минимум в 56 странах, в числе которых Российская Федерация занимает 28 место. Английский – язык глобализации: науки, технологического прогресса, экономики, туризма, дипломатии, мировой поп-культуры. Существуют и другие более интересные с точки зрения языкового развития примеры языкового национализма.

Исторический опыт Южно-Африканской Республики наглядно демонстрирует функционирование языка в качестве барьера. В 1652 г. на южное побережье Африки прибыли голландские, немецкие и французские гугеноты. Ныне они известны как «буры». Официальным языком колонии стал голландский, который постепенно перешел в суахили, самый молодой из германских языков, зародившийся вне Европы. По сути, это голландский язык с вкраплениями малазийского, португальского, немецкого, французского, английского и местных африканских языков. Культурные концепты, которые передает суахили, отображают принципы кальвинизма и языкового саморазвития. Однако долгие годы носители языка угнетались британским колониальным законом. В начале XX в. суахили стал вторым официальным языком ЮАР, «языком угнетаемых черных». Именно из этого языка к нам пришла политическая реалья «апартеид», ставшая обществен-

но-политическим концептом. В начале 90 гг. прошлого столетия президентом в ЮАР стал Нельсон Мандела, и данная реалья перешла в ряд культурно-исторических понятий. На сегодняшний день в ЮАР одиннадцать официальных языков, включая английский и суахили. Самым распространенным является Зулу.

Другим примером воздействия культурной диффузии на языковое наследие является история гавайских островов. У гавайцев не было письменности до XIX в. Культурно-историческое наследие бытовало исключительно в устном дискурсе. Письменность начала развиваться в начале XIX в. с прибытием на острова английских миссионеров. Английские миссионеры привили гавайцам упрощенный вариант английского языка, основанный на 5 гласных и 7 согласных звуках. В конце XIX в. американские плантаторы разрушили гавайскую монархию, Гавайи стали республикой и запросили присоединение к США. Гавайский язык, «язык миссионеров» был официально запрещен. К началу 90-х гг. прошлого века в живых осталась всего одна тысяча гавайцев, говорящих и пишущих на родном языке. В то же время он был объявлен вторым официальным государственным языком, начала возрождаться система образования, основанная на гавайском. В наши дни «гавайский языковой вопрос» вызывает много споров. Одни культурологи считают, что возрождение гавайской языковой традиции ведет к сохранению культурного наследия и национальной идентичности. Другие опасаются, что процесс может привести к аккультурационной сепарации, как это произошло с французским культурным контекстом в Канаде.

Исторической причиной подобного языкового национализма является культурная диффузия. В эпоху колонизации на территории современных США бытовало около 500 национальных языков. На сегодняшний день их осталось только 200, самым распространенным из них является Навахо.

Как же складывается ситуация с языковым национализмом в стране с самой большой численностью населения – в Китае? Исторически Китай был родиной диалектов. Стандартный китайский язык основан на диалекте мандарин, на нем говорит 70 процентов населения. Распространенный в Китае кантонский диалект отличается от стандартного китайского языка, как отличаются два языка разных групп, например, германской и романской. Китайские диалекты тоновые, значения называемых куль-

турных реалий и концептов разнятся в зависимости от тона, невербалики и контекста. В середине 90-х гг. прошлого столетия правительство Китая объявило стандартный китайский официальным языком политических и экономических сфер. Английский язык был долгое время запрещен. В наши дни Китай – активный житель «глобальной деревни», изучающий английский язык, использующий его во многих сферах жизни наряду с русским языком.

Культура отображается в языке, многообразие культур вызывает сложности, создает языковые барьеры. Основные проблемы актуализации языка на лингвистическом уровне: эквивалентность словаря, идиоматическая эквивалентность, эмпирическая эквивалентность, концептуальная эквивалентность, грамматико-синтаксическая эквивалентность. Развитие теории перевода, многообразие переводческих приемов может решить проблему подбора адекватных соответствий. На культурологическом уровне язык становится барьером по причине языкового национализма, продиктованного процессами культурной диффузии (например, колонизации) и глобализации. Современному обществу предоставляется решить важный вопрос, связанный с поиском баланса между универсализацией общения и сохранения национальной и культурной идентичности.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 288 с.
2. Jandt, F. An introduction to intercultural communication: identities in a global community / F. Jandt. – L.: Sage Publications, 2009. – 433 p.
3. Sapir, E. An Introduction to the Study of Speech / E. Sapir. – URL: <https://www.questia.com/library/7354101/language-an-introduction-to-the-study-of-speech>.

Сведения об авторе

Добрикова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.
xenia.dobrikova@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 73–76.*

LANGUAGE AS A BARRIER TO INTERCULTURAL COMMUNICATION

K. A. Dobrikova

Chelyabinsk State University. xenia.dobrikova@gmail.com

In the following article language is viewed as a barrier to intercultural communication. First come definitions and brief characteristics of the five other barriers: anxiety, assuming similarity instead of difference, ethnocentrism, stereotypes and prejudices, nonverbal communication. Then the language is viewed as the linguistic and cultural interference to intercultural communication. The article contains theoretical statements and linguo-cultural examples.

Keywords: *language, cultural context, equivalence, language nationalism, cultural diffusion.*

References

1. Vezhbickaja A. *Semanticheskie universalii i opisanie jazykov* [Semantic Universals and Description Language]. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Jandt F. *An introduction to intercultural communication: identities in a global community*. Leningrad, 2009. 433 p.
3. Sapir E. *An Introduction to the Study of Speech*. Available at: <https://www.questia.com/library/7354101/language-an-introduction-to-the-study-of-speech>.

УДК 81.22
ББК 71

Д. В. Дубровская

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Проанализированы основные характеристики профессиональной языковой личности лингвиста М. В. Панова на материале статьи «Лингвистика и методика преподавания русского языка». В соответствии с когнитивным подходом к данной проблеме профессиональная языковая личность рассмотрена как трехуровневая структура, отражающая совокупность различных качеств человека, сформированных в особой социокультурной среде и нашедших свое отражение в производимых автором текстах.

Ключевые слова: *языковая личность, профессиональная языковая личность, идиостиль.*

Когнитивный подход предполагает анализ профессиональной языковой личности как совокупности интеллектуальных, социокультурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой социокультурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности [2]. Другими словами, профессиональная языковая личность – это такой комплекс идей, ценностей, взглядов и интересов, который присущ личности в соответствии с ее профессиональной субкультурой и который оказывает влияние на ее действия и отношение к другим людям и окружающей ее действительности.

Профессиональная личность репрезентуется в первую очередь в создаваемых ею текстах. Языковая личность ученого выступает одним из вариантов реализации профессиональной языковой личности. Рассматривая профессиональную языковую личность выдающегося российского лингвиста М. В. Панова, мы анализируем, прежде всего, его научные труды, акцентируя внимание на заголовках научных статей, индивидуальном авторском стиле (идиостиле), индивидуально маркированной терминологии, а также на разнообразных проявлениях личностного начала (эпиграфах к статьям, авторских комментариях, текстах введения и заключения к монографиям и так далее). Итогом нашего исследования является реконструкция языковой личности ученого-лингвиста М. В. Панова посредством создания словаря. В соответствии с трехуровневой структурой языковой личности в словаре выделяется три раздела: «Научное содержание концептосферы», «Индивидуальные личностные смыслы», «Прецедентные тексты и имена». В структуре профессиональной языковой личности ученого

мы вслед за Е. И. Головановой выделяем три параметра, соответствующих названным разделам словаря:

1. Профессиональные знания, получающие реализацию в используемых личностью терминах и других специальных единицах.

2. Индивидуально-личностные смыслы, отраженные в ключевых словах, формулировках тем и проблем профессионально-ориентированной коммуникации.

3. Мотивационно-прагматический параметр, проявляющийся в отборе личностью прецедентных имен и прецедентных текстов, предпочтении монологических или диалогических форм коммуникации, ориентации на национально-культурные или инокультурные стереотипы общения и соответствующие языковые средства [1].

Рассмотрим ключевые параметры языковой личности М. В. Панова, выделенные нами в ходе анализа его научных трудов, и их репрезентацию на материале статьи «Лингвистика и методика преподавания русского языка», поскольку тема данной статьи отражает одно из основных направлений научных интересов данного ученого.

Первый раздел словаря языковой личности М. В. Панова – «Научное содержание концептосферы» – представлен научными понятиями, которые составляют главный познавательный интерес М. В. Панова и с которыми связан его вклад в науку. М. В. Панов уделял внимание, прежде всего, фундаментальным проблемам лингвистики. В поле зрения ученого попадают все языковые ярусы – от фонетики до синтаксиса. Однако его интерес составляли не только теоретические, но и прикладные проблемы лингвистики: он вел методические разработки,

занимался проектами по усовершенствованию русской орфографии, немало исследований посвятил проблемам педагогики и преподаванию русского языка в школе и в вузах. Ключевыми для личности М. В. Панова выступают такие понятия, как *язык, грамматика, методика, морфология, обучение, орфоэпия, произношение, синтаксис* и др. В обозначенной выше статье рассматривается вопрос взаимосвязи лингвистической науки и методики преподавания русского языка в национальной школе. Сквозь призму методики преподавания русского языка рассмотрены такие проблемы, как соотношение фонологии и орфоэпии, значение падежей, трансформация синтаксических конструкций в диалогах. Особенно автор акцентирует внимание на вопросе влияния методики преподавания на лингвистическую науку: «Есть случаи, когда методика более решительно строит свои взаимоотношения с лингвистикой: требует отказа от случайно укоренившейся узости взгляда, призывает снять шоры, ограничивающие кругозор» [5. С. 314]. В этой особенности нам видится стремление автора объединить все интересующие его области науки для создания единой и цельной научной концепции. Он не разделяет проблемы филологии на фундаментальные и прикладные, доказывая, что они оказывают взаимное влияние друг на друга и являются естественным продолжением друг друга. Автор показывает, каким образом фундаментальные области лингвистики – фонетика, морфология, синтаксис – взаимодействуют с методикой преподавания языка, указывая на необходимость «максимально плодотворного сближения наук» [5. С. 319]. Таким образом, статья «Лингвистика и методика преподавания русского языка» охватывает значительный круг интересующих М. В. Панова проблем и указывает на их неразрывные связи.

Перейдем к анализу следующего раздела словаря: «Индивидуальные личностные смыслы». Этот раздел соответствует вербальному уровню структуры профессиональной языковой личности и презентует наиболее устойчивые, базовые смыслы, которые определяются системой ценностей анализируемой личности. Совокупность этих смыслов формируется всем разнообразием деятельности ученого. В результате анализа текстов М. В. Панова различной стилиевой направленности нами было выявлено более 30 языковых единиц, несущих для него индивидуально-личностные смыслы, то есть «устойчивые, базовые смыслы, опре-

деляемые принятой им системой ценностей» [2. С. 11].

В анализируемой статье представлены такие значимые для М. В. Панова лексические единицы, как «*история*», «*школа*», «*язык*», «*учитель*», «*ученик*» и другие.

Так, согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, понятие «язык» имеет два взаимосвязанных значения: 1) «язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем» 2) «конкретный, так называемый этнический, или «идио-этнический», язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [4. С. 796].

Для М. В. Панова круг значений слова «язык» не ограничивается данными определениями. Из его трудов мы видим, что язык для него – это живой, развивающийся организм, и он представляет собой многогранное явление, подчиняющееся, с одной стороны, социальным законам и в то же время поддающееся описанию посредством математических и геометрических категорий. В анализируемой статье М. В. Панов дает следующее определение понятию «язык»: «язык есть определенный взгляд на мир, особая интерпретация явлений жизни» [5. С. 314].

Характерным для М. В. Панова является очеловечивание науки в целом и отдельных ее отраслей: методики, лингвистики, педагогики, литературоведения и так далее. Так, в анализируемой статье «методика» приобретает черты живого существа, имеющего «больное место» («больное место в методике преподавания русского языка нерусским – обучение живому диалогу» [5. С. 316]), социальные связи («лингвистика и методика преподавания языка всегда были союзники», «черты более глубокого сотрудничества этих наук» [5. С. 305]), делает «первые шаги» («методика обучения русскому языку детей разных народов делала первые шаги» [5. С. 305]) или может даже руководить, указывать, направлять: «методика зовет к пересмотру положений фонологии...» [5. С. 307]. «Методика преподавания выявляет неполноту определенной теории и требует ее восполнения» [5. С. 320].

Значение понятия «школа» в работах М. В. Панова также не ограничивается определениями «учебное заведение» или «научное направление». Школа, также как и наука, способна вести себя как живой организм, существую-

щий по собственным законам: «Национальная школа откликнулась на них» [5. С. 320].

Третий раздел словаря языковой личности М. В. Панова представлен прецедентными текстами и именами и репрезентует мотивационно-прагматический уровень. Значимость прецедентных текстов в изучении языковой личности обоснована Ю. Н. Карауловым уже в самом определении данного феномена: прецедентными называются «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1. С. 216]. Для М. В. Панова характерно в первую очередь обращение к трудам отечественных лингвистов. При рассмотрении любой лингвистической проблемы он опирается на достижения предшественников и дает краткий обзор работ на затронутую тему. В его работах встречается более 400 имен ученых, что говорит о том, что М. В. Панов обладал необыкновенной эрудицией и бережно хранил традиции отечественного языкознания. Так, в статье «Лингвистика и методика преподавания русского языка» мы встречаем как аллюзии на работы других ученых («идет отработка произношения по “формуле Потемби”» [5. С. 318]), так и прямые отсылки к трудам лингвистов и методистов. В частности, в статье приведены концепции таких отечественных лингвистов, как Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон, В. В. Виноградов. Также встречаются отсылки к теориям А. А. Горцевского, С. И. Берштейна, Е. А. Брызгуновой, Т. В. Рябовой, В. С. Храковского.

Говоря о языковой личности М. В. Панова, нельзя не упомянуть его уникальный идиостиль. Одной из важных особенностей его научных трудов является особый, индивидуальный стиль изложения информации. Он не просто преподносит читателю сухие научные факты, но ведет диалог со своими коллегами и учениками, наполняя научный текст яркими образами, сравнениями, меткими комментариями. Таким образом, автор предстает перед нами не только как серьезный ученый, академик, но и как популяризатор науки и талантливый педагог, знающий, как нужно преподнести материал ученику, чтобы заинтересовать его, заставить самостоятельно мыслить, задавать

правильные вопросы и искать на них ответы. Читать его труды зачастую интересно даже непрофессионалу. Так, в статье «Лингвистика и методика преподавания русского языка» автор использует большое количество фразеологических единиц: «*пришлись ко времени*», «*проходной балл*», «*заведет в тупик*» «*на пути к цели*», «*смысловой стержень*», «*новая ступень преодолена*», «*окинуть взором*» и так далее. В своих рассуждениях ученый нередко допускает отступления от норм научного стиля за счет употребления различных средств выразительности: языковой игры, метафор, эпитетов («задачи школы были *поневоле скромными*», «проявляются *робко*, изредка», «любое их *коверканье терпимо*», «*конфронтацию* культуры речи и фонологии», «разделение звуковых признаков на *достойные* усвоения, различительные, и *недостойные*, неразличительные»). С одной стороны, данные приемы позволяют автору достичь максимальной точности в определении понятий, с другой стороны, атниакадемизм и раскованность рассуждений позволяют удерживать внимание читателя и придают научной мысли стройность и логичность. Так, одним из любимых приемов М. В. Панова, с помощью которого он выстраивает диалог со своим реципиентом, является риторический вопрос. «Не испытать ли другой путь?» – спрашивает он читателя в анализируемой нами статье, когда ошибочность рассматриваемого им метода становится очевидной. «Нельзя ли на тех же основаниях построить настоящий диалог или полилог?» [5. С. 317], «чем этот урок похож на ранее описанные занятия с гласными?» [5. С. 318].

В финале статьи автор использует синтаксическую анафору, подчеркивая тем самым наиболее значимые моменты своего рассуждения:

«Это время, когда методика преподавания выявляет неполноту определенной теории и требует ее восполнения.

Когда педагогическая наука участвует в лингвистической дискуссии, голосуя за определенные теории и поддерживая их.

Когда требования школы выделяют наиболее плодотворные лингвистические идеи и помогают их дальнейшей разработке» [5. С. 320].

Таким образом, мы видим, что на стилистическом уровне также проявляются важнейшие черты языковой личности М. В. Панова: энциклопедичность знаний, стремление к сближению различных научных дисциплин, системный подход.

Подводя итог, можно говорить о том, что профессиональная языковая личность как комплекс идей, целей и взглядов М. В. Панова отражает совокупность интеллектуальных, социокультурных и морально-волевых качеств ученого, сформированных под влиянием его профессиональной субкультуры и проявляется во всех создаваемых им текстах и профессиональной субкультуры.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. – 2011. – Вып. 11. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – С. 472–482.
2. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – Челябинск: Энциклопедия, 2008. – 180 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 2007. – 261 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 890 с.
5. Панов, М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов. – М.: Языки славян. культ., 2004. – 568 с.

Сведения об авторе

Дубровская Дарья Владимировна – аспирант кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Dafani@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 77–80.*

THE COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF LANGUAGE PERSONALITY

D. V. Dybrovskaya

Chelyabinsk State University. Dafani@yandex.ru

The article gives major characteristics of professional language personality of a famous linguist M. V. Panov. It deals with his article «Linguistics and methods of teaching Russian language». Three levels of professional language personality are taken into account.

Keywords: *language personality, professional language personality, individual style.*

References

1. Golovanova E.I. Analiz vzaimodejstvija kognitivnyh i jazykovyh struktur pri izuchenii professional'noj jazykovej lichnosti [Analysis of the interaction of cognitive and linguistic structures in the study of professional language personality]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XI: Vzaimodejstvie kognitivnyh i jazykovyh struktur* [Cognitive study of language. Vol. 11: The interaction of cognitive and language structures]. Moscow, 2011. Pp. 472–482. (In Russ.).
2. Golovanova E.I. *Kognitivnoe terminovedenie* [Cognitive Terminology]. Chelyabinsk, 2008. 180 p. (In Russ.).
3. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 2007. 261 p. (In Russ.).
4. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. V.N. Jarceva (ed.), Moscow, 2002. 890 p. (In Russ.).
5. Panov M.V. *Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku* [Proceedings on general linguistics and Russian language]. Moscow, 2004. 568 p. (In Russ.).

УДК 811.512.161
ББК 81.2

А. М. Зарипова

ФУНКЦИЯ РЕДУПЛИКАЦИИ В РАССКАЗАХ ОМЕРА СЕЙФЕДИНА

Исследуется редупликация как вид языковой игры в рассказах Омера Сейфеддина, устанавливается ее роль в процессе формирования и отражения национально-культурной специфики.

Ключевые слова: редупликация, повтор, языковая игра, турецкий язык, рассказы Омера Сейфеддина.

Исследование редупликации как вида языковой игры в современном турецком языке представляет собой актуальную лингвистическую проблему, связанную с универсальными и национально-культурными особенностями языка.

Целью данной работы является рассмотрение национально-культурных особенностей редупликации в турецком языке на материале рассказов О. Сейфеддина.

Омер Сейфеддин (1884–1920) снискал славу как автор рассказов. Несмотря на короткую жизнь, он написал большое количество произведений, которые отличаются занимательностью сюжета, остроумием и юмором. Все его рассказы реалистичны и актуальны по сей день.

При выборе автора мы придерживались того, что отличительной чертой творчества Омера Сейфеддина было значительное упрощение языка своих произведений и почти полный отказ от употребления арабских и персидских слов и выражений, что дает право выделить редупликацию в полной мере.

Спецификой моделирования ассоциативного восприятия слова в произведениях является простота и доступность особенностей разговорной речи, которая переносится на прозу. Такая простота и доступность речи проявляется через редуплицирование производного слова и создание словообразовательных инноваций в результате языковой игры. Механизмы реализации языковой игры обнаруживаются на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом и графическом уровнях.

При проведении анализа мы опирались на классификацию А. М. Зариповой в работе «Редупликация. Способы и модели образования», в которой выделяется полная и частичная реду-

пликация и рассматриваются типы редупликации по частям речи.

Редупликация в рассказах О. Сейфеддина представлена всеми типами: 1) полной – представляет собой повторение всего редупликата (*yavaş yavaş* – «медленно»); 2) частичной – редупликат повторяется неполно (*yapayalnız* «один-одинешенек»); 3) семантической – в свою очередь делится на синонимическую (*sessiz sedasız* – «молчаливый») и антонимическую редупликацию (*sağına soluna* – «справа и слева»).

В рассказах на фонетическом уровне распространена двухкомпонентная редупликация, включающая:

1) полную: *piril piril* – «ослепительный, блестящий», *şehir şehir* – «городами», *ayrı ayrı* – «различный»;

2) частичную, которая в свою очередь подразделяется на а) дивергенцию – чередование гласных: *tek tük* – «редкий»; б) чередование согласных: *yaşlı başlı* – «мудрый»; в) чередование гласного и слога: *ara sıra* – «иногда»; г) наращивание согласных: *açık saçık* – «слишком открытый»; д) чередование гласных и наращивание согласного по закону сингармонизма: *ufak tefek* – «незначительный»; е) чередование звуков в корне компонентов: *çoluk çocuk* – «семья»;

3) семантическую, которая в свою очередь делится на а) синонимическую: *mal mülk* – «богатство, имущество»; б) антонимическую: *gese gündüz* – «днем и ночью».

В произведениях также встречаются прилагательные и наречия с частичной редупликацией, например: *kıpkırmızı* – «багровый», *karmakarışık* – «беспорядочный», *sere serpe* – «бурно, интенсивно».

Нередко обнаруживаются трехкомпонентные редуплицированные слова с наращива-

нием последнего компонента, зачастую это звукоподражательные слова с глаголами, например: *tir tir titriyordu* – «он сильно дрожал», где *tir tir* самостоятельно не используется и не имеет значения, *piril piril parlıyordu* – «ослепительно блестел», *piril piril* – «ослепительный, блестящий», глагол *parlamak* – «блестеть». Как правило, такие трехкомпонентные редулицированные слова используются для усиления значения редуликата.

Автор часто использует такой художественный прием, как аллитерация, например, в детской считалочке:

*Mustafa Mistik,
Arabaya kistik,
Üç mum yaktık,
Seyrine baktık!*

Турецкий язык относится к агглютинативному типу, где большую роль играет сингармонизм, поэтому очень много примеров создано на основе стилистического приема ассонанса, например, созвучия и повторения гласных звуков *e, i, ö, ü* (*Evlî evine, köylü köyüne, evi...* «каждому свое») и звуков *e, ü, a* (*..tek tük tabanca tüfek atılmaya başladı* «...начали раздаваться одиночные выстрелы из оружия»).

Таким образом, в произведениях двухкомпонентная редуликация характеризуется тем, что обычно первый компонент начинается с гласной, а ко второму компоненту добавляется сонорный или звонкий согласный: *b, d, m, n, v*. Трехкомпонентная редуликация характеризуется удвоением первого компонента и слоговым наращиванием последнего. Согласно нормам турецкого произношения, стечение согласных в начале слога недопустимо.

Универсальным в редуликации является чередование согласных в начале редуликатов, а также наращивание согласных в начале компонентов.

Языковая игра прекрасно реализуется в произведениях на морфологическом уровне. В рассказах представлено большое количество полной редуликации, которая включает в себя две группы. В редуликатах первой группы происходит непараллельная морфологизация либо первого, либо второго компонента. Чаще всего редулицированные слова наращиваются во втором компоненте аффиксом дательного падежа *-a*: *karşı karşıya* – «друг против друга», *bütün бүтüne* – «полностью», *kol kola* – «рука об руку», *boğaz boğaza* – «друг друга за глотку», *sıkı sıkıya* – «строго-настрога». Реже встретились примеры с наращиванием первого ком-

понента аффиксом дательного падежа *-a*: *kula kul* – «в подчинении», *dara dar* – «с трудом». В редуликатах второй группы, в которой оба компонента имеют неодинаковые морфологические показатели, представлены следующими примерами: 1) оба компонента приобретают аффикс обладания *-li*: *dikkatli dikkatli* – «внимательно»; 2) первый компонент приобретает аффикс обладания *-li*, а второй – антонимичный ему аффикс отсутствия *-siz*: *vakitli vakitsiz* – «не вовремя»; 3) редуликаты с оформлением первого компонента аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа *-ı (-si)*, имеющих четыре фонетических варианта по линии узких гласных, второй компонент оформляется тем же аффиксом и показателем дательного падежа: *boşu boşuna* – «впустую», *pisî pisine* – «бесполезно». Автор такими примерами пытается выделить тот или иной признак предмета из числа других, тем самым указывая соотношенность данного предмета с другими ему подобными, фиксирует существование внутренней связи между предметами, явлениями; 4) первый компонент оформляется аффиксом исходного падежа, а второй – дательного: *uzaktan uzağa* – «издалека». В удвоенном виде также употребляются разделительные числительные, которые образуются посредством аффикса *-şer*: *ikişer ikişer* – «по два».

Полная редуликация еще представлена деепричастиями. В рассказах О. Сейфеддина чаще встречаются деепричастие на *-(y) a / e*, которое передает значение повторяемости, интенсивности, многократности того или иного действия, выступая в предложении в качестве обстоятельства образа действия. Как правило, употребляется только редулицированная форма, образованная от основы одного и того же глагола или же абсолютно разных глаголов, чаще всего являющихся синонимами или антонимами, например: *döne döne* – «вращаясь», *ağlaya ağlaya* – «рыдая», *bağıra bağıra* – «крича», антоним: *düşe kalka* – «падая и вставая». Реже встречаются примеры в отрицательной форме с аффиксом *-me*: *istemeye istemeye* – «не желая». Второй по количеству примеров послужила деепричастная форма *-ır... -maz*, которая служит для передачи резкой смены и быстроты действия. Эта конструкция образуется путем повтора двух основ одного и того же глагола: к первой основе глагола присоединяется аффикс настоящего-будущего времени, ко второй основе – отрицательный аффикс: *geçer geçmez* – «как только прошел», *gelir gelmez* – «как

только пришел», *dalar dalmaz* – «как только погрузился». Данные деепричастия являются чисто эмоциональным средством выражения длительности, многократности, интенсивности совершения действия.

Синонимическая редупликация представлена несколькими группами: 1) компоненты редупликатов выражают понятия, близкие друг другу, относящиеся к одному кругу явлений или предметов: *ses seda* – «звуки», *delik deşik* – «весь продырявленный», *el pençe* – «руки»; 2) оба компонента приобретают аффикс отсутствия *-siz*: *sessiz sedasız* – «молчаливый».

Антонимическая редупликация также представлена несколькими группами: 1) компоненты редупликатов относятся друг другу противоположным значением: *gece gündüz* – «днем и ночью»; 2) первый компонент оформляется аффиксом исходного падежа, а второй – дательного: *sabahtan akşama* – «с утра до вечера», *tepeden turnağa* – «с головы до пят»; 3) редупликаты с оформлением компонентов аффиксами принадлежности 3-го лица единственного числа *-1 (-si)*, имеющих четыре фонетических варианта по линии узких гласных и показателем дательного падежа: *sağına soluna* – «справа и слева»; 4) оба компонента приобретают аффикс обладания *-li*: *beyazlı siyahlı* – «черно-белый».

Автор в предложении при перечислении животных и насекомых (*Sonra sineklerle, farelere, vizvizlara, kedilere geçti* – «Затем перешел к мухам, мышам, насекомым, кошкам») из звукоподражательного редупликата *viz* «подражание жужжанию» путем сращения двухкомпонентной основы с аффиксом множественного числа *-lar* образовал неологизм *vizvizlara* – «насекомым», а аффиксом дательного падежа *-a* управляется глагол *geçmek* «переходить», тем самым неологизм подчеркивает собирательное значение всех жужжащих насекомых.

Таким образом, анализ морфологических характеристик произведений О. Сейфеддина позволяет установить следующее: в текстах представлены редуплицированные лексические единицы, относящиеся к различным частям речи, однако преобладают имена существительные и наречия. Частым является наличие редупликации с наращиванием в первом и во втором компоненте, редупликация с тройным удлинением, наличие рифмованных схожих слов. Языковая игра достигается изменением словообразовательных аффиксов.

Реализация редупликации на синтаксическом уровне богата своими примерами. Ю. В. Щека считает, что просодической основой единиц синтаксиса является синтагма, которая соотносится с ритмическим уровнем, следующим за уровнем словесных ударений. В этой связи синтагма объединяет интонационной или интонационно-морфологической подчинительной связью слова, обеспечивая тем самым их реальное функционирование в речи. Поэтому говорят, что особенность синтаксических единиц связана с тем, что они непосредственно соотносят слова с реальной действительностью. Иными словами, синтаксические единицы выступают как единицы речевые и обеспечивают языковую коммуникацию [2].

Очень часто автор использует именное предложение, которое представлено именем прилагательным с частичной редупликацией. В именном предложении: *Vapur dopdoluydu* («Пароход был совершенно переполнен») – прилагательное *dopdolu* является частичной редупликацией с оформлением аффикса сказуемости прошедшего категорического времени *-ydu*. Аналогичный пример: *Kıpkırmızıydı* («Он был красный-прекрасный»). Такими предложениями автор четко описывает состояние или характеристику предметов и явлений. Интересно обыгрывается слово *yavaş* – «медленный»: то в качестве редупликатов, например, *yavaş yavaş yürüyorduk* («мы медленно шли»), то в виде повтора самостоятельного предложения, например, *Yavaş, yavaş* («Медленно, медленно»). Повтором глагольного сказуемого автор выражает повышенную интенсивность действия, его длительность или нарастание: *Düşündü, düşündü* («Он думал, думал»), *Anlıyorum, anlıyorum...* («Я понимаю, понимаю»), *Bak bak, diyorum* («Смотри-смотри, я говорю»), *Sıkıyorum, sıkıyorum, sıkıyorum* («Сжимаю, сжимаю, сжимаю»). Реже в рассказах встречаются примеры повторов с сочинительным раздельно-перечислительным союзом *bir ... bir*: *...bir sağa bir sola, bir arkaya, bir öne eğerek eğleniyordu* («он веселился, наклоняясь то вправо, то влево, то назад, то вперед»).

На графическом уровне О. Сейфеддин часто использует в одном предложении несколько разных редуплицированных слов для усиления смыслового содержания и для характеристики того или иного явления окружающей действительности: *Şehir şehir, kasaba kasaba dolaşmaya, ticaret etmeye başladı* («Он начал торговать, переезжая из города в город, из поселка в по-

УДК 80
ББК 83.3(2)

Н. Л. Зыховская

НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЛЬФАКТОРНОЙ ОБРАЗНОСТИ (на материале русской прозы XIX в.)

Исследуется проблема осмысления тоски по прошлому, переданной на основе ольфакторной образности, понимания запаха как стимула перехода героя к воспоминаниям. На ключевых линиях творчества выдающихся русских писателей (Гоголя, Герцена, Толстого, Достоевского, Тургенева и др.) показан механизм воссоздания ассоциативных образов, обусловленных темой запаха. На материале конкретных примеров показано, что позитивная ольфакторная картина в большинстве случаев относится к «прошлому» (детство героев), в то время как настоящее, напротив, отмечено негативными репрезентациями запахов.

Ключевые слова: *ностальгия, русская литература, одоризм, ольфакторика, семантика, поэтика запахов.*

Существует типичная для новых ответвлений филологического знания терминологическая синонимия, которую уместно было бы снять в самом начале исследования.

Под ольфакцией (лат. olfaction) обычно понимается процесс обоняния (принюхивания, вдыхания запаха, распознавания запаха). В отечественной гуманитарной науке распространено определение, данное в работе Г. Е. Крейдлина «Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык» (2002): «ольфакция (наука о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации)» [5. С. 22]. Однако определение это дано без указаний источников; в западном литературоведении термин в таком значении не используется (в англоязычной литературе употребляется понятие “studies of olfaction”, но применительно к естественнонаучным знаниям).

Однако в настоящей статье используется словарное значение слова «ольфакция» (по семантике термин близок понятию «обоняние», рассматриваемому не только как чувство восприятия запахов, но шире – как совокупность различных феноменов окружающего мира, связанных с продуцированием, качеством, динамикой возникновения, распространения и восприятия запахов). Таким образом, ольфакция – феномен действительности, связанный с любыми проявлениями запахов и их восприятием.

Применительно к литературному тексту исследователи используют понятия, включающие в свой состав определение «ольфакторный» (англ. olfactory). Так, Н. А. Рогачева

озаглавила свое исследование «Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики» [6], используя в работе само понятие «ольфакторное пространство», а также его синонимы: «обонятельное пространство» [6. С. 19], «одорическое пространство» [6. С. 146] и др.

В данной статье прилагательное «ольфакторный» употребляется в значении «имеющий отношение к запаху». Равноправным синонимом этого определения принято считать прилагательное «одорический» (лат. odor – запах). Очевидно, что перед нами два разных феномена: все, имеющее отношение к обонянию, восприятию запахов («ольфакторный»), и все, имеющее отношение к самим запахам, их существованию и «бытию» («одорический»). Однако в рамках литературного текста мы не можем точно провести грань между самим феноменом запаха и его восприятием, поскольку художественный текст, связанный с вербализацией запахов, уже являет нам результат восприятия (автора, героя), то есть запахи в словесном искусстве всегда будут иметь антропологическое измерение. В таком случае конкретно для литературоведения синонимия понятий «ольфакторный» и «одорический» оправдана.

Под ольфакторностью в исследовании понимается качественная характеристика художественного текста, определяемая степенью значимости (интенсивности) и модальностью ольфакторных включений.

В работе мы также используем понятие «ольфакторий», введенное нами для обозна-

чения совокупности всех элементов текста, содержащих отсылки к миру запахов, их качества, особенностей восприятия, а также символического поля, образуемого с их помощью либо вокруг них.

Тема ностальгии и тоски по прошлому в литературе часто реализуется с помощью ольфакторной образности, что свидетельствует о возможном переозначивании основных ольфакторных тем в отечественной словесности, их содержательной динамики.

В классическом примере из романа Марселя Пруста процесс приноживания становится триггером перехода героя в состояние воспоминания, которое и организует прозаический текст. Точное и упрощенное, приближенное к нехудожественному описание запаха оказывается значимым, поскольку возникает необходимость вербализации точки перехода от нюхания к воспоминанию. Следует отметить, что в определенном смысле само описание запаха может быть подменено ассоциативным следствием приноживания (такова художественная логика рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки»).

В данной статье мы в общих чертах (на наиболее характерных примерах) обозначим ключевые линии воссоздания запаха памяти и памяти как хранилища запахов, сформированных в русской литературе XVIII в.

Тема благоухания как «благого духа» в литературе XIX в. остается как знак предшествующих эпох, но само понятие «благой дух» несколько меняется. Теперь это «дух времени», дух прошедшей поры, «золотого века». Авторы предполагают, что когда-то было такое «благоуханное время», но по отношению к современности оно ушло в прошлое. Стоит обратить внимание на родство в этом аспекте истории Юлии у Карамзина [4] и параллели цветов как характеристики «должного» и «нынешнего» у Сумарокова. Получается, что уже в литературе XVIII в. в эпоху сентиментализма формируются предпосылки для художественного осознания запахов как вместилища памяти, возникают условия создания «ассоциативных цепочек».

С другой стороны, линия эта только начинает прочерчиваться пунктиром, ее развитие произойдет позже. Ностальгией окрашена традиционная для русской литературы тема благоухания садов. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в «Майской ночи» тема благоухания садов выражена крайне ярко: «Знаете ли

вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь!» [2. Т. I. С. 159]. В большинстве случаев эти описания выполняют функцию сюжетного контраста: каждый раз такое идиллическое описание предшествует какой-либо катастрофе. Хотя подобное назначение «благоухания садов» мы могли встретить и в предшествующий период, именно Гоголь придает этой функции статус приема.

Воссоздание ольфакторной темы цветущих садов, цветов решается у Герцена в соответствии с предшествующей литературной традицией: ольфакторные впечатления сопровождают пейзажные фрагменты и включены в широкую, пролонгированную пространственную картину часто панорамного типа, когда большое пространство полей, лугов, лесов дает ощущение того простора и той широты, которой так не хватало Герцену-узнику или Герцену-эмигранту [1].

В повести Гоголя «Рим» находим «двойное» ольфакторное включение: «Живописные кружевные покрывала женщин, чуть волнующие теплым сирокко; их твердые походки, звонкий говор в улицах; отворенные двери церквей, кафельный запах, несшийся оттуда, – все это дуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы» [2. Т. III. С. 230]. Здесь прямое ольфакторное указание (запах кафельного дыма) ведет за собой метафорическое: «дуло на него минувшим». Именно запах церкви и вызывает ностальгический приступ.

Подобный по самой конструкции фрагмент находим и в «Старосветских помещиках» Гоголя: «Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и боже, какая длин-

ная навевается мне тогда вереница воспоминаний!» [2. Т. I. С. 237].

Несомненно, что речь здесь идет не о запахах всего этого ряда ассоциаций, а о самом их появлении в сознании. Механизм построения ассоциативных цепочек по памяти, спровоцированной запахом, показан здесь полновесно.

Прошлое в ольфакторной картине может так же предстать в виде могильного запаха. Для Герцена свойственно усматривать в любых ностальгических обращениях к историческому прошлому именно разновидность некрофилии: «Прочно ли все это? Небо не без туч, временами веет холодный ветер из могильных склепов, нанося запах трупа, запах прошедшего» [1. Т. X. С. 18] («Былое и думы»); «Одним словом, XVIII век... грандиозен своей мишурностью. Все это, прибавим, сломано, криво, почернело, облито дождями, съедено молью, веет запахом тления; все это прошедшее, все это живет в памяти тех, которые помнят век».

Включая в «Былое и думы» некоторые отсылки к «народному ольфакторию», Герцен подчеркивает его резкость, грубость: «Пусть, мол, барин не трогает кутьи, коли не хочет, чтоб от рук воняло». Ответ этот, и в особенности последнее замечание, Савелий Гаврилов передавал с большим удовольствием; «Клопы на том только основании и могут жить счастливо, что они не догадываются о своем запахе» [1. Т. XI. С. 279]. С этим связана и ольфакторная оценка родины: «...комом отечественной грязи с таким народным запахом передней, с такой постной отрыжкой православной семинарии и с таким нахальством холопа, защищенного от палки». Но в то же время мы найдем и такую сентенцию: «Россия государство совершенно новое – неконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели» [1. Т. VII. С. 308] («Русский народ и социализм»).

В особенностях ольфакторных фрагментов «Маленького героя» можно усмотреть и особенности ольфактория Достоевского в целом. Прекрасные запахи природы, цветов, всякое благоухание здесь отнесены к сфере умирания: либо к сфере воспоминаний о навсегда утраченном прошлом, либо к сюжетным поворотам, предвещающим трагедию, утрату, либо непосредственно к сюжетам смерти. Так, например, тревожность можно усмотреть в, казалось бы, совершенно позитивном пейзаже «Сна смешного человека»: «Высокие, прекрас-

ные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви. Мурава горела яркими ароматными цветами. Птички стадами перелетали в воздухе...» [3. Т. XIV. С. 244].

В диалоге героев романа Достоевского «Подросток» усматриваются ноты ностальгии: «Но ничего нет прелестнее, Татьяна Павловна, как иногда невзначай, между детских воспоминаний, воображать себя мгновениями в лесу, в кустарнике, когда сам рвешь орехи... Дни уже почти осенние, но ясные, иногда так свежо, затаишься в глуши, забредешь в лес, пахнет листьями... Я вижу что-то симпатическое в вашем взгляде, Аркадий Макарович? – Первые годы детства моего прошли тоже в деревне» [3. Т. VIII. С. 239]. «Благоуханные» дни наступают под Пасху перед самой смертью брата Зосимы. О прекрасных ароматах рассуждают герои «Бедных людей», находясь в то же время в беспросветном смраде своего убогого существования: «Встал я сегодня таким ясным соколом – любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там все было тоже соответственное; все в порядке, повесенному» [3. Т. I. С. 32]; «И право, я сейчас же по письму угадала, что у вас что-нибудь да не так – и рай, и весна, и благоухания летают, и птички чирикают. Что это, я думаю, уж нет ли тут и стихов? Ведь, право, одних стихов и недостает в письме вашем, Макар Алексеевич!»; «...вопреки ожиданий, чем и весьма доволен; хотя на новых квартирах, с новоселья, и всегда как-то не спится; все что-то так, да не так! Да из чего это вышло-то все? Что солнышко проглянуло да небо полазоревело! от этого, что ли? Да и что за ароматы такие...» [3. Т. I. С. 37].

В романах Тургенева особенно часто встречаются ольфакторные указания на рожь, гречиху, полынь. Эти три запаха для Тургенева образуют особый запах родины: «Расставаясь с жизнью, я к вам одним простираю мои руки. Я бы хотел еще раз надышаться горькой свежестью полыни, сладким запахом сжатой гречихи на полях моей родины; я бы хотел еще раз услышать издали скромное тьяканье надтреснутого колокола в приходской нашей церкви; еще раз полежать в прохладной тени под дубовым кустом на скате знакомого овра-

га; еще раз проводить глазами подвижный след ветра, темной струей бегущего по золотистой траве нашего луга...» («Дневник лишнего человека») [8. Т. IV. С. 172]; «В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не почувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...» («Записки охотника», «Бежин луг») [8. Т. III. С. 87]; «Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины» («Муму») [8. Т. IV. С. 271].

Детализирован запах-воспоминание и в «Асе» Тургенева: «Помнится, я шел домой, ни о чем не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь в чужой стороне, между чужими?» – воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришел домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться» («Ася») [8. Т. V. С. 162]. Эти подробности не часты у Тургенева, но функционально перегружены. В последнем из приведенных примеров именно запах становится «объектом ностальгии» – он остро напоминает о родине и «вгоняет» героя в тоску.

Природные запахи прочно впечатываются в память героев Л. Толстого – но никогда не живут сами по себе отдельно от всех остальных впечатлений, они не выделены из общего воспоминания: «Я вспомнил луг перед домом, высокие липы сада, чистый пруд, над которым вьются ласточки, синее небо, на котором остановились белые прозрачные тучи, пахучие копны свежего сена, и еще много спокойных радужных воспоминаний носилось в моем расстроенном воображении» («Детство») [7. Т. I. С. 83]; «Мне стало досадно на нее, но, несмотря на это, серенькие с полинявшей кра-

ской перильца мостика, на которые она оперлась, отражение в темном пруде опустившего сука перекинутой березы, которое, казалось, хотело соединиться с висящими ветками, болотный запах, чувство на лбу раздавленного комара и ее внимательный взгляд и величавая поза – часто потом совершенно неожиданно являлись вдруг в моем воображении» («Юность») [7. Т. I. С. 270].

Если в «детском» воспоминании присутствует яркий и однозначно приятный запах свежего сена, то в воспоминании «юном» мы обнаруживаем «болотный запах» – очевидно, не благоухание, но резкий природный запах застоявшейся воды, тяжелой сырости, разложения. Этот запах соединен с прекрасным и волнующим воспоминанием. Так обнаруживается новаторство Толстого в изображении событий памяти – здесь есть место комару, раздавленному на лбу, болотному запаху – и одновременно «величавой позе» и внимательному взгляду.

Близость между сыном и матерью также физиологична: «Всякая женщина полная, грациозная, с темными волосами, была его мать. При виде такой женщины в душе его поднималось чувство нежности, такое, что он задыхался, и слезы выступали на глаза. И он вот-вот ждал, что она подойдет к нему, поднимет вуаль. Все лицо ее будет видно, она улыбнется, обнимет его, он услышит ее запах, почувствует нежность ее руки и заплачет счастливо, как он раз вечером лег ей в ноги и она щекотала его, а он хохотал и кусал ее белую с кольцами руку» («Анна Каренина») [7. Т. IX. С. 102].

Здесь Толстой фиксирует значимость этого «физического контакта» – щекотки, кусания руки, прижимания к груди матери – как выражения переполняющих душу ребенка чувств. Есть и обратный пример – мать ощущает запах и тепло ребенка: «Сонно улыбаясь, все с закрытыми глазами, он перехватился пухлыми ручонками от спинки кровати за ее плечи, привалился к ней, обдавая ее тем милым сонным запахом и теплотой, которые бывают только у детей, и стал тереться лицом об ее шею и плечи» («Анна Каренина») [7. Т. IX. С. 113].

Ольфакторий Толстого оказывается значимой частью художественного пространства именно тогда, когда создается картина тревоги, опасности, депрессии настоящего. «Субъектный» принцип (вычленения и оценки запаха конкретным персонажем, находящимся в конкретном состоянии) сочетается с принципом «всеобщности», распространенности запаха.

При этом в большинстве случаев негативные запахи всеобщие, а позитивное «извлекается» героем из пространства его памяти, ностальгического переживания.

Обобщая указанные примеры, становится заметным, что позитивная ольфакторная картина складывается в детстве, то есть в боль-

шинстве случаев относится к «прошлому». Настоящее, напротив, отмечено больше негативными репрезентациями запахов. Пространственные же характеристики оказываются связаны с категорией времени. «Приятный» запах есть где-то в ином «измерении».

Список литературы

1. Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – М., 1954–1964.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М.; Л.: АН СССР, 1937–1952.
3. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989–1996.
4. Карамзин, Н. М. Евгений и Юлия / Н. М. Карамзин // Русская сентиментальная повесть. – М., 1979. – 336 с.
5. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М., 2002. – 592 с.
6. Рогачева, Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX в.: проблемы поэтики / Н. А. Рогачева. – Тюмень, 2010. – 404 с.
7. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1978–1985.
8. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М., 1978–1982.

Сведения об авторе

Зыховская Наталья Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), г. Челябинск.

ladoga122@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 85–90.*

NOSTALGIA THROUGH THE OLFACTORY SHAPED (based on nineteenth century Russian prose)

N. L. Zykhevskaya

Southern Ural state university (national research university). ladoga122@gmail.com

The article is devoted to the problem of nostalgia transmitted by olfactory imagery, comprehension of smell as an incentive to move toward the character's memories. Basing on the key lines of works of prominent Russian writers (Gogol, Herzen, Tolstoy, Dostoevsky, Turgenev and others), author shows the mechanism of reconstruction of associative images caused by the smell. In specific examples of the material author shows that the positive olfactory picture in most cases refers to the "past" (childhood of characters), while present marked by negative representations of odors.

Keywords: *nostalgia, Russian literature, odourism, olfactronics, semantics, poetics odors.*

References

1. Gercen A.I. *Sobranie sochinenij : v 30 tomah* [Collected works in 30 volumes]. Moscow, 1954–1964. (In Russ.).

2. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij : v 14 tomah* [Collected works in 14 volumes]. Moscow, 1937–1952. (In Russ.).
3. Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij : v 15 tomah* [Collected works in 15 volumes]. Leningrad, 1989–1996. (In Russ.).
4. Karamzin N.M. *Evgenij i Yuliya* [Eugene and Julia]. *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental novel]. Moscow, 1979. 336 p. (In Russ.).
5. Krejdlin G.E. Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyj yazyk [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. Moscow, 2002. 592 p. (In Russ.).
6. Rogacheva N.A. *Ol'faktornoe prostranstvo russkoj poezii konca XIX – nachala XX vv.: problemy poehtiki* [Olfactory space Russian poetry of the end of XIX – early XX centuries .: issues of poetics]. Tyumen', 2010. 404 p. (In Russ.).
7. Tolstoj L.N. *Sobranie sochinenij : v 22 tomah* [Collected works in 22 volumes]. Moscow, 1978–1985. (In Russ.).
8. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 tomah* [Collected works in 30 volumes]. Moscow, 1978–1982. (In Russ.).

УДК 81'371
ББК Ш 103.4я73

Н. Г. Кантышева

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ НОМЕНОВ В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Рассматриваются возможности лексикографического представления имен собственных в лингвострановедческом словаре. Делается вывод о новой тенденции в лингвострановедении в применении комплексного подхода к лексикографическому описанию номенов, которая проявляется в сочетании вербального толкования, графических иллюстраций, увеличении словарных статей за счет расширения объема экстралингвистических сведений.

Ключевые слова: *лексикография, лингвострановедческий словарь, номен.*

Благодаря развитию общества, культуры, искусства и научному прогрессу в лексическом запасе любого живого языка постоянно происходят изменения. Возникают новые слова, отражающие все богатство культуры, некоторые лексические единицы становятся малоупотребительными, устаревают и полностью исчезают из использования. За последнее десятилетие номенклатурные наименования становятся объектом многих диссертационных исследований. В журнале «Вопросы ономастики» (2012, № 2 (13)) отражены работы за последний период, посвященные исследованию имен собственных как особого неоднородного пласта профессионального общения и функционированию номенов в коммуникации. В этих исследованиях решаются такие вопросы, как лингвокультурологический и прагматический аспекты ономастических реалий [5], прагматическое содержание антропонимов [6], имена собственные как термины в подъязыке лингвокультуры [2], когнитивно-дискурсивные особенности этнонимов [4], сходство и различие терминов и номенклатурных образований [3] и др.

Важная роль номенклатурных наименований в языковой коммуникации предопределяет обращение к изучению данных лексических единиц в лексикографической практике и решению задачи: какие и в какой степени номены представлены в словарях разных типов? На сегодняшний день регистрация имен собственных (номенов) широко практикуется в словарях как специальных, так и общего значения.

Для дальнейшего развития темы представляется необходимым обозначить ключевое понятие темы: под **номенклатурным наименованием (номеном)** мы будем понимать совокупность специальных названий, употребляю-

щихся в некоторой научной области; названия типичных объектов (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий).

А. В. Суперанская пишет о трех составляющих номена: «по отношению к собственному имени можно говорить о трех типах информации, которую оно несет: речевой, языковой и энциклопедической» [8. С. 11]. Эти три составляющие номена совпадают с идентичными составляющими лингвострановедческого словаря, который играет существенную роль в обществе и обладает рядом функций: фиксирует значение и употребление слов, нормы языка; позволяет получить необходимые знания как о культуре, так и о языке чужого народа. Именно лингвострановедческий словарь в силу своей специфики и учета перспективы пользователя содержит максимальное количество имен собственных по сравнению со словарями других типов.

Актуальность настоящего исследования определяется потребностями лексикографической практики и теории составления лингвострановедческих словарей. В настоящее время лексикографическая семантизация национально-культурной специфики в лингвострановедческом словаре является малоизученной темой. Внушительный список публикации доказывает, что данная проблематика вызывает большой интерес, однако отсутствие фундаментальных работ говорит о неразработанности темы. Важным представляется анализ зафиксированных в лексикографических источниках номенклатурных единиц, поскольку, несмотря на успехи, достигнутые в области ономастики, многие вопросы, связанные с изучением сущности этого класса слов, пока еще остаются нерешенными.

Номенклатурные наименования представляют собой многочисленный и неоднородный класс. В их состав входят не только антропонимы (личные имена людей), топонимы (названия географических объектов), фитонимы (названия растений), но и астрономимы (названия небесных тел), хрононимы (названия исторических периодов, событий), теонимы (имена богов) и др. Вопрос о типологии имен собственных является одним из дискуссионных, а список входящих в нее групп – до сих пор открытым. Одну из наиболее дробных классификаций имен собственных предлагает А. В. Суперанская [7].

При владении информацией о культуре страны изучаемого языка можно достичь адекватного понимания и полноценной коммуникации, поскольку «люди, принадлежащие к одному сообществу, всегда подразумевают больше, чем говорят вслух» [9. С. 37]. «Подразумеваемая» информация, иначе называемая «фоновой», существует в свернутом виде в сознании и подсознании говорящего и известна практически всем членам данного общества [9]. Сбор такой информации предоставляет огромную трудность при составлении лингвострановедческого словаря и занимает много времени. Это связано также с тем, что культура – достаточно динамичное явление.

Приведем в качестве примера печатные немецко-русские лингвострановедческие словари Д. Г. Мальцевой «Германия. Страна и язык» (2001) и Л. Г. Маркиной «Культура Германии» (2006). Лексический материал разделен по тематическим блокам (География, Климат, Растения и животные, История, Обычаи, Праздники, Религия, Денежная система, Промышленность, Архитектура, Язык и книгопечатание, Студенты, Школа, Одежда, Кухня, Игры, Этикет, Национально-специфичные жесты, Военное дело, Личные имена, Литература, Национальный характер).

Для лингвострановедения особый интерес представляют такие реалии, в которых проявляется национальный и исторический колорит. В указанных выше лексикографических произведениях номенклатурные образования можно разделить на следующие группы: антропонимы (Schiller, Gutenberg, Wagner), топонимы (Düsseldorf, Hamburg, Friesland), хрононимы (Muttertag – День матери, Tag der Reformation – День реформации, Tag des (offenen) Denkmals – День памятника), этнонимы (Friesen, Allamannen), гидронимы (Elbe), ойкомены (Albertinum,

Albrecht-Dürer-Haus).

Существует несколько способов передачи иноязычных реалий:

1) транслитерация: Anger/Erfurt – Ангер/Эрфурт; ALAAF! – АЛААФ!;

2) транскрипция: Apfelmost – Апфельмост; Ahrgau – Арггау;

3) приближенный перевод при помощи аналога: Adventssontag – Предрождественское воскресенье;

4) калькирование: Ansbacher Bach-Woche – Ансбахская неделя Баха;

5) описание или разъяснительный перевод: Advent – четырехнедельный предрождественский период (Adventszeit) между первым предрождественским воскресеньем и 24 декабря.

Авторы лингвострановедческих словарей чаще всего прибегают к последнему способу, так как в данных видах справочников реалии, как правило, требуют специальных пояснений. Описательный перевод имеет то преимущество, что исключает неполное понимание, присутствие транслитерации и калькированию, но недостаток его в том, что реалия переводится не аналогичной по структуре единицей другого языка.

Словарная статья лингвострановедческого словаря Л. Г. Маркиной «Культура Германии» содержит заголовочное слово, семантизацию (в виде перевода, перевода-толкования, лексикографической пометы, страноведческого комментария), энциклопедическую информацию, различные грамматические и стилистические пометы, языковые иллюстрации в виде цитат, а также исторические справки. Некоторые из перечисленных словарных зон можно увидеть в словарной статье к входной единице BLÄTZLEBUE (см. ниже).

Как видно из приведенных примеров, новой тенденцией в лингвострановедении является применение комплексного подхода к лексикографическому описанию номенов при помощи как исчерпывающего вербального толкования, так и графических иллюстраций; энциклопедическое толкование номенклатурных единиц; увеличение объема приводимых экстралингвистических сведений.

В статью включен также иллюстративный материал как вспомогательное сопутствующее средство словесного толкования семантики. Иллюстрация помогает более точно раскрыть или же наглядно изобразить функциональность той или иной статьи (рис. 1).

BLÄTZLEBUE – БЛЭЦЛЕБЮ	Заголовок/транслитерация словарной единицы
Персонаж швабско-алеманнского карнавала фаснет	Семантизация в виде дефиниции
Карнавальный костюм «блэцлебю» напоминает оперение петуха, сделан из небольших кусочков ткани разного цвета, нашитых в виде чешуи на платье. Костюм завершает «гребешок» на голове «петуха» из ярко-красной рюши, в руке – длинный прут, украшенный лентами для шуточных ударов	Энциклопедическая информация
Blätzlebue – Blätzlebuebe (мн. число)	Грамматическая характеристика
От Blatz (Blätz, Plätz, швабск. Blätzle) «тряпочка, кусочек ткани» + bua (bue) «парень»	Этимологическая справка
диал., швабск.	Территориальная помета
=> schwäbisch-alemannische Fasnet, Blätzlebuebe-Brunnen / Konstanz	Внутренняя отсылка

Блэцлебю

Рис. 1 Иллюстрация к словарной статье «BLÄTZLEBUE» в словаре Л. Г. Маркиной «Культура Германии».

Вместе с тем проанализированные лингвострановедческие словари не лишены недостатков:

1. Принцип отбора номенов в словник (не указан во введении) вызывает закономерные вопросы. Например, в словаре указаны всего лишь два сорта кофе: der Kapuziner – «кофе с небольшим количеством молока, по цвету напоминающее цвет монашеской рясы капучинов»; «das Glogia» – чашка крепкого сладкого кофе, над которым сжигается ложечка коньяка». Или остается вопрос: почему включены в словник именно определенные города и реки.

2. Говоря об отсутствии преемственности между немецким и русским языками, стоит также подчеркнуть, что в словаре «Германия. Страна и язык» один и тот же тип лексикогра-

фических помет в словарных статьях указывается либо на немецком языке, либо на русском. Например, в одних словарных статьях может указываться без разграничения «уст.», а в других «veraltet»; «шутл.» либо «scherzh»; «разг.» либо «ugs.»; «теppим.» либо «landsch.». Сама словарная статья написана только на русском или только на немецком, либо сразу на двух языках.

3. Отсутствует единый принцип лексикографирования номенклатурной единицы: родовидовые дефиниции наряду с описательными, отсутствие перевода у некоторых входных единиц.

4. Отсутствует корректировка стремительно устаревающих сведений о ряде номенклатурных единиц.

Поскольку лингвострановедческий словарь занимает срединное положение между энциклопедическим и лингвистическим словарем, лексикографы включают в содержание как лингвистические, так и энциклопедические аспекты. При этом можно говорить о переходе от противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания к идее цельного филологического и культурного описания вокабуляра с привлечением энциклопедического и этнолингвистического знания [1].

В лингвострановедческом словаре проявляется, с одной стороны, унификация страноведческой и культурологической информации, и, с другой стороны, кодификация национально-культурных особенностей.

Таким образом, номены в лингвострановедческом словаре отражают не только лексический и грамматический строй языка, но и его соотнесенность с национальной картиной мира, с мышлением народа и с его культурой.

Данный факт иллюстрирует актуальность исследования природы лексикографирования номенклатурных наименований и, исходя из их специфической природы, требует иных принципов их фиксации и толкования.

Список литературы

1. Горбунов, М. В. Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Горбунов. – Иваново, 2011. – 191 с.
2. Кучешева, И. Л. Имена собственные как термины в подязыке английской лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук / И. Л. Кучешева. – Омск, 2012. – 163 с.
3. Миньяр-Белоручева, А. П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований / А. П. Миньяр-Белоручева // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 166–170.
4. Мучкина, Е. С. Когнитивно-дискурсивные особенности этнонимов : дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2012. – 190 с.
5. Ражина, В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / В. А. Ражина. – Ростов-на-Дону, 2007. – 155 с.
6. Рубцова, Е. Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Рубцова. – Ростов-на-Дону, 2005. – 151 с.
7. Суперанская, А. В. Теоретические проблемы ономастики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Суперанская. – Л., 1974. – 17 с.
8. Суперанская, А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен / А. В. Суперанская // Антропонимика : сб. науч. тр. – М., 1970. – С. 11.
9. Чернобров, А. А. Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей / А. А. Чернобров // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2014. – Вып. 3. – С. 37.

Сведения об авторе

Кантышева Надежда Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Тюменского государственного университета.
nkantysheva_@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 91–95.*

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTIONS OF NOMENA IN CULTURAL STUDIES DICTIONARIES

N. G. Kantysheva

Tyumen State University. nkantysheva_@mail.ru

This article discusses the possibility of lexicographical descriptions of proper names in present-day cultural studies dictionaries. Suggest a new trend in applying an integrated approach to Dictionary description of nomena, which is reflected in the combination of verbal definitions, graphic illustrations, increase dictionary articles based on the increasing volume of extralinguistic information. This extralinguistic information in cultural studies dictionaries can cover such domains as: Geography, Climate, Plants and animals, History, Customs, Holidays, Religion, Monetary system, Industry, Architecture, Language and typography, Students, School, Clothing, Cuisine, Games, Etiquette, Nationally-specific gestures, Military, Personal names, Literature, National character. The article in cultural studies dictionaries includes also illustrative material as a companion tool to the verbal interpretation semantics. Illustration helps uncover more accurately or vividly portray the functionality of a particular article.

So, we can talk about the moving from the contraposition of language and extralinguistic knowledge to the idea of whole philological and cultural descriptions of vocabulary involving encyclopedic and ethno-linguistic knowledge within the explanatory dictionary.

Nomina in cultural studies dictionaries reflect not only lexical and grammatical system of language, but its correlation with the national worldview, with mentality and its culture.

Keywords: *lexicography, cultural studies dictionary, nomina.*

References

1. Gorbunov M.V. *Printsipy registrecii i leksikograficheskogo opisaniya imjon sobstvennykh v slovarjah anglijskogo jazyka dlja obshih i specialnykh celej* [Principles of registration and lexicographic description of proper names in English language dictionaries for General and special purposes]. Ivanovo, 2011. 191 p. (In Russ.).
2. Kuchesheva I.L. *Imena sobstvennyje kak terminy v podjazyke anglijskoy lingvokul'tury* [Proper names as terms in British lingual culture]. Omsk, 2012. 163 p. (In Russ.).
3. Miniar-Beloroutcheva A.P. O shodstve i razlichii terminov i nomenklaturnykh obrazovanij [On similarities and differences of terminology and nomina]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Chuvashskij University Herald], 2014, no. 4, pp. 166–170. (In Russ.).
4. Muchkina E.S. *Kognitivno-diskursivnye osobennosti etnonimov* [Cognitive discursive features of ethnonyms]. Barnaul, 2012. 190 p. (In Russ.).
5. Razhina V.A. *Onomasticheskie realii: lingvokul'turologicheskij i pragmaticheskij aspekty* [Onomastic culture-specific concept: lingual culture and pragmatic aspects]. Rostov-on-Don, 2007. 155 p. (In Russ.).
6. Rubtsova E.Yu. *Pragmaticheskoe sodержanie antroponimov (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Pragmatic content of anthroponyms (in Russian and English languages)]. Rostov-on-Don, 2005. 151 p. (In Russ.).
7. Superanskaya A.V. *Teoreticheskie problemy onomastiki* [Theoretical problems of Onomastics]. Leningrad, 1974. 17 p. (In Russ.).
8. Superanskaya A.V. *Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii sobstvennykh imen* [Language and extralinguistic associations of proper names]. *Antroponimika* [Anthroponimics]. Moscow, 1970. P. 11. (In Russ.).
9. Chernobrov A.A. *Printsipy formirovaniya, sodержanie i tipy lingvokul'turologicheskikh slovarей* [Principles of formation, content and types of cultural studies dictionaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of the Novosibirsk State Pedagogy University], 2014, iss. 3, p. 37. (In Russ.).

УДК: 811.161.1
ББК: Ш101

И. В. Кожухова

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НА ПРАКТИКУМЕ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Рассматривается необходимость осознанного включения теории вежливости как неотъемлемой части формирования прагматической компетенции. Рассматриваются особенности транзакционного и интеракционного общения, а также предлагается расширение понятия «академический дискурс» в рамках преподавания иностранных языков. Анализируются основные стратегии осуществления ликоугрожающих речевых актов.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, изучение иностранного языка, теория вежливости.

Прагматика, являясь достаточно плодотворной областью современных исследований, нечасто входит в сферу практических интересов преподавателей иностранных языков. Нередко уровень владения языком определяется лексической и грамматической компетенциями. Прагматическая компетенция и вовсе игнорируется, чему можно найти несколько причин:

1) прагматика языка представляется более размытой, нежели грамматика;

2) прагматика является очень «деликатной сферой», тем самым создавая трудности как в преподавании, так и в восприятии [10]. Грамматика состоит из правил. Когда говорящий следует грамматическим правилам, он будет правильно строить речь. Ситуация с прагматикой несколько иная, так как в прагматике необходимо следовать принципам, которые по-разному приложимы в различных коммуникативных ситуациях, иначе применяются в разных областях и могут противоречить друг другу [7].

Обоснование и разработка содержания обучения прагматической компетенции предложена как отечественными исследователями (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. И. Беляева, Г. В. Колшанский, А. А. Мецлер, Е. В. Падучева), так и зарубежными (S. Moirand, D. H. Nymes, L. F. Bachman, A. S. Palmer). Также разрабатываются критерии прагматической компетенции при изучении иностранных языков (см. работы В. В. Бужинского, Л. В. Величковой, С. В. Павлова, J. D. Brown, A. D. Cohen и др.).

Нельзя не заметить качественный сдвиг в сторону повышенного внимания к прагматической компетенции как со стороны учебных

пособий, так и преподавателей. Дж. Ричардс говорит о прагматической компетенции: «В настоящее время можно выделить два подхода к реализации прагматической компетенции у изучающих иностранные языки. Первый – не прямой, суть которого состоит в том, что прагматическая компетенция является результатом вовлечения студентов в процесс коммуникации; второй – прямой, включающий планирование коммуникации посредством определенных микронавыков, стратегий и процессов, являющихся частью непосредственной коммуникации» [8. Р. 76–77].

При непрямом подходе преподаватель обеспечивает студента возможностью обыграть заданную коммуникативную ситуацию, тем самым практикуя конверсационно-прагматические навыки. Однако у этого подхода можно выделить одно слабое место: реализация непрямого подхода направлена на передачу сообщения, то есть он транзакционален, но не ориентирован на собеседника. Эта идея развивается в книге «The Language Teaching Matrix» [8], где указывается на то, что изучающие иностранный язык должны быть способны «вести и интерпретировать как транзакциональный, так и интеракциональный способы коммуникации». Поясним ситуации интеракционального и транзакционального общения.

Целью интеракциональной коммуникации является «установление или поддержание межличностного контакта. При этом превалирует стремление к достижению вежливого взаимопонимания. Такая коммуникация ориентирована, в первую очередь, на слушателя. Преимущественно транзакциональное общение имеет целью не только и не столько установление и

поддержание контакта, сколько сообщение какой-либо информации. Такая коммуникация ориентирована, прежде всего, на план содержания» [2. С. 89].

Вышеназванные исследователи сходятся во мнении, что в процессе обучения иностранному языку необходимо комбинировать оба подхода. Прагматическая компетенция безусловно актуальна в современных условиях диалога культур, так как именно она помогает говорящему и слушающему обеспечивать адекватную интерпретацию речевых актов с учетом ситуативной отнесенности высказывания, социокультурного контекста, менталитета, возраста, образования и социального статуса говорящих, уместности и целесообразности речевых конвенций.

Формирование прагматической компетенции связано с целеполаганием и оценкой ситуации, поэтому, как будет показано ниже, она является приоритетным компонентом коммуникативной компетенции на начальном этапе работы с речевым материалом. Непременным условием ее формирования является общение, сотрудничество, взаимопонимание представителей разных культур, которое диалогично по своей сути. Нерешенным остается вопрос, как организовать формирование иноязычной прагматической компетенции в отсутствие реальной иноязычной среды [3]. Как видим, прагматическая компетенция связана с социокультурными ценностями и коммуникативным поведением.

Исследователи, занимающиеся теорией вежливости, акцентируют внимание на том, что «изучение лингвистической вежливости должно занимать ключевое место в процессе изучения иностранного языка» [9. Р. 8]. Р. Сколлон и С. В. Сколлон добавляют, что «нет общения без индивида» [9. Р. 49]. В нашем контексте эти слова можно интерпретировать следующим образом: изучающие иностранный язык должны понимать и осознавать, почему участники коммуникации в данной ситуации говорят в данном контексте именно так. Это важно для того, чтобы осознанно подходить к выбору собственных прагматических средств.

Изучение вежливости необходимо при овладении иностранным языком. Вежливость нередко может становиться инструментом для достижения различных целей в процессе общения. Стратегии вежливости, используемые преподавателями и обучающимися в условиях академического общения, играют важную роль

как в изучении, так и в преподавании.

Началом изучения вежливости стала работа П. Браун и С. Левинсона “*Politeness: Some Universals on Language Usage*” («Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка»). Несмотря на критику данной работы, в нашем исследовании мы будем опираться на нее, так как именно в исследовании П. Браун и С. Левинсона поднимаются основополагающие вопросы и рассматриваются основные определения. Авторы воспринимают вежливость как совокупность стратегий, которые служат сохранению «лица» (“face”) собеседников. По мнению ученых, человек имеет две потребности «лица» (“facewants”). Негативной потребностью «лица» называется желание сохранения неограниченной свободы действий. Позитивная потребность «лица» проявляется в стремлении говорящего привести свои желания и желания слушающего к единообразию, то есть побудить собеседника рассматривать желания говорящего как свои собственные.

В понятии лица, которое П. Браун и С. Левинсон переняли у американского социолога Э. Гофмана, выделяются две основные части: «позитивное» лицо и «негативное» лицо.

Позитивное лицо – достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия.

Негативное лицо – «территория», термин, который также принадлежит Э. Гофману. Э. Гофман заимствовал его из этологии, где территория означает место, которое животное выбирает для себя и не допускает к нему своих собратьев. *Территория* как социолингвистический термин (или «негативное лицо» в терминологии П. Браун и С. Левинсона) обозначает личное пространство говорящего, его время, «оболочку» (тело и одежду), имущество, а также информационное (или, другими словами, когнитивное) пространство, то есть совокупность мыслей, чувств, информации, которой обладает индивид [6].

Так, согласно выводам П. Брауна и С. Левинсона, любой речевой акт можно рассмотреть как ликоугрожающий, наносящий ущерб лицу говорящего или слушающего [1] (рис. 1).

Безусловно, родной язык влияет на процесс обучения иностранному языку – как в грамматическом плане, так и в прагматическом (допустим, при использовании некоторых видов речевых актов – наиболее яркие различия наблюдаются при выражении ликоугрожающих речевых актов).

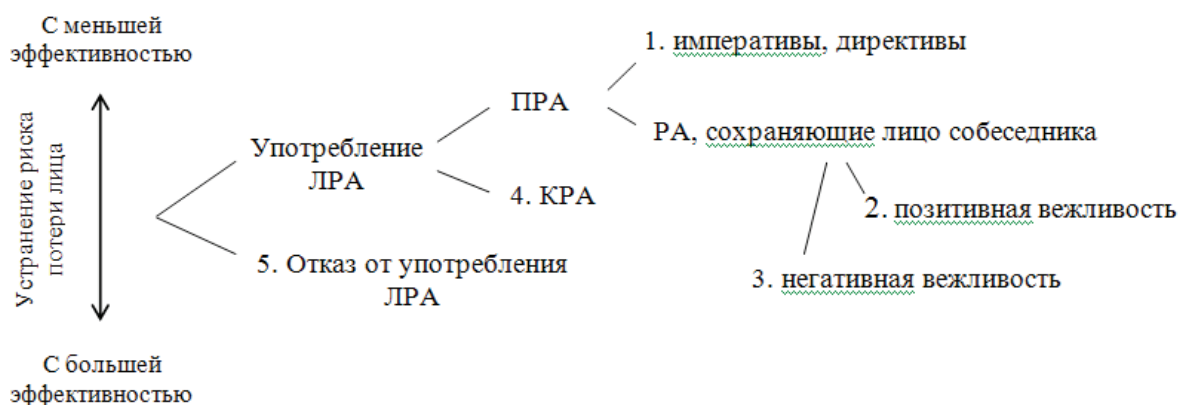

Рис. 1. Стратегия осуществления ликоугрожающих речевых актов

Сокращения:

КРА – косвенный речевой акт

ЛРА – ликоугрожающий речевой акт

ПРА – прямой речевой акт

В связи с этим предлагается уделять особое внимание обучению языкам и культурам, в которых превалирует позитивная вежливость и негативная. Необходимо обращать внимание студентов на то, что средства достижения коммуникативной цели в разных лингвокультурах могут значительно отличаться.

Вежливость – не только общепринятая ценность, но и широко используемая стратегия для гармонизации и оптимизации процесса коммуникации. В условиях академического общения роль вежливости может рассматриваться с двух сторон: используя стратегии вежливости, преподаватель способен создать продуктивную и доверительную рабочую атмосферу. Обучающийся чувствует себя уверенно, таким образом минимизируя страх совершения ошибки (что имеет большое значение при обучении и изучении иностранного языка). С другой стороны, использование моделей позитивной и негативной вежливости изучаемого языка будет служить образцом дальнейшего поведения студентов. Аль Фаттах формулирует эту мысль следующим образом: «изучение иностранного языка означает не только возможность говорить и писать, оно характеризуется лингвистически-адекватным поведением; изучающие язык должны сознательно использовать формулы вежливости в своей речи и понимать как ис-

пользовать вежливостные стратегии в различных коммуникативных ситуациях» [4. Р. 137].

В противовес этой мысли можно привести слова Р. Лакофф (1989) о том, что учебный дискурс является частью информативного дискурса, а в этом типе дискурса вежливости не уделяется большого внимания. С другой стороны, процесс общения на уроке иностранного языка может служить основой получения не только теоретических знаний в рамках информативного дискурса, но и практического применения языка. Изучение иностранного языка расширяет рамки понятия «академический дискурс». Преподавателями любой дисциплины используются митигативные (то есть направленные на коммуникативное смягчение) и ликосохраняющие стратегии, вне зависимости от преподаваемого предмета.

Процессом общения в аудитории «руководит» преподаватель – он задает тему, тон общения, дает задания, поощряет, направляет и поправляет, показывает одобрение и неодобрение. Роль студентов чаще всего сводится к выполнению инструкций преподавателя. Из-за ограниченных языковых возможностей студентов, а также недостаточной языковой практики, преподаватель остается единственным «ресурсом» обретения прагматической компетенции, в частности – теории вежливости.

Список литературы

1. Кожухова, И. В. Интеррогативные косвенные речевые акты: реализация коммуникативной неимпозитивности (на материале английского и русского языков) : монография / И. В. Кожухова. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2012. – 144 с.

2. Орлов, Г. А. Современная английская речь / Г. А. Орлов. – М.: Высш. шк., 1991. – 238 с.
3. Павлова, С. В. Использование диалоговой концепции Бахтина для формирования иноязычной прагматической компетенции / С. В. Павлова // Электронный науч. журн. Курского государственного университета. – 2006. – № 2. – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/st13.pdf>.
4. AlFattah, M. H. A. Pragmatic Analysis of Politeness Theory. Language in India / M. H. A. AlFattah. – URL: <http://languageinindia.com/feb2010/mohammedpragmaticpoliteness.pdf>.
5. Bou-Franch, P. Teaching linguistic politeness : A methodological proposal. IRAL : international review of applied linguistics in language teaching / P. Bou-Franch, P. Garcés-Conejos. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 2003. – P. 1– 24.
6. Goffman, E. Forms of talk / E. Goffman. – Oxford, 1981. – 335 p.
7. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London; N. Y.: Longman, 1983. – 273 p.
8. Richards, J. C. The Language Teaching Matrix / J. C. Richards. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 185 p.
9. Scollon, R. Intercultural Communication: A Discourse Approach / R. Scollon, S. W. Scollon. – Oxford: Blackwell, 1995. – 336 p.
10. Thomas, J. Meaning in interaction: An introduction to pragmatics / J. Thomas. – London: Longman, 1995. – 224 p.

Сведения об авторе

Кожухова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.
vinantov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 96–100.

PRAGMATIC COMPETENCE IN L2 ACQUISITION

I. V. Kozhukhova

Chelyabinsk State University. vinantov@mail.ru

The article describes pragmatic competence (and more detailed – politeness theory) as being an integral part of L2 acquisition. The basic peculiarities of transactional and interactional communication are described. The author suggests widening of the notion academic discourse within language learning and teaching. The main strategies of face-threatening speech acts are given.

Keywords: *pragmatic competence, language learning, politeness theory.*

References

1. Kozhukhova I.V. *Interrogativnye kosvennye rechevye akty: realizatsiya kommunikativnoy neimpozitivnosti (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Interrogative indirect speech acts: realization of a communicative neimpozitivnost (on material of English and Russian languages)]. Chelyabinsk, 2012. 144 p. (In Russ.).
2. Orlov G.A. *Sovremennaya angliyskaya rech'* [Modern English speech]. Moscow, 1991. 238 p. (In Russ.).
3. Pavlova S.V. Ispol'zovanie dialogovoy kontseptsii Bakhtina dlya formirovaniya inoyazychnoy pragmaticheskoy kompetentsii [Use of the dialogue concept of Bakhtin for formation of foreign-language pragmatical competence. Scientific notes]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Electronic scientific magazine of Kursk state university], 2006, no. 2. Available at: <http://scientific-notes.ru/pdf/st13.pdf>. (In Russ.).
4. AlFattah M.H.A. *Pragmatic Analysis of Politeness Theory. Language in India*. Available at: <http://languageinindia.com/feb2010/mohammedpragmaticpoliteness.pdf>.

5. Bou-Franch P., Garcés-Conejos P. *Teaching linguistic politeness : A methodological proposal. IRAL: international review of applied linguistics in language teaching*. Heidelberg, 2003. Pp. 1–24.
6. Goffman E. *Forms of talk*. Oxford, 1981. 335 p.
7. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London; N. Y., 1983. 273 p.
8. Richards J.C. *The Language Teaching Matrix*. Cambridge, 1990. 185 p.
9. Scollon R., Scollon S.W. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Oxford, 1995. 336 p.
10. Thomas J. *Meaning in interaction : An introduction to pragmatics*. London, 1995. 224 p.

УДК 81.33
ББК 81.2

М. В. Коновалова

МЕДИАДИСКУРС И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Рассматриваются подходы к изучению медиадискурса: перечисляются подходы, которые способны в полной мере отразить репрезентативный эвокативный принцип для изложения его структуры и функций.

Ключевые слова: *медиадискурс, коммуникативное пространство, дискурсивный, коммуникативный и эвокативный подходы.*

Самой важной функцией коммуникативного пространства медиадискурса является концептуализация, категоризация жизненного опыта индивида, его структурирование, когерентизация через верификацию сведений, представлений, оценок других людей с коллективно полученными и накопленными знаниями, нормами, выработанными социумом на протяжении многих веков существования. Поэтому описание столь сложного, комплексного феномена массовой коммуникации, получившего свое материальное воплощение благодаря изобретению и существованию виртуального пространства, в полной мере возможно при помощи дискурсивного подхода, который обеспечивает решение ряда исследовательских задач вне зависимости от рассматриваемого аспекта. Необходимо отметить, что исследование массовой коммуникации является довольно развитым направлением научных исследований и насчитывает несколько методик изучения этого феномена.

Классический подход к исследованию массмедиа был разработан еще Г. Лассуэллом, который структурировал изучение массовой коммуникации в различных видах анализа: рассмотрение коммуникатора и управления информацией, анализ контента, целевой аудитории, канала и эффективности коммуникации. Интерпретировать возникшие исследовательские противоречия и проблемы предлагается через интенции участников коммуникации (автора, актора, адресанта), которые задают тематику, содержание сообщений, выбор канала, способ декодирования и создания ответного сообщения. Таким образом, любая исследовательская проблема разрешалась исключительно с позиции коммуникатора без учета языковых особенностей и факторов передаваемого сообщения, без привлечения исследователь-

ских данных о коммуникативной ситуации и многое другое.

Хотя научное знание, получаемое в соответствии с таким принципом исследования, все же учитывает, как справедливо отмечает Е. А. Кожемякин, особенности кода сообщения и ожиданий аудитории, которые часто определяют интенции коммуникатора, в большей степени, чем сильней он зависит от нее. Часто присутствуют сознательные или подсознательные воплощения не авторской, но аудиторной интенций, о которых коммуникатор может догадываться или выдвигать свои предположения.

В традиционных исследованиях массмедиа, следующих в русле учения Лассуэлла, существенным недостатком является преувеличение роли коммуникатора в процессе массовой коммуникации, который предстает «медиадемиургом», направляющим коммуникацию в соответствии со своими планами и целями. Коммуникатор оказывается как бы вне процесса коммуникации, что противоречит одному из положений дискурсивного подхода, который предусматривает вовлеченность автора высказывания в динамику коммуникативного процесса, без участия которого невозможен обмен информацией, сообщениями, репликами. Более того, мена коммуникативных ролей в речевом дискурсивном процессе невозможна при вынесении коммуникатора-инициатора общения «за скобки» коммуникации. Воля и выбор коммуникатора не являются определяющими для коммуникативного процесса в медиадискурсе, в котором присутствует множество факторов, не зависящих от его интенций.

Передача смыслов по задуманному коммуникатором плану не всегда достигает адресата и часто интерпретируется им совершенно неоднозначно. Реципиент, участвующий в ком-

муникации, будь это отдельный, единственный адресат или один из множества представителей целевой аудитории, воспринимает информацию не полностью, то есть не в том абсолютном виде, в котором она транслируется коммуникатором. На восприятие и осознание информации могут оказать влияние различные факторы – коммуникативная ситуация, языковые, лингвистические и экстралингвистические, внешние характеристики канала коммуникации и др.

Эвокативный подход также позволяет избежать названной выше ошибки традиционного подхода к исследованию медиадискурса: разделение субъекта эвокации на коммуникатора и реципиента позволяет избежать вытеснения коммуникатора за рамки коммуникации даже при условии целенаправленного ведения и контроля за коммуникативным процессом. Коммуникатор и реципиент влияют на коммуникативный процесс, даже если передаваемые сообщениями смыслы могут быть кодированы и интерпретированы превратно. Чаще всего исследованиями причин, побудивших коммуникатора определить смыслы, выбрать код и канал передачи информации, а также намерение управлять коммуникацией. Инициация коммуникации на заданную тематику, поддержание ее в определенном формате и реализация некоторых коммуникативных целей вполне возможны, но интенция коммуникатора не охватывает этот процесс полностью.

Коммуникативистика не занимается изучением названных причин, поскольку исследователи данной сферы относят их к предмету и объекту социологии, психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и других дисциплин. Необходимо отметить, что специфика изучаемого явления предполагает междисциплинарный исследовательский процесс, поаспектно раскрывающий суть описываемого феномена. Поэтому классический методологический подход не совсем приемлем, поскольку освещение эвокативных процессов в медиадискурсе требует рассмотрения изучаемого явления с позиций различных научных отраслей: когнитивной лингвистики, коммуникативистики, дискурсивной лингвистики, лингвистики текста, виртуалистики, компаративистики и иных областей знаний, позволяющих достаточно точно и полно описать исследуемый феномен.

Очевидно, что классический подход к исследованию медиа не ставил целью изучить

языковые процессы создания медиатекстов и дискурсов, способы и закономерности конструирования смыслов, то есть лингвистические и когнитивные аспекты функционирования медиадискурса. Многие исследователи отмечают, что медиадискурс – это не просто совокупность текстов определенного жанра, но нечто большее, представляющее динамичный коммуникативный процесс, реализующийся в определенном смысловом поле взаимосвязей между отдельными единицами всего корпуса медиатекстов и дискурсов. В то же время медиадискурс все же является системой, а не набором слабо связанных друг с другом элементов, и представляет единое целое – полноценный тип дискурса, обладающий когерентностью в качестве неотъемлемого свойства всех завершенных и способных самостоятельно функционировать объектов информационного пространства.

Составные части этой когерентной системы (концептуальные единицы или отдельные тексты) связаны друг с другом не столько «механической», грамматической, метонимической связью, сколько способом создания смыслов или концептуальными приемами мышления в рамках данного типа дискурса. Сформированные в процессе становления данного типа дискурса макроправила определяют все возможные способы построения речевых произведений в медиадискурсе, а также способ развертывания коммуникативного процесса. Когнитивные, познавательные процессы в рамках медиадискурса также имеют свои особенности: концептуализация, категоризация и когеретизация учитывают макроправила данного дискурса, чтобы создаваемые в итоге концепты, категории могли взаимодействовать с уже существующими элементами медиадискурса – медиатекстами.

Эвокативный подход учитывает также одну из важных особенностей медиадискурса, о которой говорят современные медиаисследователи – совмещение коммуникатора и реципиента в коммуникативном процессе при восприятии, осознании и переработке информации в медиадискурсе. Коммуникатор в медиадискурсе инициирует общение, изначально моделирует и направляет коммуникацию согласно своим интенциям и представлениям о потенциальном или реальном реципиенте информации. Но в то же время при передаче сообщения коммуникатор сам воспринимает его, оценивает «со стороны» и, если есть возможность, корректирует

его в соответствии со своими целями или вновь открывшимися в ходе коммуникативного процесса обстоятельствами общения.

Рассмотрение объекта коммуникации в эвокативном контексте позволяет избежать чрезмерной абсолютизации адресанта и адресата сообщений, поскольку эвокативный подход к коммуникации подразумевает разделение единого объекта по определенному коммуникативному критерию, в качестве которого может выступать интенция автора сообщения, его ожидания или ожидания реципиента (целевой аудитории), тема или рема сообщения, код или язык, на котором составляется сообщение, а также многие другие коммуникативные, лингвистические и экстралингвистические факторы. Е. А. Кожемякин пишет о различных эффектах, получаемых от одного и того же сообщения, созданного на основе одного и того же кода одним и тем же автором, в зависимости от целевой аудитории и средства или канала подачи информации, и отмечает, что причины следует искать в интересубъективных способах создания знания в отдельном семантическом поле и концептуальном контексте определенного дискурса.

Действительно, с позиций когнитивной лингвистики, а точнее когнитивной семантики, процесс смыслопорождения и смыслообразования непосредственно зависит от когнитивных характеристик, особенностей рассматриваемого дискурса. Существующие в дискурсе макроправила (ван Дейк, М. Л. Макаров и др.) распространяются также и на способы передачи и порождения новых типов концептов, схем, сценариев и фреймов в особом когнитивном пространстве, наполненном медийной семантикой. Нарушение упомянутых правил ведет к сбоям в процессе коммуникации в данном типе дискурса и непониманию или препятствует полному или частичному осознанию реципиентом получаемого сообщения вне зависимости от кода, который может быть совершенно ясен.

Исследовательские установки классического подхода подразумевают статичное состояние изучаемых компонентов медийной коммуникации, на которые «раскладывается» продукт массмедиа. Перед началом исследования продукта медийной коммуникации априори предполагается, что коммуникатор имеет совершенно четкое представление о собственных интенциях, у целевой аудитории есть ожидания, которые не осознаются в процессе

получения сообщения, но определены заранее. Причем именно в отношении данного сообщения.

У кода сообщения или языка совершенно отсутствует полисемия или многозначность, не говоря уже о сопутствующих коннотативных смыслах, а отличительные особенности канала передачи информации жестко детерминируют восприятие и интерпретацию получаемой их посредством информации. Считается, что для создания когерентного образа описываемого сообщением события у целевой аудитории, достаточно особым образом сформулировать фактическую информацию, настроить канал передачи информации и ждать, что у реципиента появится запланированный образ события. Прогнозирование оценочной реакции реципиента на основании учета вышеперечисленных составляющих медийной коммуникации представляется довольно сложной задачей.

Таким образом, классический подход к медиаисследованиям демонстрирует изучение линейной коммуникации, полностью зависимое от анализа продукта коммуникации. Подобная исследовательская презумция не противоречит дискурсивному подходу, но и не отражает его в полной мере, равно как и не учитывает динамические коммуникативные аспекты медиадискурса, но лишь статику в виде медиатекстов. Причем ряд статичных продуктов медиадискурса не исчерпывается исключительно медиатекстами, анализу которых целиком и полностью посвящены медиаисследования, но включает такие явления, как медийные концепты, семантические поля, паттерны медийного поведения, сценарии и фреймы, макро- и микроправила протекания коммуникативных процессов и многие другие коммуникативные, лингвистические или экстралингвистические феномены и явления.

Подобная направленность исследований объясняется стремлением анализировать медийный коммуникативный процесс в линейном виде, исходя из результата коммуникации, отдельной статичной точки в динамичном дискурсе, не исчерпанном одним речевым произведением. Если учесть тот факт, что после восприятия, осознания и оценки поступившего сообщения целевая аудитория способна создать еще неопределенное количество текстов, продолжить коммуникацию не только в виде производных медиатекстов, но и в виде передачи сообщений через поведение, правила и способы формирования знаний о мире – кон-

цептуализацию, категоризацию и так далее.

Дискурсивный подход предполагает изучение медийных коммуникативных процессов в динамике. Линейность исследований часто объясняется потребностью ученых от медиа в причинно-следственной объяснительной связи между явлениями, которая наиболее убедительным образом, видимо, выстраивается лишь в статичном медиатексте. Но процессы создания знаний (концептуализация, категоризация и так далее) происходят при восприятии медийной информации, то есть в ходе коммуникации. Представления о сообщаемом событии формируются при осознании получаемого сообщения, сначала осознается фактическая информация – участники, место, время, следствия, интерпретации. Когеретизация или резюмирование фактов о событии происходит при осознании результата описываемых сообщением действий, далее процесс осознания продолжается, и появляются оценочные смыслы, позволяющие встроить полученный образ в имеющуюся у реципиента картину мира. Оценить эффективность воздействия сообщения исключительно по первичному продукту медиадискурса невозможно – требуются производные, вторичные медиатексты, которые непосредственно будут относиться к первичному тексту и будут содержать метаинформацию, суждения оценочного характера от представителей целевой аудитории.

Е. А. Кожемякин отмечает, что сложные когнитивные типы знаний (образы, мифы, идеологии и т. п.) формируются непосредственно в коммуникативном процессе. Сложные концепты создаются в качестве отсроченных во времени и пространстве эффектов медийной коммуникации, и представляют собой конгломерат информации коммуникатора (фактологическая информация, личные предпочтения и оценки, редакционная политика и так далее), синтеза актуальных для затронутой тематики коллективного семантического поля, представленного в смысловом медийном пространстве, а также индивидуального опыта реципиента. Далее речь идет об «элементарном знании» – временных когнитивных единицах, которые помогают понять и осознать сообщение, но исчезают, как только заканчивается отдельное коммуникативное событие.

Элементарные знания используются в конкретном коммуникативном событии, а потом стираются из памяти коммуникантов, но их краткого присутствия в сознании реципиента

достаточно, чтобы семантически наполнить массмедийное коммуникативное событие, а также создать потребность в контактах с массмедиа. Не совсем ясно, каким образом исчезнувшие из сознания реципиента элементарные когнитивные структуры могут создать такую потребность: скорее всего, речь идет о новых когнитивных структурах, сформированных во время осознания сообщения и, вполне возможно, встроенных в картину мира реципиента на подсознательном уровне, поскольку потребность в обращении к массмедиа может свидетельствовать о потребности дополнить полученную ранее информацию новыми сведениями. И на основе этих элементарных когнитивных структур создаются более сложные единицы знания, обладающие когнитивно-ценностными характеристиками. С подобной позиции медиадискурс расценивается в качестве когерентного коммуникативно-когнитивного процесса, порождающего смыслы, а не в виде работы сознания под воздействием медийного импульса.

Из всего многообразия существующих научных точек зрения на медиадискурс наиболее интересной и подходящей для формулировки методологических принципов его изучения является следующая: любой тип дискурса может быть реализован в поле массовой коммуникации при учете и соответствии макроправил его построения. В отличие от представления о медиадискурсе как о специфической речемыслительной деятельности, существующей исключительно в медийном семантическом поле, упомянутая позиция фиксирует производимый средствами массовой информации информационный континуум, в котором может быть развернут дискурс любой социально обусловленной тематизации.

Таким образом, медиадискурс – это сознательная тематически обусловленная речемыслительная деятельность в медийном информационном континууме, подразумевающим наличие соответствующего семантического наполнения, микро- и макроправил построения коммуникации, когнитивных практик создания, передачи и интерпретации знаний. Основной отличительной чертой медиадискурса является трансформация фатической, оценочной и субъективной информации в медиатекст, доступный и понятный большому количеству реципиентов, принадлежащих к различным слоям и стратам общества, владеющим различными языковыми кодами и так далее. В меди-

адискурсе над информацией производится ряд когнитивных операций: концептуализация или преобразование фактической информации в смыслы, перевод знания с одного уровня понимания на другой, синтезирование знаний различных форм и содержания, среди которых присутствует и уникальное, свойственное исключительно медийному дискурсу, знание.

Исследователи, которые ставят проблему именно в таком ракурсе, отмечают наличие институциональных черт в современном медиадискурсе. Изучая способы трансляции информации на массовую аудиторию, говорят о наличии неких правил построения информации, показывающих что и как должно быть сформулировано, подано и интерпретировано. Е. А. Кожемякин вслед за Мишелем Фуко и Норманном Фарклоу говорит о взаимосвязи медиатекстов, выстраивающих медиадискурс по определенным нормам репрезентации действительности. То есть сформированы и действуют четкие правила иницирования и развития социокультурно обусловленных тем в пространстве медиадискурса. Синтез и передача знаний о мире посредством медиадискурса выражается в совокупном сложном когнитивном конструкте, содержащем фактически сведения о событии, коллективном знании относительно заявленной в сообщении темы и рем, а также индивидуальном опыте реципиента в схожих с описываемыми в сообщении обстоятельствах.

Наиболее подходящим для исследования столь сложных когнитивных образований может стать метод на основе матричного анализа лексем, концептов, другими словами – контента. Получается метод, представляющий собой нечто среднее между когнитивным матричным анализом и контент-анализом. Матричный принцип анализа может быть использован не только для изучения отдельных, элементарных смысловых единиц, но для анализа отдельных сегментов медийного информационного пространства. Причем не только собственно первичных медиатекстов, но и связанных с ними вторичных текстов, также принадлежащих медиадискурсу, хотя и созданных не СМИ, но их читателями, слушателями, зрителями, поскольку благодаря виртуальному пространству, позволяющему быстро и последовательно фиксировать реакцию реципиентов в виде текстов в Интернет-пространстве.

Учет эвокативного методологического компонента в когнитивно-лингвистическом матричном анализе заключается в возможности рассмотрения не только исходного медиатекста и конечного продукта эвокации, но также и эвокативных средств в зависимости от социокультурных компонентов матрицы. К тому же эвокация может быть реализована и через совместное использование эвокативных средств применительно к искусственно моделируемым текстам, а также в процессе медийной коммуникации.

Список литературы

1. Василенко, Т. Н. Новые возможности лингвоэвокационных исследований / Т. Н. Василенко, Ю. В. Ожмегова, Е. А. Савочкина, О. А. Сим, А. А. Чувакин // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 83–95.
2. Везнер, С. И. Объект эвокации в тексте брачного объявления / С. И. Везнер // Аспирантский сборник НГПУ-2005 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов) : в 3 ч. – Новосибирск, 2005. – Ч. 2. – С. 99–104.
3. Везнер, С. И. Взаимодействие коммуникативной деятельности и деятельности по воспитанию как реализация принципа когнитивности коммуникации (на материале брачных объявлений) / С. И. Везнер // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 5. – С. 155–160.
4. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13–21.
5. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокационного исследования / А. А. Чувакин. – Барнаул, 1995. – 126 с.
6. Чувакин, А. А. Основы эвокационной теории художественной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Чувакин. – Барнаул, 1996. – 26 с.

Словари и энциклопедии

7. Évocation // Dictionnaire de l'Académie Française. – URL: http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1935/11910.
8. Adaptability of language // Encyclopedia Britannica. – URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/129024/communication/21935/Adaptability-of-language>.
9. What does evocation mean? Definition, meaning and pronunciation. – URL: <http://www.audioenglish.org/dictionary/evocation.htm>.
10. Evoke // Definition of evoke in Oxford dictionary. – URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/evoke?q=evocation#evoke__12.

Сведения об авторе

Коновалова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета.
makonovalova@yandex.ru, ermolovam1@gmail.com.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
 Philology Sciences. Issue 98. Pp. 101–107.*

MEDIA DISCOURSE AND APPROACHES TO ITS STUDY

M. V. Konovalova

Chelyabinsk State University. makonovalova@yandex.ru, ermolovam1@gmail.com

The article is devoted to the study of media discourse approaches: listed approaches that are able to fully reflect the principle of representative to evocative present its structure and functions.

Keywords: *media discourse, communicative space, discursive, communicative and evocative approaches.*

References

1. Vasilenko T.N. Novye vozmozhnosti lingvovokatsionnykh issledovaniy [New features of lingvovocation research]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal'* [Siberian Journal of Philology], 2007, no. 3, pp. 83–95. (In Russ.).
2. Vezner S.I. Ob'ekt jevokacii v tekste brachnogo ob'javlenija [The object of evocation in the text of the marriage announcement]. *Aspirantskij sbornik NGPU-2005'* [NGPU graduate collection 2005]. Novosibirsk, 2005, ch. 2. Pp. 99–104. (In Russ.).
3. Vezner S.I. Vzaimodejstvie kommunikativnoj dejatel'nosti i dejatel'nosti po vospitaniju kak realizacija principa kognitivnosti kommunikacii (na materiale brachnyh ob'javlenij) [Interaction of communicative activities and parenting as the implementation principles of cognitive communication (based on marriage announcements)]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal'* [Siberian Education Journal], 2007, no. 5, pp. 155–160. (In Russ.).
4. Kozhemjakin E.A. Massovaja kommunikacija i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: to the methodology of the study]. *Nauchnye vedomosti. Gumanitarnye nauki* [Scientific Gazette. Humanitarian sciences], 2010, no 12 (83), iss. 6, pp. 13–21. (In Russ.).
5. Chuvakin A.A. *Smeshannaja kommunikacija v hudozhestvennom tekste: Osnovy jevokacionnogo issledovaniya* [Mixed communication in a literary text: fundamental evocation research]. Barnaul, 1995. 126 p. (In Russ.).
6. Chuvakin A.A. *Osnovy jevokacionnoj teorii hudozhestvennoj rechi* [Fundamentals of the evocation theory of artistic speech]. Barnaul, 1996. 26 p. (In Russ.).

Dictionaries and encyclopedias

7. Évocation. *Dictionnaire de l'Academie Francaise*. Available at: http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1935/11910, accessed 26.10.2014. (In Fran.)
8. Adaptability of language. *Encyclopedia Britannica*. Available at: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/129024/communication/21935/Adaptability-of-language>, accessed 26.10.2014.
9. *What does evocation mean? Definition, meaning and pronouncation*. Available at: <http://www.audioenglish.org/dictionary/evocation.htm>, accessed 26.10.2014.
10. Evoke. Definition of evoke. *Oxford dictionary*. Available at: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/evoke?q=evocation#evoke__12, accessed 26.10.2014.

УДК 81'25
ББК Ш1.81

Е. С. Краснопеева

О МЕСТЕ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Русскоязычный переводной дискурс: эмпирический и теоретический аспекты изучения», проект № 15-54-00020.

Предпринимается попытка проследить взаимодействие понятий «переводной дискурс» и «переводческие универсалии», обозначается потенциал использования корпусной переводоведческой методологии в исследованиях переводного дискурса. Реализация универсалий в тексте перевода понимается как отражение влияния особенностей ментальных операций в ходе процесса перевода, а также прагматической составляющей прототипической коммуникативной ситуации, в рамках которой порождается переводной дискурс.

Ключевые слова: *процесс перевода, переводной дискурс, переводческие универсалии, теория коммуникации, дискурсивная онтология перевода, корпусное переводоведение.*

Всплеск интереса к понятию «дискурс» в рамках различных направлений лингвистической науки привел к широкому разнообразию трактовок данного феномена. В. Е. Чернявская, анализируя ряд подходов, формулирует интегрированное определение: «под Дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [14. С. 172]. Дальнейшая трактовка дискурса, по замечанию автора, зависит от исследовательских целей: он может обозначать отдельное коммуникативное событие или же совокупность коммуникативных актов, результатом которых являются текст и общность текстов, соответственно.

Н. К. Гарбовский задает направление для изучения «переводного дискурса»: «Продукты переводческой деятельности формируют в общем дискурсивном пространстве русской речевой культуры некий массив текстов, обладающих особыми свойствами, отличающими их от речевых произведений, изначально созданных на русском языке. Эта совокупность речевых произведений, обладающая онтологической особенностью вторичности, телеологической двойственности и необходимостью

преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии, может быть определена как переводной дискурс» [2. С. 130]. «Независимо от исторической обусловленности, условий коммуникации, языковых комбинаций, сталкивающихся в переводе, различий прагматической ориентированности перевод как особый вид речевой деятельности позволяет обнаружить универсальные имманентные свойства» [1]. Именно об этих универсальных имманентных свойствах перевода, не являющихся результатом столкновения двух языковых систем, говорит М. Бейкер, рассуждая о понятии универсалий перевода (черт, проявляющихся в переводных, но отсутствующих в непереводах текстах, при этом не являющихся результатом взаимного влияния языковых систем [16]). Автор не использует термин дискурс, но строит исследование на основании работ Дж. Ферса, которые называют одними из первых в череде работ дискурсивной проблематики. Универсалии также определяются как дескриптивные конструкты, рабочие гипотезы, требующие постоянной эмпирической проверки, которая осуществляется с применением инструментов корпусного переводоведения.

Выделение категории «переводной дискурс» соответствует общей тенденции рассмотрения перевода в свете дискурсивной онтологии [8], прямо или косвенно принимаемой рядом исследователей в качестве наиболее перспективного пути трактовки свойств процесса и результата переводческой деятель-

ности. В рамках дескриптивного корпусного подхода переводной дискурс – также удачное, на наш взгляд, именование объекта изучения. Изначально позиция дескриптивного перевода (Г. Тури, Дж. Холмс и др.) о свойствах объекта изучения основывалась на идее Л. Витгенштейна о «семейном сходстве»: как нельзя перечислить точный набор признаков, определяющих семью, собрав всех ее членов вместе, так и дать сформулировать дефиницию перевода невозможно, поскольку в каждой культуре перевод имеет собственное определение [19]. Однако со временем подобные номиналистские трактовки были отвергнуты. С одной стороны, многогранность понятия дискурс – это недостаток; с другой же стороны, подобный выбор объекта дает огромный простор для переосмысления причин возникновения имманентных свойств перевода.

Взглянем подробнее на компоненты определения, предложенного Н. К. Гарбовским. Автор упоминает дискурсивное пространство, в котором и существует переводной дискурс. По словам С. Н. Плотниковой, «дискурсивное пространство представляет собой среду сосуществования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо признаку. При этом дискурсивное пространство понимается <...> как сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов» [11]. В рассматриваемом нами случае объединяющим признаком для набора дискурсов будет язык, на котором генерируется их формальная структура – текст.

Еще одним компонентом определения, предложенного Н. К. Гарбовским, является ключевое понятие «продукт переводческой деятельности». Перевод автор также называет особым видом речевой деятельности. С точки зрения теории речевой деятельности, «если элементарный коммуникативный акт определяется отношением Г 1(говорящий)→С 2(слушающий), то есть говорит один человек и слушает второй, то в процессе перевода этот акт опосредуется деятельностью переводчика и определяется отношением Г 1→С_{переводчик} – →Г_{переводчик} →С 2» [3. С. 134]. При рассмотрении в свете теории коммуникации и Р. К. Миньяр-Белоручев, и В. Н. Комиссаров видят перевод как процесс, включенный «в процесс коммуникации с использованием двух языков» [9. С. 20–21] и «процесс, осуществляемый в рамках межъязыковой коммуникации», в котором «переводчик объединяет коммуни-

кативные акты, в которых принимает участие» [5. С. 43–47], соответственно. Также, как и для И. А. Зимней, для данных исследователей перевод – процесс, опосредующий ход процесса общения.

О. Каде отмечает, что «под переводом мы понимаем тот процесс двуязычной коммуникации, который начинается восприятием текста ИЯ (= оригинала, текста на языке Я₁) и заканчивается реализацией текста ПЯ (= транслата, текста на языке Я₂). Важнейшей фазой этого процесса является мена кода ИЯ–ПЯ (исходного языка – переводящего языка – Е. К.), подчиняющаяся определенным условиям в связи со своими специфическими функциями в рамках акта коммуникации. Эту фазу можно назвать «переводом в узком смысле слова» [4. С. 74]. Из схемы, предлагаемой автором, можно определить, что коммуникация проходит в несколько этапов, а переводчик выступает в качестве перекодировующего звена. Этапы, выделяемые О. Каде, Б. Хатим и И. Мейсон, обозначают как отдельные коммуникативные акты: переводчик – это коммуникатор, участвующий поочередно в двух коммуникативных событиях. В первом он представляет собой реципиента, прилагающего определенные умственные усилия для того, чтобы коммуникация состоялась; целью осуществления второго акта коммуникации (непосредственно перевода) является передача содержания первого коммуникативного акта, предназначенного для иного реципиента в иных условиях коммуникации, преодолевая языковой и культурный барьер [20] (ср. телеологическая двойственность как характеристика произведений, составляющих переводной дискурс, по Н. К. Гарбовскому). Таким образом, перевод (перевод-результат) отражает полноценный акт коммуникации, происходящий в определенных социальных условиях, равноценный любому другому акту коммуникации на любом языке [16]. Последнюю коммуникативную ситуацию в процессе перевода мы предлагаем именовать прототипической.

На наш взгляд, именно рассмотрение перевода как самого коммуникативного акта, имеющего собственных участников и условия прохождения, позволяет рассуждать о переводном дискурсе в целом. В составе участников прототипической коммуникативной ситуации нет автора первичного сообщения: он является лишь одним из параметров прохождения данного коммуникативного события, который на-

ряду с другими создает ситуативный контекст, в котором и рассматривается генерируемый текст.

В качестве ключевой характеристики перевода Н. К. Гарбовский рассматривает также свойство вторичности. Внедрение в схему порождения переводного дискурса второй коммуникативной ситуации, лишь обуславливаемой наличием и свойствами первой, подчеркивает характеристику перевода как «акта повторяющего типа» (определение С. В. Тюленева [13]). Вторичная ситуация невозможна без первичной, в которой переводчик участвует в качестве реципиента.

Вслед за О. Каде термин перевод-процесс мы применяем к двум последовательным коммуникативным ситуациям (по О. Каде, «перевод распространяется на часть первой фазы (восприятие и декодирование сообщения...), вторую фазу (мена кода переводчиком...) и часть третьей фазы (реализация сообщения...)» [4. С. 74]). Таким образом, все тексты, генерируемые в рамках прототипической коммуникативной ситуации, будут по определению являться компонентам переводного дискурса. Думается, что подобное линейное представление процесса перевода позволяет рассматривать переводной дискурс как феномен, а корпус переводных текстов как модель переводного дискурса (вслед за Р. К. Кошкиным [6]). Корпусное направление в переводоведении тесно связано с изучением потенциально универсальных тенденций, таких как экспликация, симплификация, нормализация и др. [22]. Корпус переводов (в особенности сбалансированный переводоведческий корпус) являет собой модель переводного дискурса также ввиду другого его свойства: наличия в структуре данной информационно-поисковой системы некоего объема метаданных об участниках коммуникации, хронотопе и др. дискурсивных параметрах, необходимых для изучения свойств переводного дискурса.

С точки зрения изучения переводческих универсалий, все ситуативные характеристики перевода-процесса, особенности мыслительных операций в его ходе (именуемые по-разному: фаза перекодирования [4], [15]; «перевод» на язык мозга [5]; поисковая программа [12]; процесс интерпретации [10]); а также прагматическая составляющая коммуникации [17]), на наш взгляд, представляют собой детерминанты имманентных свойств текстов, погруженных в прототипическую коммуникатив-

ную ситуацию перевода ($КС_2$ на рис. 1, иллюстрирующем процесс порождения переводного дискурса). Детерминанты – когнитивные и коммуникативные (прагматические) – назовем общими для всех языковых пар. Именно благодаря данным детерминантам во всех переводах проявляются потенциально универсальные характеристики (универсалии перевода), которые можно наблюдать при сравнении переводных текстов и текстов, изначально написанных на языке перевода.

Таким образом, переводные дискурсы, представленные в дискурсивных пространствах большинства культур, можно объединить в абстрактный конструкт под названием «переводной дискурс». С постепенным увеличением количества исследований, посвященных поиску и трактовке реализации потенциально универсальных тенденций в различных языковых парах (см., например, [22], русскоязычный переводной дискурс – [7]), можно будет все увереннее говорить об объективном существовании имманентных свойств переводов.

Свойства языковой пары (ср. замечания А. Мауранен о том, что интерференцию необходимо считать универсалией высокого уровня абстракции [21], а также мнение Н. К. Гарбовского о том, что интерференция – основная причина формирования переводного дискурса [1]), в свою очередь, также представляют собой детерминанту свойств переводного дискурса. Эти свойства можно наблюдать при сравнении оригиналов и переводов; частично они пересекаются с выделяемыми Э. Честерманом S-универсалиями [18].

На основании рассмотренных определений дискурса в целом и переводного дискурса в частности мы предлагаем следующую трактовку: под переводным дискурсом следует понимать совокупность текстов, репрезентирующих прототипическую коммуникативную ситуацию повторяющего типа и погруженных в данную ситуацию, воспринимаемую участниками общения как часть перевода-процесса, в неразрывной связи с ситуативным контекстом (в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, коммуникативными и другими факторами), с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок переводчика, взаимодействующего с (потенциальным) реципиентом текста перевода, обуславливающими особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте перевода.

Можно предположить, что в прототипической коммуникативной ситуации так или иначе присутствует определенный конечный ряд детерминант свойств переводного дискурса (приведенный выше список, безусловно, нельзя считать полным), но влияют на свойства конкретной вербальной репрезентации данные

детерминанты в различной степени. Отделить реализацию потенциально универсальных для всех языковых пар тенденций от проявления тенденций, проявляющихся в результате столкновения отдельных языков и дискурсивных пространств – задача дальнейших исследований сравнительно-сопоставительного характера.

Список литературы

1. Гарбовский, Н. К. Перевод и «переводной дискурс» / Н. К. Гарбовский // Вестн. Моск. ун-та. – 2011. – № 4. – Сер. 22. Теория перевода. – С. 3–19.
2. Гарбовский, Н. К. Русский переводной дискурс: миф или реальность / Н. К. Гарбовский // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Язык и культура в зеркале перевода», 25–29 апреля 2012 г. – М. – С. 130–136.
3. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М. ; Воронеж, 2001. – 432 с.
4. Каде, О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопр. теории перевода в зарубеж. лингвистике. – М., 1987. – С. 69–90.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Кошкин, Р. К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе. На материале военно-технических переводов с русского языка на английский : дис. ... канд. филол. наук / Р. К. Кошкин. – М., 2006. – 233 с.
7. Краснопева, Е. С. Реализация симплификации как переводческой универсалии в русскоязычном переводном дискурсе: количественный анализ / Е. С. Краснопева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2015». – М.: МАКС Пресс, 2015.
8. Леонтьева, К. И. Дискурсивная онтология перевода: к обоснованию статуса / К. И. Леонтьева // Вестн. Тверск. гос. ун-та. – 2012. – № 10. Сер. Филология. Вып. 2. – С. 78–85.
9. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М., 1996. – 208 с.
10. Нефедова, Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации / Л. А. Нефедова. – Челябинск, 2001. – 151 с.
11. Плотникова, С. В. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство / С. В. Плотникова // Вестн. Иркут. гос. лингвистич. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 131–135.
12. Ремхе, И. Н. Роль переводчика в свете когнитивного моделирования переводческого процесса / И. Н. Ремхе // Языковая личность переводчика. – Челябинск, 2012. – С. 317–337.
13. Тюленев, С. В. Теория перевода / С. В. Тюленев. – М., 2004. – 336 с.
14. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – М., 2013. – 208 с.
15. Швейцер, А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М., 1988. – 215 с.
16. Baker, M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications / M. Baker // Text and Technology: In honour of John Sinclair. – Amsterdam, 1993. – Pp. 223–243.
17. Becher, V. Explicitation and implicitation in translation: A corpus-based study of English-German and German-English translations of business texts : Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie / V. Becher. – Hamburg, 2011. – 251 p.
18. Chesterman, A. Why study translation universals? / A. Chesterman // Acta Translatologica Hel-singiensi (ATH). – 2010. – Vol. 1. – P. 38–48.
19. Hermans, T. Descriptive Translation Studies / T. Hermans // The Encyclopedia of Applied Lin-guistics. – Blackwell Publishing Ltd., 2012. – P. 1681–1686.
20. Mason, I. Discourse and the Translator / I. Mason, B. Hatim. – Longman, 1993. – 258 p.
21. Mauranen, A. Corpora, universals and interference / A. Mauranen // Translation universals: Do they exist?. – Amsterdam, 2004. – Pp. 15–33.
22. Translation universals: Do they exist?. – Amsterdam, 2004. – 214 p.

Сведения об авторе

Краснопева Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода, преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета.
ye.kr121csu@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 108–113.*

ON THE PLACE OF TRANSLATION UNIVERSALS CONCEPT IN TRANSLATED DISCOURSE RESEARCH

E. S. Krasnopeeva

Chelyabinsk State University. ye.kr121csu@gmail.com

An attempt is made to trace the interrelation of the concepts of translated discourse and translation universals. Corpus-based methodology is suggested as potentially relevant in translated discourse research. The nature of translation universals' is seen as one resulting from the peculiarities of mental processes involved in translation as an activity, and pragmatic characteristics of the prototypical communicative event, during which translated discourse is generated.

Keywords: *process of translation, translated discourse, translation universals, communication theory, discourse ontology of translation, corpus-based translation studies.*

References

1. Garbovskij N.K. *Perevod i «perevodnoj diskurs»* [Translation and “translated discourse”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2011, no. 4, ser. 22, pp. 3–19. (In Russ.).
2. Garbovskij N.K. *Russkij perevodnoj diskurs: mif ili real'nost'* [Russian translation Discourse: Myth or Reality]. *Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Jazyk i kul'tura v zerkale perevoda» 25–29 aprelja 2012 g.* [Russian language and culture in the mirror of translation: Materials III International. scientific and practical. Conf. “Language and culture in the mirror of translation” April 25–29, 2012]. Pp. 130–136. (In Russ.).
3. Zimnjaja I.A. *Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti* [Lingvopsihologiya speech activity]. Moscow; Voronezh, 2001. 432 p. (In Russ.).
4. Kade O. *Problemy perevoda v svete teorii kommunikacii* [Problems of translation in the light of the theory of communication]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Problems in the theory of translation in foreign linguistics]. Moscow, 1987, pp. 69–90. (In Russ.).
5. Komissarov V.N. *Teorija perevoda* [Theory of Translation]. Moscow, 1990. 253 p. (In Russ.).
6. Koshkin R.K. *Osobennosti normativnoj deviacii v perevodnom diskurse. Na materiale voenno-tehnicheskikh perevodov s russkogo jazyka na anglijskij* [Features normative deviations in transferable discourse. On a material of military-technical translation from Russian into English]. Moscow, 2006. 233 p. (In Russ.).
7. Krasnopeeva E.S. *Realizacija simplifikacii kak perevodcheskoj universalii v russkojazychnom perevodnom diskurse: kolichestvennyj analiz* [Implementation of simplification as a translation in the Russian language universals Bills discourse: a quantitative analysis]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV–2015»* [Materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov–2015”]. Moscow, 2015. (In Russ.).
8. Leont'eva K.I. *Diskursivnaja ontologija perevoda: k obosnovaniju statusa* [Discursive ontology of translation: to the justification of the status]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University], 2012, no. 10, iss. 2, pp. 78–85. (In Russ.).
9. Min'jar-Beloručev R.K. *Teorija i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. Moscow, 1996. 208 p. (In Russ.).
10. Nefedova L.A. *Kognitivno-dejatel'nostnyj aspekt implikativnoj kommunikacii* [Cognitive activity aspect implicative communication]. Chelyabinsk, 2001. 151 p. (In Russ.).

11. Plotnikova S. V. Jazykovoje, diskursivnoe i kommunikativnoe prostranstvo [Linguistic, discursive and communicative space]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2008, no. 1, pp. 131–135. (In Russ.).
12. Remhe I.N. Rol' perevodchika v svete kognitivnogo modelirovanija perevodcheskogo processa [The role of the interpreter in the light of cognitive modeling of the translation process]. *Jazykovaja lichnost' perevodchika* [Linguistic personality interpreter]. Chelyabinsk, 2012. Pp. 317–337. (In Russ.).
13. Tjulenev S.V. *Teorija perevoda* [Translation Theory]. Moscow, 2004. 336 p. (In Russ.).
14. Chernjavskaja V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow, 2013. 208 p. (In Russ.).
15. Shvejcer A.D. *Teorija perevoda (status, problemy, aspekty)* [Theory of Translation (status, issues, aspects)]. Moscow, 1988. 215 p. (In Russ.).
16. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. *Text and Technology: In honour of John Sinclair*. Amsterdam, 1993. Pp. 223–243.
17. Becher V. *Explicitation and implicitation in translation: A corpus-based study of English-German and German-English translations of business texts : Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie*. Hamburg, 2011. 251 p.
18. Chesterman A. Why study translation universals? *Acta Translatologica Helsingiensia (ATH)*, 2010, vol. 1. Pp. 38–48.
19. Hermans T. Descriptive Translation Studies. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2012. Pp. 1681–1686.
20. Mason I., Hatim B. *Discourse and the Translator*. Longman, 1993. 258 p.
21. Mauranen A. Corpora, universals and interference. *Translation universals: Do they exist?*. Amsterdam, 2004. Pp. 15–33.
22. *Translation universals: Do they exist?*. Amsterdam, 2004. 214 p.

ББК Ш33(2=411.2)6-8,4 Хармс
УДК 82.09

О. В. Кукарская

МИФОЛОГИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Д. ХАРМСА

Раскрывается потенциал мифологического мышления при порождении дискурса авангарда. Экспериментальная работа Даниила Хармса «Лапа» (1930) иллюстрирует разворачивание мифа в художественном пространстве. Был выделен ряд приемов, в частности, обращение к метафоре и преподнесение ее читателю в качестве реализованного тропа, а также ряд других способов имитировать до-логическую мыслительную деятельность как попытка преодоления конвенциональности языка.

Ключевые слова: *метафора, миф, мифологическое мышление, бессознательное, абсурд.*

В данной статье мы рассмотрим ряд приемов, использованных Даниилом Хармсом для порождения дискурса авангарда. Объектом исследования становится обращение к мифологическому мышлению как ресурсу языковой игры при построении художественного пространства.

На основании работ К. Леви-Стросса, Ю. М. Лотмана, М. М. Маковского, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова [6; 9; 11; 12; 18] мы выделяем основные черты, присущие мифологическому мышлению:

- нерасчлененность объекта и его имени или атрибутов;
- отождествление названия и называемого;
- невозможность разграничить причинно-следственные связи и использование бриколажа;
- бинарность мышления;
- этимологизм.

Однако сфера распространения мифологического мышления не ограничивается первобытным строем. Постоянная мифологизация и демифологизация действительности присуща и современному рациональному человеку [1]. Кроме того, существует ряд других областей, где можно наблюдать некоторые приемы, характерные для «наивной» мифологической картины мира.

На основе данных работ таких ученых, занимающихся лингвистикой, психологией, филологией и мифологией, как В. Руднев, М. Фуко, А. Ф. Лосев, Ж. Лакан, З. Фрейд, Л. Р. Зенков и др., мы полагаем, что мифологическое мышление можно обнаружить в следующих аспектах деятельности человека.

Во-первых, как было отмечено, это непосредственно первобытное сознание, когда, по словам А. Ф. Лосева, господствовала «оборот-

ническая логика». Из-за неразвитого функционирования категории субстанции каждая вещь могла превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь могла иметь свойства и особенности любой другой вещи [8].

Во-вторых, сновидение: во сне, как и в первобытном сознании, действует логика бессознательного, мифологическая логика. Для сна характерна семиотическая неопределенность [16]. По мнению В. Руднева, «в сновидении вообще нет никаких знаков – одни чистые смыслы, вот почему мы не можем о нем сказать ничего определенного». Если сон – пограничное состояние между реальным и воображаемым, то смещение в одну или другую сторону в реальной жизни ведет к психическим отклонениям. Таким образом, мы переходим к третьему пункту – психические отклонения и измененные состояния. М. Фуко пишет о том, что безумец приближается к сознанию примитивного человека или ребенка. Он постигает истину, но не может ее удержать [19]. В. Руднев подтверждает, что регрессия к мифологическому мышлению – шизофренический психоз.

И, наконец, четвертый пункт – мифологическое мышление как основа для создания нового художественного дискурса. Обращение к мифологическому мышлению и наделение героев мифопоэтическим сознанием воспринимается нами как деятельностный аспект языковой игры (см. теорию языковых игр Л. Витгенштейна [3]). Это справедливо не только для «странной» языковой игры писателей-авангардистов: «Любая языковая игра может быть как странной, так и обыденной в зависимости от угла зрения или вертекста» [16. С. 19].

Итак, в отношении дискурса авангарда есть смысл говорить (1) о слиянии реальности и

сновидения и (2) об оппозиции умный/дурак/ сумасшедший. Возникает вопрос: а есть ли стандартные языковые игры безумия? Действительно, существует ряд закономерностей при создании подобного поэтического дискурса.

Ярким примером так называемого психотического дискурса (термин В. Руднева) является поэтика Д. Хармса с невероятными магическими заклинаниями и заумью. Мы считаем, что писатель прибегает к использованию принципов мыслительной деятельности (как сознательной, так и бессознательной) как к языковой игре. Но при помощи каких лингвистических средств ему удается воспроизвести работу бессознательного?

Многие психоаналитики, например, К. Юнг, для того чтобы вскрыть сущность когнитивных процессов и, как следствие, обнаружить исток психологической проблемы, так называемую «истинность» во взаимодействии двух объектов, наблюдали бессознательное своих пациентов через психоанализ. Однако, анализируя речь пациентов, психоаналитики имеют дело лишь с устными репрезентациями мира, когнитивными моделями и картинками. Используемая лексика – ключ к индивидуальному, а также обобщенному национальному представлению мира и ключ к воссозданию самой картины мира. Принципы формирования картины мира раскрывают правила, по которым складывается мироощущение, образное представление о явлениях природы и общественной жизни [11]. При помощи языка, в частности, метафоры, происходит подключение «наивной» картины мира, свойственной обиходному сознанию. Всякая «наивная» картина мира отвечает принципу антропоцентризма, что позволяет мыслить явления природы или абстрактные понятия как «опредмеченные» константы.

Мы обращаемся к мифологическому мышлению, где метафора воспринималась как реальное отражение действительности, а не как *medium* при познании мира. В этом контексте нас интересует эффект семантической напряженности от восприятия читателем метафоры в авангардном дискурсе.

Обратимся к одному из наиболее продуктивных (по семиотической нагрузке) произведений Д. Хармса – «Лапа» [20]. Стихотворение «Лапа», если его можно так назвать, сочетает в себе элементы пьесы, истории от лица автора и героев, а также отдельные слова и слоги. Особое письмо Хармса затрудняет дешифровку текста, но мы предпримем попытку

общего описания материала и трактовку некоторых элементов.

Начнем с того, что действие в стихотворении начинается с необычного вступления в форме стихотворения наподобие потока сознания, при этом завершаясь словом «аминь», характерным для молитв. Мы находим общие черты подобного рода стихотворений с ведическим повествованием. Ю. Лотман и Б. Успенский в работе «Миф–Имя–Культура» приводят анализ интересного примера из мифологического текста «Упанишад» [10]:

Мир есть материя.

Мир есть конь.

Другой пример взят из Ригвед и нуждается в особом подходе к прочтению, в противном случае мыслится как абсурд:

13 О Пушан, пылающий,

Пригони (сому,) обладателя пестрой

соломы,

Опору неба, (пригони,) как пропавший скот.

14 Пушан пылающий нашел

(Сому) царя, скрытого, тайно положенного,

Обладателя пестрой соломы [2].

Отметим, что «поэтика» буддистских памятников литературы была связана с определенными понятиями глупости/мудрости и абсурда. Г. Померанц в статье «Язык абсурда» описывает процесс порождения древнего текста и обращает внимание на следующие его признаки [14]:

1. Увеличение частотности отрицаний, понимаемых как алогические сакральные знаки.

2. Употребление этих знаков без ограничений как лейтмотив, повторяющийся ритмически с начала до конца. Вместе с тем наблюдается усиление ритмических связей и ослабление логических.

3. Введение алогизмов, неожиданных, парадоксальных и фантастических сочетаний терминов.

4. Использование «юродского языка» в качестве сверхразумного и сакрального.

5. Лаконизм и непосредственное введение абсурда без подготовки.

Любопытно то, что и в текстах Хармса наблюдаются подобного рода алогизмы, повторы, ритмические группы, метафоры как мифологические знаки, стремление к лаконизму:

Батюшка! Это ремень но не я!

Батюшка! Это ремень но не мать!

Будут тебя мой голубчик

Будут тебя мой голубчик

Будут тебя мой голубчик

Сосны тогда обнимать. <...>

*Я гора, а ты песок
ты квадрат, а я высок
я часы, а ты снаряд
скоро звезды закорят* [20].

Однако Д. Хармс интересовался не индийской философией, а египетской мифологией, которая находит отражение и в «Лапе». Из введения трудно понять, от чьего лица ведется речь, из этого мы делаем вывод, что автор пытается перевести сновидение одного из персонажей в текстовую форму. Отсюда вытекает неразличимость лиц или голосов (главный герой одновременно может являться другим героем, либо зрителем происходящего). Среди персонажей есть *Земляк* и *Статуя*. Далее в тексте появляются другие не менее загадочные лица: *Власть* (представленная в человеческом облике), *Утюгов*, *Ангел Кампуста*, *Аменхотеп*, *Николай Иванович*, *Покойник*, *Девочка*, *старичок*, *Лебедь*, *Мария Ивановна*, *Хлебников*, *Подхелуков* и *его жена*. Такая странная компания могла встретиться только в сновидении. Все трансформации с именами и физической оболочкой упомянутых персонажей осуществлялись преимущественно во сне *Земляка*:

«В воде плавало отражение сына. Старик вплескивал воду из тазика вместе с отражением сына. Но отражение застревало в трубе и машинка не спускалась» [20].

Очевидно, что человеческие признаки (а именно физиологическая сущность, материальность) перенеслись на отражение, из-за чего плавающее, а потом и застревающее отражение может быть рассмотрено не как случай персонализации (разновидности метафоры), а деме-тафоризированная, отождествленная оппозиция «отражение=сын». Отметим, что наименование «сын» приписывается одновременно двум объектам: самому сыну и его отражению.

Мышление персонажа, склонного к буквальному прочтению метафор (отождествлению означаемого и означающего), трактуется в лингвистике, начиная с А. Потебни, как мифологическое (мифическое) [15]. Так, ни у Хармса, ни у Введенского, ни у раннего Заболоцкого мы не найдем метафор. Ниже приведенный пример также представляет лишь развенчание онтологической метафоры:

«Власть: На небе есть четыре звезды Лебеда. (...) Недавно среди звезд появилась новая звезда – Лебедь Агам. Кто сорвет эту звезду, тот может не видеть снов» [20].

Лебедь, несомненно, понимается читателями как созвездие. Но читатель удивится, по-

няв, что именно буквально воспринятая метафора «звезда Лебедь = живая птица» должна формировать всю абсурдную реальность во сне главного героя. Метафора здесь выступает как элемент, структурирующий непредметный мир «по образу и подобию предметного мира» [Телия]. Именно в птичник* отправляет Статуя *Земляка*. «Небо» структурируется как обитель птиц по подобию «птичника» на земле.

(...) и Земляк снова вошел в птичник:

– Лебедь у вас? – громко спросил он.

– Да, я тут! – крикнул Лебедь.

– Ура! Значит это небо! – крикнул Земляк [20].

Дискурсу, как известно, присуща такая текстовая категория, как хронотоп. В условиях нового пространства и времени (во сне героя) элементы хронотопа формируются под воздействием сложившегося мифа как результата буквализации метафоры. Наполненность мифологического пространства собственными именами придает его внутренним объектам конечный, считаемый характер, а ему самому – признаки ограниченности. В этом смысле мифологическое пространство всегда невелико и замкнуто, хотя в самом мифе речь может идти при этом о масштабах космических [9]. Таким образом, «небо» представлено через известные предметные понятия. Тем не менее в рассказе Хармса место обитания Лебеда Агам – это лишь «перевалочный пункт» между земным и потусторонним миром. На мифологической переправе есть несколько персонажей, регулирующих поток попадающих в птичник людей:

Во-первых, это жители птичника: сам *Лебедь-звезда*, сорвав которую, по преданию Хармса, можно не видеть снов; *старичок* в длинном черном пальто со своим двойником как лейтмотив работ Хармса; *маленькая девочка* с земляными (из земли или с Земли?) лепешками; и, наконец, *Ангел Копуста*:

Анг. Коп. – Вот это да! А только интересно знать, билет у Вас есть?

Мар. Ив. – Ха ха ха, какие глупости! Ведь я индюшка.

Анг. Коп. – Вы не можете так разговаривать со мной. Ведь я ангел.

Мар. Ив. – Почему?

Анг. Коп. – Потому что у меня крылья.

* Очевидный пример мифологического мышления, когда способность птиц летать делает их жителями неба и его хранителями. Птицам начинает приписываться некое магическое или даже божественное начало.

Мар. Ив. – Ха ха хоау! Но ведь у хусей и ху-ропаток тоже есть крылья!

Анг. Коптуста – Вы рассуждаете как проф. Пермьяков. Он и сторож Фадей на этом основании посадили меня в этот курятник [20].

Этот диалог вскрывает мифологичность мышления: на основе внешних признаков – наличия перьев и крыльев – к одной категории причисляют объекты разного порядка (в данном случае птиц и ангелов). Подход к объекту с точки зрения его значимости для субъекта, характерный для комплексно-магического мышления, обнаруживается в следующем реальном примере: «Когда индейцы кора вопреки здравому смыслу причисляют бабочек к птицам, в их глазах все различаемые ими признаки объекта предстают в ином свете и соотносятся друг с другом совсем по-иному, чем у нас на основе научно-аналитических взглядов» [5]. Анализируя данный пример, Э. Кассисер подмечает, что сопоставление бабочки с птицей перестает быть нелепым, если мы примем во внимание, что в языковом понятии птицы в качестве решающего и существенного выделяется признак «полета». Так, язык (как и понятия, которые он обозначает) участвует в создании классификаций, противоречащих научно-эмпирическим понятиям [5].

Вернемся к сторожу Фадею, старичку в длинном черном пальто, который появляется внезапно и неизвестно откуда: в образе монаха в рассказе «Вещь», в образе сторожа в рассказе «Молодой человек, удививший сторожа» и так далее:

– Скажите, дедушка, как тут пройти на небо? <...>

– Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

– Извините, – сказал молодой человек, – ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

– Ладно, – сказал сторож, – покажи билет [20].

Сторож Фадей, как выясняется после пробуждения ото сна Земляка, – это громоотвод:

Земляк: Небо гы гы гы не сорвать. У неба сторож, который день и ночь глядит на небо. Вот он! Громоотвод. Кто посмеет сорвать небо, того сторож проткнет [20].

Интерес представляет то, что метафора «сторож Фадей = громоотвод» мифологизируется в обратном порядке, то есть мы имеем дело не с метафорой себя (metaphor of the self) [1]. В данном контексте оказывается, что не

явления уподоблены морфологии и поведению человека. Напротив, перенос осуществляется с предмета – громоотвода – на сторожа Фадея.

Далее, в жизнь претворяется метафора «Марья Ивановна = дерево». В этом примере в силу вступает этимологическая игра, обусловленная подсознательным стремлением восстановить исходную пространственно-временную обусловленность [1]. На наш взгляд, данный процесс происходит в три этапа:

1) Марья Ивановна – сосна (метафора): «На этом месте выросла сосна с руками и в шляпе и звали ее Марией Ивановной» [20]. Осуществляется перенос по признаку высокого роста. Воспринимается читателем как несколько сниженное по отношению к женщине обращение.

2) Марья Ивановна со сна (языковая игра «сосна – со сна»).

Мария Ивановна зевает и засыпает. Ангел Коптуста будит ее.

Мария Ивановна Со сна – Голубчик, голубочек, голубок. Не косайся таких вопросов. Я жить хочу [20].

2) Марья Ивановна-Сосна (развенчание метафоры, становление мифа). Марии Ивановне присваивается имя Сосна и происходит возврат к первому пункту:

Мар. Ив. Сосна – Ну уж нет! Фи донк! [20]

Иной пример метафорической номинации и отождествления объекта с именем связан с присвоением покойнику имени Нил. Это приводит к непосредственной трансформации объекта: покойник представляется рекой с волками в качестве притоков (Хармс предлагает читателю рисунок – набросок в виде карты). Как мы видим, метафора «покойник – река» не иначе как становится мифом и формирует пространство вокруг себя:

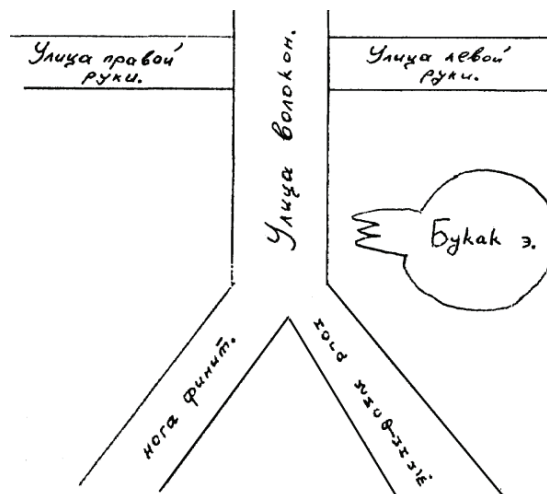

Рис.1 [20]

Покойник Нил буквально становится рекой и представляет часть картины, которую наблюдает попавший на небо Земляк:

«Картина представляет собой гроб. Только вместо глазури идет парходик и летит птица. В гробу лежит человек, от смерти зеленый. Чтобы показаться живым, он все время говорит. (...) Судя по тому, что говорил человек, он был явно покойник. Но, несмотря на это, он держал в руках подсвечник. Собственно говоря это и был Нил. В Ниле плавал Аменхотеп. Он был в трусиках и в кепке» [20].*

Обращение к египетской мифологии проявляется и в скрытой форме, когда Хармс вводит птицу ибис в повествование. Мы полагаем, что схожесть звучания ибис – Анубис оправдана: «Анубис – согласно Текстам пирамид, главный бог в царстве мертвых. Впоследствии эта роль

* Говорение становится компонентом деятельности или формой жизни. Теория Л. Витгенштейна о говорении на языке как о деятельности как нельзя лучше объясняет данный пример (см. работы Л. Витгенштейна, напр., «Философские исследования» [3]). Так, изречение Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую», – должно быть переделано на: «Я говорю, следовательно, я существую».

перешла к Осирису, однако за Анубисом остались важные функции покровителя бальзамирования и некрополей» [13].

Таким образом, обращение к мифологическому мышлению как к истоку дискурса авангарда не случайно. Как подчеркивает Э. Д. Владимирова, этолог, биосемиотик и исследователь поведения и «языка», мыслительные операции первобытных людей имеют сходство с мышлением невротика и психотика. Она отмечает, что в психологии обыденной жизни имеются архаизмы, характерные для первобытной и патологической психики [4]. Они закреплены и могут в любой момент «всплыть» в психике, потому что аналоги «первобытностей» представлены в языке, например, в виде языковых тропов (метафоры, которую мы рассмотрели как один из лингвистических приемов).

Имитируя бессознательное мышление как единственно возможное состояние, которое, как гласит декларация ОБЭРИУ, помогает посмотреть «на предмет голыми глазами» [7], Хармс погружал своих героев в воображаемый мир. Нарушая прагматику и сталкивая предметы разных категорий, писатель погружал и читателя в особую языковую игру абсурда.

Список литературы

1. Белозерова, Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы / Н. Н. Белозерова. – Тюмень, 2010. – 252 с.
2. Веды. – URL: <http://scriptures.ru/vedas/>.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: Астрель, 2011. – 320 с.
4. Владимирова, Э. Д. Антропологические концепции современной науки / Э. Д. Владимирова // «Узловые» проблемы антропосоциогенеза. – URL: http://lit.lib.ru/w/wladimirowa_e_d/text_0010.shtml.
5. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – URL: <http://www.twirpx.com/file/153998/>.
6. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – URL: http://royallib.com/book/levistros_klod/pervobitnoe_mishlenie.html.
7. Кобринский, А. А. Я участвую в сумрачной жизни / А. А. Кобринский // Глагол. – URL: <http://harms.lipetsk.ru/texts/kobr1.html>.
8. Лосев, А. Ф. Мифология греков и римлян / А. Ф. Лосев // Юбилейное собрание сочинений в 9-ти томах. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1016750>.
9. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php.
10. Лотман, Ю. Миф–имя–культура / Ю. М. Лотман, Б. Успенский. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/mif_im.php.
11. Маковский, М. М. Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский // Язык – миф – культура. – URL: <http://nounivers.narod.ru/bibl/makk.htm>.
12. Мелетинский, Е. М. Мифологическое мышление / Е. М. Мелетинский // Категории мифов. От мифа к литературе. – URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Myth.html>.

13. Монтэ, П. Египет Рамсесов: повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / П. Монтэ. – URL: <http://annals.xlegio.ru/egipet/monte/egramind.htm>.
14. Померанц, Г. Язык абсурда / Г. Померанц. – URL: http://pomerez.ru/p/pub_absurd.htm.
15. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – URL: <http://libelli.ru/works/potebnya.htm>.
16. Руднев, В. П. Новая модель сновидения / В. П. Руднев. – М.: Академ. проект, 2014. – 212 с.
17. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml.
18. Топоров, В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – URL: <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm>.
19. Фуко, М. История безумия в Классическую эпоху / М. Фуко. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/index.php.
20. Хармс, Д. Век Даниила Хармса / Д. Хармс – М., 2006. – 910 с.

Сведения об авторе

Ольга Валерьевна Кукарская – ассистент, аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.
olga.kukarskaya@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
 Philology Sciences. Issue 98. Pp. 114–120.*

MYTHOLOGISMS IN THE POETIC DISCOURSE OF D. KHARMS

O. V. Kukarskaya

Tyumen State University. olga.kukarskaya@mail.ru

The article reveals the potential of the mythological thinking to produce the avant-garde discourse. The author supposes that such type of thinking is characteristic not only of the primitive man, but is a powerful resource of inspiration for some writers, especially D. Kharms, a representative of the absurd literature movement in 1930s. A number of techniques have been identified in this connection, particularly, metaphors and the way their actualization in the text impacts the reader. The unity of an object and its traits, a reverse logic, rhythmic, almost ritual, repetitions are only few of the means of imitating the pre-logical mental activity. An attempt to simulate the unconscious mode, thought of as the sole possible way of overcoming the conventional character of the language, means that the reader is to join in a special language game and to plunge into an absurd individual myth. The experimental work «Lapa» (1930) by D. Kharms illustrates how the myth is formed in the fiction world.

Keywords: *metaphor, myth, mythological thinking, unconscious, absurd.*

References

1. Belozerova N.N. *Mir real'nyj i mir virtual'nyj: dve jekologicheskie sistemy* [Real world and the virtual world: two ecological systems]. Tyumen, 2010. 252 p. (In Russ.).
2. *Vedy* [Vedas]. Available at: <http://scriptures.ru/vedas/>. (In Russ.).
3. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovanija* [Philosophical investigations]. Moscow, 2011. 320 p. (In Russ.).
4. Vladimirova E.D. *Antropologicheskie koncepcii sovremennoj nauki* [Anthropologic conceptions of modern science]. «Uzlovyje» *problemy antroposociogeneza* [Key problems of anthroposociogenesis (part 3)]. Available at: http://lit.lib.ru/w/wladimirova_e_d/text_0010.shtml. (In Russ.).
5. Cassirer E. *Sila metafory* [The power of metaphor]. *Teorija metafory* [The theory of metaphor]. Available at: <http://www.twirpx.com/file/153998/>. (In Russ.).
6. Levi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primeval thinking]. Available at: http://royallib.com/book/levistros_klod/pervobitnoe_mishlenie.html. (In Russ.).

7. Kobrinsky A.A. Ya uchastvuyu d sumrachnoy zhizni [I take part in the dismal life]. *Glagol* [Verb]. Available at: <http://xarms.lipetsk.ru/texts/kobr1.html>. (In Russ.).
8. Losev A.F. Mifologija grekov i rimljan [The mythology of Greeks and Romans]. *Jubilejnoe sobranie sochinenij v 9-ti tomah* [Anniversary Collection of essays in 9 volumes]. Available at: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1016750>. (In Russ.).
9. Lotman Y.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php. (In Russ.).
10. Lotman Y., Uspensky B. *Mif-imja-kul'tura* [Myth – name – culture]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/mif_im.php. (In Russ.).
11. Makovsky M.M. Simvoly zhizni i zhizn' simvolov [Symbols of life and life of symbols]. *Jazyk – mif – kul'tura* [Language – myth – culture]. Available at: <http://nounivers.narod.ru/bibl/makk.htm>. (In Russ.).
12. Meletinsky E.M. Mifologicheskoe myshlenie [Mythological thinking. Categories of myths]. *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Myth.html>. (In Russ.).
13. Monteux P. *Egipet Ramsesov: povsednevnaia zhizn' egiptjan vo vremena velikih faraonov* [Egypt Ramesses: everyday life of Egyptians during the time of the great pharaohs]. Available at: <http://annals.xlegio.ru/egipet/monte/egramind.htm>. (In Russ.).
14. Pomerants G. *Jazyk absurda* [The language of the absurd]. Available at: http://pomeranz.ru/pub_absurd.htm. (In Russ.).
15. Potebnya A.A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Available at: <http://libelli.ru/works/potebnya.htm>. (In Russ.).
16. Rudnev V. *Novaja model' snovidenija* [A new model of a dream]. Moscow, 2014. 212 p. (In Russ.).
17. Teliya V.N. *Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira* [Metaphorization and its role in the creation of a linguistic map of the world]. Available at: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. (In Russ.).
18. Toporov V.N. Model' mira (mifopojeticheskaja) [The Model of the world (mythopoetic)]. *Mify narodov mira: Jenciklopedija* [The myths of peoples of the world: Encyclopedia]. Available at: <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm>. (In Russ.).
19. Foucault M. *Istorija bezumija v Klassicheskuju jepohu* [A History of Insanity in the Age of Reason]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/index.php. (In Russ.).
20. Harms D. *Vek Daniila Harmsa* [Age of Daniil Kharms]. Moscow, 2006. 910 p. (In Russ.).

УДК 811.161.1-25
ББК Ш12=411.2, 511

А. Р. Кусяев

ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОМО-ВЕБИНАРА

В современном российском обществе появился новый вид деятельности, который до сих пор не изучен лингвистами в полной мере. Это так называемый инфобизнес – то есть бизнес по продаже информации (знаний). Инфобизнесмены активно используют возможности Интернета, и одним из главных их инструментов является промо-вебинар. Статья посвящена определению места и описанию этого жанра компьютерно-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: виртуальный жанр, компьютерно-опосредованная коммуникация, промо-вебинар.

Коммуникативное пространство Интернета способствует появлению новых речевых жанров, требующих лингвистических исследований. Таким образом, в рамках теории речевых жанров появилась теория виртуального жанроведения [3; 4; 5; 6; 7; 9; 12], в задачи которого входит описание и структурирование всего многообразия виртуальных жанров или жанров компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК) и способов их классификации [4]. Жанр КОК – это типовая модель речевого действия, опосредованного компьютером и специальными сетями и реализуемого с помощью устойчивого типа текста [12]. Основными задачами виртуального жанроведения являются:

- определение и описание виртуального жанра;
- соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров;
- поиски и разработка критериев для классификации виртуальных жанров;
- описание специфических виртуальных жанров [9].

Задача данной статьи заключается в том, чтобы определить место промо-вебинара среди виртуальных жанров, описать его и, таким образом, внести вклад в развитие теории виртуального жанроведения. Технически вебинар – это Интернет-аналог семинара, который проводится в режиме реального времени с помощью веб-приложения или программы, которая устанавливается на компьютер каждого из участников коммуникации. Первая часть сложного слова («промо») указывает на функцию продвижения товара или услуги на рынке, то есть промо-вебинар является демонстрационной версией платных онлайн-семинаров.

Л. Ю. Щипицина выделяет следующие виды жанров КОК: *информативные* жанры, предназначенные для предъявления или получения информации; *директивные* жанры, предназначенные для побуждения адресата осуществить какое-либо действие; *фатические* жанры, служащие удовлетворению потребности в общении и соблюдению этикетных норм; *презентационные* жанры, предназначенные для самовыражения, представления данных о себе или своей фирме, своих произведений; *эстетические* жанры, служащие реализации художественно-творческого потенциала и эстетического воздействия на партнеров с помощью создания мнимой реальности; *развлекательные* жанры, предназначенные для получения удовольствия от выполнения определенных коммуникативных действий [12].

Промо-вебинар является многофункциональным жанром, так как помимо предоставления новой информации он служит для создания образа рекламируемого платного вебинара или целого курса вебинаров (функция презентации), побуждения клиентов к приобретению этого курса (директивная функция) и удовлетворения потребности в общении (фатическая функция).

Для описания какого-либо конкретного жанра Т. В. Шмелева предложила использовать термин «модель речевого жанра» [11. С. 83]. Ученый называет семь жанрообразующих признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и языковое воплощение. Л. Ю. Щипицина, опираясь на разработку Т. В. Шмелевой, предложила перечень жанрообразующих признаков для виртуальных жанров: прагматические параметры (зачем?

кто? кому? где?), медийные параметры (чем? с помощью какой компьютерной программы?), структурно-семантические параметры (что? в каком порядке?), стилистико-языковые параметры (как? с помощью каких языковых средств?) [12].

Используя предложенную схему, построим жанровую модель промо-вебинара.

Прагматические параметры.

Несмотря на то что промо-вебинар выполняет сразу несколько функций, основная его функция – директивная. Передача информации, презентация, общение с аудиторией – лишь инструменты, позволяющие побудить потенциальных клиентов приобрести доступ к платному курсу.

Автора или ведущего (спикера) промо-вебинара можно было бы сравнить с учителем или агентом религиозного дискурса, которые обладают опытом и некоторым знанием и передают его другим [2], но в отличие от них ведущий не обладает априорно высоким авторитетом в обществе, поэтому он должен сначала завоевать доверие аудитории.

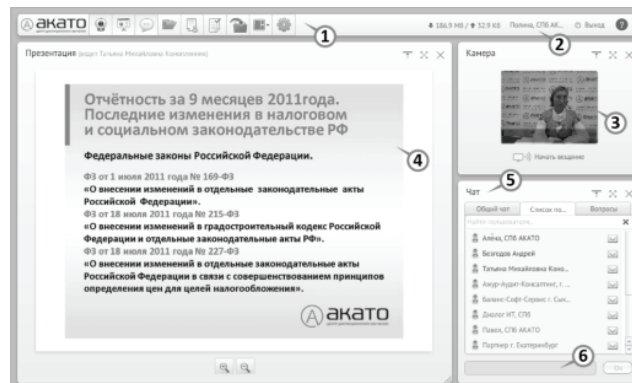
Адресатом коммуникации может стать любой пользователь Интернета, получив ссылку в комнату вебинара. Участники могут находиться в любой точке мира: у себя дома, в офисе, в Интернет-кафе и так далее – и не знать друг друга. Случается, что некоторые из участников знакомы с ведущим благодаря предыдущим онлайн-встречам, но все же большинство, как правило, впервые видит говорящего. Это обычно выясняет сам спикер путем простого опроса в начале семинара. Помимо ведущего и аудитории существует третий тип участников – это модераторы, которые выполняют функцию поддержания порядка в чате вебинара и обладают полномочиями удалять лиц, его нарушающих. Общение между участниками протекает в рамках делового дискурса (обмен информацией на деньги).

Что касается темпоральной ориентации жанра, то непосредственной онлайн-встрече обязательно предшествует реклама промо-вебинара (почтовая рассылка, объявления в социальных сетях) с указанием места и времени и реакция адресата на нее.

Медийные параметры.

На просторах Глобальной паутины можно найти множество различных виртуальных площадок, предназначенных для проведения веби-

наров (webinar.fm, WizIQ.com, acato.ru и др.). Несмотря на небольшие отличия, их интерфейс состоит из следующих компонентов [http://www.acato.ru/images/Translyacia_Akato.png?__scale=c:transparent,t:4,r=0,q=70,w:519,h:311]:

1. Меню управления модулями сервиса.
2. Имя пользователя.
3. Окно трансляции видеоизображения ведущего.
4. Окно трансляции презентации вебинара.
5. Окно «Чат».
6. Поле для отправки сообщения.

Интернет-семинар не предполагает сохранения и возможности цитирования текста. Адресат может получить запись трансляции лишь по инициативе организатора или посредством стороннего программного обеспечения.

Промо-вебинар является публичным жанром. Некоторые Интернет-площадки позволяют организовывать мероприятия с численностью участников до 10000 человек, но в среднем количество участников варьируется от 30 до 300 человек. Ведущие, как правило, выступают под реальным именем и фамилией, аудитория же чаще использует только имя или никнейм (сетевое имя).

Промо-вебинар по своей сути – интерактивный синхронный жанр, базирующийся на использовании зрительного и слухового каналов.

Структурно-семантические параметры.

Тематическое содержание общения в промо-вебинарах охватывает довольно широкий круг проблем, которые существуют во многих сферах человеческой деятельности: семейные отношения (например, «Секреты гармоничных отношений»), бизнес («Быстрые деньги на рекламе»), отдых («Жизнь в путешествии»), образование («Как написать диссертацию за лето на отлично»), личностный рост («Как перестать быть пассивным и начать действовать») и так далее.

Форма речи промо-вебинара – диалог, который проходит как в устной, так и в письменной форме. Аудитория слышит и видит (если включена веб-камера) ведущего, а ведущий читает реплики участников в чате. Общение участников может длиться от 30–40 минут до 2 часов, реже до трех и более, а его основной стратегией является кооперация. Его композицию можно сопоставить с пятишаговой моделью продаж:

1) установление контакта: приветствие, проверка связи, установление регламента, самопрезентация ведущего;

2) выявление потребности: опрос «что вы ожидаете от этой встречи?»;

3) презентация товара или услуги: лекция, упражнения, отзывы участников;

4) работа с возражениями – блок ответов на вопросы;

5) завершение сделки – предоставление ссылки на веб-страницу оплаты.

Стилистико-языковые параметры.

Стиль речи промо-вебинаров разговорный. Часто встречаются термины и профессионализмы, характерные для тематики конкретного вебинара (коучинг, франшиза, коммерческое предложение, холодный звонок, ЛПП (лицо, принимающее решения), НПП, гипноз, невроз и так далее). Также встречаются коммуникативные клише, свойственные рекламному дискурсу. Это такие высказывания, как: «На тренинге вы узнаете все, что скрыто. Сегодня была лишь малая часть технологии, все подробно и по шагам мы расскажем в тренинге», «Вы получите бонусов в комплекте на 10 000 рублей»,

«Мы отдадим вам бесплатно наши лучшие коммерческие предложения», «Мы дадим вам свои сценарии проведения встреч, благодаря которым вы заработаете сотни и сотни тысяч рублей», «В течение часа у вас будет 60-процентная скидка. И это еще не все! Оплачивайте прямо сейчас и вы получите скидку в 3000 рублей», «И это все с гарантией 110 %», «Участие в комплектах «Лайт» и «Голд» возможно только для 15 человек, VIP-участие возможно всего для 3 человек, так что поторопитесь» [8].

Ведущий по ходу семинара периодически обращается к участникам и получает от них ответы в чат, например: «Поставьте плюсики в чате, кто был на подобных вебинарах». В ответ в чат идут значки «+» и продолжается трансляция. В силу того, что организовать вебинар может практически любой пользователь Интернета без специальной подготовки, в том числе по культуре речи, в промо-вебинарах часто встречаются жаргонизмы (прошаренный человек, прикольно, попадос, лабуда), нарушения лексической сочетаемости слов (делать резкие шаги, длинные деньги), грамматические ошибки (получите бонусов) [8; 10].

Проведенный анализ показал, что промо-вебинар является многофункциональным виртуальным жанром, призванным побудить потенциальных клиентов приобрести доступ к платному курсу. На это указывают его прагматические, медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры. Перспективами дальнейших исследований является анализ записей отдельных промо-вебинаров с целью выявления речевых средств создания образа автора (ритора).

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250–296.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс в системе типов общения / Е. В. Бобырева // Мир лингвистики и коммуникации. – URL: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm.
3. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Вопр. психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 105–123.
4. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
5. Капаназде, Л. А. На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капаназде // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М., 2005. – С. 305–320.
6. Компанцева, Л. Ф. О соотношении понятий «речевой жанр» и «стиль» в виртуальном дискурсе / Л. Ф. Компанцева // Ученые зап. Таврич. национал. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». – 2005. – Т. 18 (57), № 2. – С. 183–185.

7. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2009. – 476 с.
8. Назаров, А. Быстрые деньги на рекламе / А. Назаров. – URL: <http://www.fayloobmennik.net/4503284>.
9. Рогачева, Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога / Н. Б. Рогачева // Жанры речи. – Саратов, 2007. – С. 389–403.
10. Шарков, А. Берись и делай / А. Шарков. – URL: <http://www.fayloobmennik.net/4503115>.
11. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
12. Щипицина, Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Щипицина // Изв. Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 171–178.

Сведения об авторе

Кусяев Артем Рифович – аспирант Челябинского государственного университета.
kusyaj@ya.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 121–125.*

GENRE MODEL OF PROMO WEBINARS

A. R. Kusaev

Chelyabinsk State University. kusyaj@ya.ru

In today's Russian society, a new kind of activity which has not yet been studied by linguists to the fullest. This so-called Infobusiness - that is, the business of selling information (knowledge). Infobusinesses actively use the Internet, and one of their main tools is the promotional webinar. The article is devoted to the definition and description of this genre of computer-mediated communication.

Keywords: *virtual genre, computer-mediated communication, promotional webinar.*

References

1. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986. Pp. 250–296. (In Russ.).
2. Bobyreva E.V. Religioznyy diskurs v sisteme tipov obshcheniya [Religious discourse in the types of communication]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [The world of linguistics and communication]. Available at: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm, accessed 21.01.2015. (In Russ.).
3. Goroshko E.I., Zhigalina E.A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustoyavsheesya i spornoe [Theory of virtual genres: settled and controversial]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of psycholinguistic], 2010, no. 12, pp. 105–123. (In Russ.).
4. Goroshko E.I. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Linguistics Internet: the formation of disciplinary paradigms]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in academic and media discourse]. Orel, 2007, no. 5, pp. 223–237. (In Russ.).
5. Kapanadze L.A. Na granitse pis'mennogo i ustnogo teksta: struktura i tendentsii razvitiya elektronnykh zhanrov [On the border of written and oral text: structure and trends of electronic genres]. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and meanings. Selected works in the Russian language]. Moscow, 2005. Pp. 305–320. (In Russ.).
6. Kompantseva L.F. O sootnoshenii ponyatiy "rechevoy zhanr" i "stil" v virtual'nom diskurse [On the relation between the concepts of "speech genre" and "style" in the virtual discourse]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya"* [Scientific

notes of Taurida National University. A series of "Philology", 2005, vol. 18 (57), no. 2, pp. 183–185. (In Russ.).

7. Lutovinova O.V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009. 476 p. (In Russ.).

8. Nazarov A. *Bystrye den'gi na reklame* [Fast money on advertising]. Available at: <http://www.fayloobmennik.net/4503284>, accessed 25.02.2014. (In Russ.).

9. Rogacheva N.B. *Novye priority v russkom Internet-obshchenii: na materiale zhanra bloga* [New priorities in the Russian Internet communication: on the material of the genre blog]. *Zhanry rechi* [Speech genres], iss. 5. Saratov, 2007. Pp. 389–403. (In Russ.).

10. Sharkov A. *Beris' i delay* [Take it and do it]. Available at: <http://www.fayloobmennik.net/4503115>, accessed 25.02.2014. (In Russ.).

11. Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genre], iss. 1. Saratov, 1997. Pp. 88–98. (In Russ.).

12. Shchipitsina L.Yu. *Klassifikatsiya zhanrov komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii po ikh funktsii* [Classification of genres computer-mediated communication in their function]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen University], 2009, no. 114, pp. 171–178. (In Russ.).

УДК 81'25
ББК Ш1.81

М. Ф. Масгутова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «ДРУЖБА» В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАДИГМ

Рассматривается трехуровневая модель языковой личности, изучаются особенности немецкой и англо-американской языковых личностей в сопоставительном аспекте. Данная модель языковой личности исследуется сквозь призму концептуального представления «дружба», которое занимает важное место в системе ценностей представителей американского и немецкого лингвосообществ.

Ключевые слова: *языковая личность, концептуальное представление, лингвосообщество.*

Дружба – важная составляющая жизни каждого представителя лингвосообщества. Концептуальное представление «дружба» является неотъемлемым конструктом языковой личности, универсальным для национальной языковой личности. Концептуальное представление репрезентирует ментальные единицы сознания личности, воплощенные в языке и отмеченные лингвокультурной спецификой.

Языковая личность – носитель концептуальных систем. Выделение концептуального представления как ментального образования является закономерным шагом в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания.

Рассматривая концептуальное представление как составляющую концепта, мы исходим из позиции Ю. С. Степанова, который трактует концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающий слово» [1. С. 40]. Концептуальное представление является элементом содержательной стороны картины мира языковой личности, возникающим в сознании личности. Элемент – потому что это часть одного из концептов, которых в сознании языковой личности отражается много.

Концептуальное представление можно исследовать и изучить только с точки зрения лингвокультурологии, поскольку концептуальное представление, будучи ментальной репрезентацией, воплощенной в языке, отмечено лингвокультурной спецификой. Рассматривая лингвокультурологический аспект концептуального представления, мы изучаем лингвокультурологическую составляющую концепта, так как концепт непосредственно присутствует во всех своих составляющих или вариациях [2].

На современном антропоцентрическом этапе развития науки в центре внимания лингвистов оказывается национальная языковая личность, поскольку, будучи средоточием важнейших концептуальных характеристик предметов духовной и материальной жизни народа, национальная языковая личность является иерархически главной в рассмотрении диалектики развития культуры и языка.

Национальная языковая личность была описана в качестве той теоретико-познавательной модели, которая органически сочетает в себе необходимые и существенные признаки личности вообще. Будучи культурным феноменом, языковая личность приобретает особую и актуальную для нашего времени значимость при понимании глубин национального сознания представителей той или иной лингвокультуры.

Рассмотрение средств вербализации концептуального представления «дружба», адекватно отражающих особенности национальной языковой личности и англоязычного и немецкоязычного лингвокультурного пространства, показало, что концептуальное представление «дружба» – сложное структурно-смысловое образование, вербализованное лексическими и фразеологическими единицами языка. В результате анализа номинативной системы английского и немецкого языков было выявлено, что лексемы «friend/Freund» и «friendship/Freundschaft» характеризуются разнообразной семантической структурой, обширными синтагматическими и парадигматическими связями на уровне семантики и словообразования.

Лингвокультурные аспекты интерпретации концептуального представления «дружба» нашли яркое выражение в процессе структури-

рования синонимического ряда. Номинативное поле концептуального представления «friend/Freund» вербализовано большим синонимическим рядом в английском и немецком языках и имеет сложную структуру, состоящую из ядерных и периферийных членов. В немецком языке выделяются такие ядерные члены, как «Kamerad», «Berater», «Familienangehörige», «Gefolge» («товарищ», «советник», «член семьи», «сторонник»); в английском языке – «companion», «supporter», «acquaintance» («товарищ», «сторонник», «знакомый»).

Синонимия концептуальных представлений «друг» и «дружба» отражает различные грани, аспекты одного и того же концептуального представления с точки зрения содержательной и эмоционально-оценочной специфики.

Качественно-количественный анализ высказываний представителей интеллектуальной и культурной элиты с лексемой «дружба» на английском и немецком языках позволил выделить наиболее яркие образы, возникающие в сознании носителей немецкого и английского языков при упоминании лексем «Friend», «Freund», «Friendship», «Freundschaft».

Этнокультурная специфика концептуального представления «дружба» в сознании современных носителей английского и немецкого языков обнаруживается в таких образах, как *расчет* в немецком языке и *начало дружбы* – в английском. *Расчет* в сознании носителей немецкого языка сопряжен с выгодой, личным интересом, бизнесом и пользой. *Начало или возникновение дружбы* в глазах носителей английского языка имеет большое значение для индивида, что подтверждается рядом высказываний и устойчивых выражений, представляющих акт начала дружбы.

Благодаря данному лингвокультурологическому анализу удалось определить языковой корпус лексико-фразеологических единиц с лексемой «дружба» в немецкоязычной и англоязычной картинах мира. С помощью анализа этих единиц были выявлены особенности их употребления, а также ценностные доминанты, связанные с интерпретациями анализируемого концептуального представления в немецкой и англо-американской этнокультурных общностях: это продолжительные отношения между людьми, взаимная привязанность, уважение и доверие, взаимопонимание, откровенность, взаимопомощь, сопереживание, искренность и бескорыстие, любовь и знание.

В ходе рассмотрения языковых реализаций концептуального представления «дружба», приведенных в этимологических, лингвострановедческих словарях и энциклопедиях, все дефиниции лексемы «friend» и «Freund» были распределены на следующие группы согласно их категориальным значениям:

- лексемы с категориальным значением предметности;
- лексемы с категориальным значением адъективности;
- лексемы с категориальным значением процессуальности.

Проведенный анализ показал, что в англоязычном и немецкоязычном словарно-смысловом пространстве значения понятия «друг» имеют сходства и различия.

В сознании англоязычной личности концептуальное представление «друг» сопряжено с такими концептуальными представлениями, как «меценат», «защитник родины», «покровитель»; в сознании немецкоязычной личности – с концептуальными представлениями «компаньон», «знаток», «ценитель».

Восприятие концептуального представления «дружба» обычными носителями английского и немецкого языков соответствует восприятию исследуемого концептуального представления всемирно известными представителями интеллектуальной и культурной элиты в силу того, что дружба была, есть и будет значима для любой языковой личности вне зависимости от социального класса, возраста и национальной принадлежности. Это положение подтверждается результатами ассоциативного эксперимента и нашло свое отражение на прагматическом, оценочном и ассоциативно-образном уровнях структуры языковой личности.

На прагматическом уровне были проанализированы коммуникативные потребности в общении с друзьями, на ассоциативно-образном уровне выявлены ассоциации, апеллирующие к исследуемому концептуальному представлению, на оценочном – рассмотрены языковые единицы, выражающие оценку при актуализации концептуального представления «дружба».

Ассоциативный эксперимент показал, что этнокультурная манифестация концептуального представления «дружба» включает универсалии в немецкой и англо-американской лингвокультурах, поскольку дружба представляет наивысшую духовную ценность в любом лингвосообществе и выполняет важные

социальные и коммуникативные функции. В большинстве случаев в ходе проведения ассоциативного эксперимента респонденты давали схожие ответы, имеющие различия только по частотности употребления лексем с разным категориальным значением и в процентном соотношении.

Проанализировав реакции респондентов, мы пришли к выводу, что в структуру национальной личности включены национальные ценности, социальные символы, среди которых важное место занимает дружба. Национальные ценности в силу влияния сложившегося менталитета универсальны и различны в немецком и англо-американском лингвосообществах.

Ассоциативный эксперимент подтверждает то, что концептуальное представление «дружба» реализуется обычными носителями языка адекватно нормам, принятым и одобряемым лингвокультурным сообществом.

Фрагментарно выявленная система ценностных ориентаций обоих этносов является сложным и комплексным явлением. Она – способ самооценки англо-американской и немецкой национальных личностей, выражение стремления ее осознать.

Будучи культурно-национальным феноменом, личность представляет собой реализацию ценностей национальной личности. Задача адекватного осмысления немецкой и англо-американской языковых личностей оказалась эффективной при лингвокультурологическом описании: изучение особенностей выражения когнитивно-семантической информации в языковых картинах мирах на прагматическом, ассоциативно-образном и оценочном уровнях.

Исследование национальной формы личности позволило проникнуть в диалектику национального и интернационального, а также вскрыть и описать сходства и различия в систематизации лексики английского и немецкого языков.

В заключение заметим, что от вербализации концептуального представления «дружба» зависит выполнение коммуникативной функции языка и удовлетворение соответствующих коммуникативных потребностей. Особую важность представляет осознание коммуникативного поведения, без которого невозможно функционирование языковой личности.

Список литературы

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – С. 40.
2. Алефиренко, Н. Ф. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – С. 120.

Сведения об авторе

Масгутова Марина Фаритовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

marina_masgutova@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 126–129.*

THE FUNCTIONING OF THE CONCEPTUAL NOTION “FRIENDSHIP” IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC PARADIGMS

M. F. Masgutova

Chelyabinsk State University. marina_masgutova@mail.ru

The article is dedicated to the research of three-level model of the lingual identity, according to which the national-cultural peculiarities of both German and American lingual identities can be analyzed. The model is studied through the conceptual notion “friendship” that ranks as one of the most important notions in the value system of the native speakers. The aim of work is to research and reveal

national-specific components of the conceptual notion “Friendship” which is one of the milestones of the American and German national character.

Keywords: *conceptual notion, lingual identity, lingual society, national character.*

References

1. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants dictionary of Russian culture. The researcher's experience]. Moscow, 1997. 40 p. (In Russ.).
2. Alefirenko N.F. *Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Value significant scope of the language]. Moscow, 2010. 120 p. (In Russ.).

УДК 81
ББК Ш1

Е. И. Минина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И БЫТОВОЙ СФЕР ЗНАНИЯ (на примере спортивной терминологии)

Рассматривается взаимодействие спортивной и бытовой сфер знания. Спортивная терминология активно заимствует слова из общелитературного языка, при этом одним из основных способов переноса значений слов является метафора. Специальный и общеупотребительный слои лексики взаимодействуют друг с другом, происходит движение лексем из общеупотребительной сферы в спортивную и в обратном направлении.

Ключевые слова: спортивная терминология, термин, метафора.

Профессиональная культура вторична по отношению к национальной культуре человека, соответственно, терминология является вторичной системой обозначений по отношению к общелитературному языку. При становлении терминосистемы новой области знания (для заполнения образовавшихся лакун) происходит заимствование слов из общенационального языка. В этом случае смысловая структура слова обогащается новым, вторичным значением, не теряя связи со значением первичным.

При переходе лексической единицы из одной сферы функционирования в другую может меняться не только ее семантическая структура, но и принадлежность к логической категории. Перекатегоризация – это переосмысление ментального объекта за счет соотношения его с другой категорией; в языке это осуществляется при помощи метафоризации и метонимии. Любой познаваемый объект может быть осмыслен с разных позиций, в нем могут быть выделены те или иные признаки и свойства. Проблема перекатегоризации в профессиональной сфере рассмотрена в ряде статей Е. И. Головановой [2; 3]. Исследователь пишет, что «через явление перекатегоризации <...> осуществляется множественность видения того или иного объекта» [3. С. 150].

При переходе понятия из одной сферы употребления в другую может происходить переход из конкретного понятия в абстрактное или из категории одушевленных объектов в неодушевленные. Отличительной чертой абстрактных имен является ненаблюдаемость выражаемых ими объектов, осмысление которых происходит через предметы конкретные, уже познанные и освоенные в бытовой сфере. Че-

ловеческое сознание интерпретирует гипотетические объекты как реальные, постигаемые опытным путем. Однако, как правило, термин сохраняет свой категориальный статус.

Метафора играет большую роль в познании, так как представляет собой прием ассоциативного мышления. Как правило, абстрактные имена трактуются человеческим сознанием через предметные. При метафорическом переносе выделяют область-источник (source domain) – область, из которой происходит заимствование, и область-цель (target domain) – область, в которую заимствуется слово. Два объекта действительности, принадлежащие разным сферам функционирования, обнаруживают сходство по каким-либо концептуальным признакам. Область-источник представляет собой более конкретное знание, получаемое человеком эмпирически (то есть в процессе взаимодействия с окружающим миром), обобщение опыта, основанного на практике, в то время как сфера цели – менее конкретное, менее определенное знание. Основанием для метафорического переноса служит сходство характеристик сравниваемых предметов: формы, функции, местоположения и др. Соответствия между двумя областями, фиксированные в языке, называют концептуальными метафорами. Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили выделить следующие модели концептуализации: антропоморфную, зооморфную, натуроморфную, фитоморфную и артефактную [4]. Анализ материала спортивной терминологии позволил выявить и проанализировать эти виды метафорических моделей. Концептуальную область источника в данном исследовании представляют лексические единицы в исходном номи-

нативном значении, которое устанавливается нами по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [4]. Формулировки метафорических значений приводятся по толковому словарю спортивных терминов А. Н. Блеера, Ф. П. Сулова, Д. А. Тышлера [1].

Антропоморфная модель в качестве области-источника использует концепт ЧЕЛОВЕК, репрезентированный наименованиями человека и частей его тела. Исходными при этом могут служить слова со значением, указывающим, например, на профессию, положение: «*жан-дарм*» («отдельно стоящий в гребне скальный выступ высотой в несколько десятков метров с опасными стенами»), *витязь*, *дамка*. Метафоризации подверглись также значения различных частей тела человека: *талия (лыжи)*, *нос*, *носовой свес*, *ребро*, *плечо*, *плечи (лука)*, *щека*, *щечки*, *усы*, *бровка (поля)*. В соматонимах основанием для переноса служит, как правило, схожесть формы и местоположения сравниваемых предметов. Сравните названия составных частей теннисной ракетки: *головка*, *шейка*, *ручка*. Подобного рода метафоры помогают дать объяснение связи между новым, неизвестным и хорошо знакомым – собственным телом. В качестве примера приведем слово *скула*:

Скула

общеупотр. Парная лицевая кость под глазом, а также соответствующее место на лице под глазом.

яхт. Закругленный переход от борта к днищу яхты.

Можно предположить, что аспектом отождествления здесь выступает срединное местоположение и закругленный вид сравниваемых объектов.

В **зооморфной модели** область-источник представлена концептом ЖИВОТНОЕ, вербализованным наименованиями животных или частями их тел. Как правило, в подобных случаях мы сталкиваемся с метафорическим переносом на основе сходства формы, однако прослеживается и связь между функциями сравниваемых реалий: необходимые для осуществления спортивной деятельности средства ассоциируются с домашними животными, помощниками человека в хозяйстве. Таковы, например, термины *конь*, *барашек*, «*бараньи лбы*», *кошка*, *козел*, а также уменьшительное *коньки*. Термином *коньки* обозначают узкие стальные полозья, прикрепляемые к специ-

альным ботинкам фигуристов для катания на льду. Общеупотребительное слово «конь, конек» (животное) и спортивный снаряд объединяет сходство функции («катать» человека) и внешней формы. Дело в том, что первые модели коньков украшали спереди фигурки в виде лошадиной головы.

Именами диких животных называют, в основном, спортивные элементы, то есть непредметные понятия: «*змейка*» (в художественной гимнастике – последовательные малые махи лентой; лента напоминает формой и движениями гибкую, извивающуюся змею), *ибис*, *фламинго*, *дельфин*, *утка*, *цапля*, *альбатрос*, *ласточка*, «*рыба-меч*», *хамелеон* (в международных шашках – «этудное окончание, задание, в котором сохраняет силу и после поворота позиции на 180°»). Частями тела животного называют части каких-либо конструкций и механизмов: *лапа*, *крыло*, *перо*, *ножки (коня)*, *хвост (клинки)*, «*рыбий хвост*» и так далее. К этой же группе можно отнести термин «*яйцо*» («стойка горнолыжника, наиболее рациональное положение для достижения высокой скорости спуска на участках трассы с незначительной бугристостью»), поскольку первичное значение этого слова – половая клетка овальной формы в скорлупе у ряда животных. Горнолыжник, принимающий эту аэродинамическую стойку, становится «обтекаемым», как яйцо, соответственно, уменьшается сопротивление ветра.

В радиоспорте употребляется термин «*охота на лис*». Им обозначен вид соревнований, в котором задачей участников является обнаружение радиостанций («лис»), установленных в неизвестных для спортсменов местах и передающих через определенное время сигналы. Процесс охоты служит метафорой для спортивного состязания. Иногда название переносится с группы животных на группу спортсменов: так, термин *караван* служит обозначением группы велосипедистов в шоссейной гонке.

Для **натуроморфной метафорической модели** основой служит концепт ЯВЛЕНИЯ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, который включает неорганические объекты окружающего мира. В спортивной терминологии немного терминов, образованных по такой модели: объясняется это, скорее всего, тем, что с явлениями неживой природы у человека не происходит активного взаимодействия, как в случае с живой природой; порой эти явления сложно увидеть, осмыслить. Однако в терминологии закрепились некоторые наименования видимых, осязаемых

неорганических объектов. Термин «солнце» в синхронном плавании имеет значение «круговое движение тела вокруг оси гимнастического снаряда или точек хвата (на кольцах, брусках), начинающееся и заканчивающееся в стойке на руках». В данном случае имеет место метафорический перенос на основе сходства формы: круговые движения гимнаста напоминают солнечный круг. Термин «волна» в спортивной и художественной гимнастике служит обозначением волнообразному сгибанию и разгибанию в суставах тела.

Приведем еще один пример – термин *вихрь*, сопоставив общеупотребительное значение и производную от него дефиницию:

Вихрь

общеупотр. Порывистое круговое движение ветра.

синх. плав. Одно из основных движений в синхронном плавании: в позиции «вертикаль» быстрый поворот тела на 180° вокруг продольной оси.

Аспектом отождествления здесь является характер движения сравниваемых объектов: во время исполнения элемента пловец, как и поток ветра, совершает круговые вращения.

Концепт РАСТЕНИЕ выражает область-источник в **фитоморфной модели**. Основанием для переноса и здесь чаще всего служит сходство по форме, ср.: *груша (боксерская), яблоко (мишени), репка, шампиньон, грибок* («гимнастический снаряд для тренировки»). При номинации действий используется перенос на основе сходства функций (характера действия). К примеру, термин «*сухой лист*» называет удар в футболе, который выполняется с таким вращением мяча, что сопернику трудно принять или отбить его. Непредсказуемостью траектории полета мяч становится похожим на высохший лист.

Интересен пример, иллюстрирующий метафорический перенос на основе сходства структуры: понятийная организация шахматного термина «*дерево расчета*» («совокупность вариантов, которые необходимо рассмотреть, анализируя конкретную позицию») своей разветвленной структурой напоминает дерево.

Самую многочисленную репрезентацию в спортивной терминологии получили термины, образованные семантическим путем от названий предметов (область-источник **артефактной модели** – концепт ПРЕДМЕТ). Это объяс-

няется тем, что для осуществления и бытовой, и профессиональной деятельности человек использует большое количество различных предметов, то есть с ними происходит постоянное взаимодействие. В подавляющем большинстве случаев названия предметов переносятся на какие-либо комплексные действия, сложные элементы. Предметы, к которым восходят спортивные термины, можно условно поделить на несколько основных групп:

1) строения и их части: *мост* (в греко-римской борьбе – «положение, в котором борец, прогнувшись, упирается в ковер лбом и расставленными на ширине плеч ступнями»), *стенка* (в хоккее – «техничко-тактическое действие, когда хоккеист передает шайбу партнеру, сам устремляется вперед, наращивая скорость, и получает шайбу в одно касание от игрока»), *дом* (в бейсболе – «база, от которой против часовой стрелки ведется нумерация остальных»), *замок* (фигура в синхронном плавании), *форточка* («предоставление королю в шахматной партии возможности при необходимости уйти со своей горизонтали посредством продвижения одной из пешек, прикрывающих позицию рокировки»; такое положение фигур на поле напоминает открытую форточку, через которую король может «выйти» и спастись от соперника), *мельница, лестница, окно (лука), колонна* («акробатическое упражнение, стойка ногами на плечах партнера»), *коридор, столбы, калитка, камин* («широкая, вмещающая в себя альпиниста расщелина в скале, реже – во льду, идущая вертикально или наклонно»);

2) предметы домашнего обихода: *банка* («сиденье в лодке»), *решето* («такое расположение шашек одного лагеря, когда между ними имеются свободные поля, что облегчает противнику создание комбинаций»), *вилка* (в бейсболе – «бросок мяча питчером с хватом мяча указательным и средним пальцами»), *корбочка* («прием тактической борьбы в велоспорте»), *свеча* (в теннисе – «удар слева или справа по высокой отводящей траектории над противником, стоящим у сетки»);

3) инструменты: *ножницы, рожон* («проныкающая в лагерь противника простая шашка, сдерживающая там сразу 3 или 2 его шашки»; слово рожон – кол – указывает на опасность такого положения шашки), *шпилька, «клещи», клюшка*.

Сопоставим значение слова *мельница* также в двух словарях:

Мельница

общеупотр. Предприятие, здание с приспособлениями для размола зерна. *Водяная, паровая, ветряная м.*

худ. гимн. Элемент художественной гимнастики – последовательные малые круги с предметом (предметами). *Двухтактная м. Трехтактная м.*

Аспектом отождествления здесь является характер движения сравниваемых объектов: во время исполнения элемента гимнастка совершает круговые движения руками, похожие на круговое вращение мельничного колеса.

Достаточно активен и обратный процесс – переход спортивных понятий в бытовую сферу. Большое количество слов, выражающих спортивные понятия, заимствуется общеупотребительным языком из спортивной терминологии, что объясняется популярностью спорта как вида деятельности (профессиональной и любительской). Довольно часто в речи людей, не имеющих отношение к спорту («профанов») можно услышать такие выражения: «*Я в цейтноте*» («У меня нет времени»), «*Я в нокауте*» («Я сражен кем-чем-либо»), «*Преодолеl марафонскую дистанцию*» («Преодолеl большое расстояние»), «*Мы в разных весовых категориях*» («Мы имеем разные возможности в чем-либо»), «*Мой личный рекорд*» («Мое личное достижение»), «*Финиш!*» («Конец!»), «*Дай мне фору*» («Дай мне преимущество»), «*Возьму тайм-аут*» («Сделаю перерыв»), «*Он пешка в чужой игре*» («Играет незначительную роль в чужом деле»), «*Вышли на финишную прямую*» («Завершают какое-либо дело»), «*Прошел в*

дамки» («Добился успеха в чем-либо»), «*Быть в дамках*» («Быть победителем»), «*Мы взяли старт*» («Начали какое-либо дело»), «*Он в этом деле явный аутсайдер*» («Он слабый в каком-либо деле человек»), «*Выполнил по-гроссмейстерски*» («Как свойственно большому мастеру»), «*Сделали ход конем*» («Сделали смелое, решительное действие») и так далее. Отметим, что убедительным доказательством популярности спортивной терминологии в бытовой среде является большое количество спортивных терминов в общеязыковых толковых словарях.

Таким образом, спортивная концептосфера активно взаимодействует с бытовой сферой. Это позволяет охарактеризовать ее как открытую динамично развивающуюся систему. Как показывает исследование, в центре спортивной метафорической картины мира находится человек – его тело, созданные им предметы (жилища, инструменты, утварь) и животные, которые его окружают. При этом названиями домашних животных-помощников номинируется спортивный инвентарь (предметы-помощники, без которых осуществление спортивной деятельности невозможно), а названиями диких животных – различные технические элементы (дикими животными человек просто любит, не воспринимает их в качестве помощников). Натуроморфная метафорическая модель не получила распространения в спортивной терминологии (с объектами неживой природы человек взаимодействует нечасто). Можно сделать вывод о том, что одной из характерных черт спортивной метафорической картины мира является антропоцентричность.

Список литературы

1. Блеер, А. Н. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник / А. Н. Блеер, Ф. П. Сулов, Д. А. Тышлер. – М.: Academia, 2010. – 464 с.
2. Голованова, Е. И. Отражение когнитивных механизмов перекатегоризации в терминологии / Е. И. Голованова // Научно-техническая терминология: материалы XI Международной научной конференции «Нормативное и описательное терминоведение». – М., 2006. – С. 31–33.
3. Голованова, Е. И. Явление перекатегоризации в филологической терминологии / Е. И. Голованова // Языки профессиональной коммуникации. – Челябинск, 2005. – С. 150–158.
4. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафор. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

Сведения об авторе

Минина Екатерина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.

katyjureeva@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 130–134.*

THE INTERACTION OF PROFESSIONAL AND CONSUMER SPHERES OF KNOWLEDGE (for example, sports terminology)

E. I. Minina

Chelyabinsk State University. katyjureeva@yandex.ru

Describes an interaction between the sports and household spheres of knowledge. Sports terminology borrows heavily from commonly understood language. One of the most common types of borrowing is the metaphorical transfer. Metaphor plays an important role in cognition. Indeed, two objects belonging to different spheres of operation, find a resemblance to any conceptual characteristics. The source area is a more specific knowledge of the given person empirically, that is in the process of interaction with the surrounding world, lessons learned, practice-based, while the scope targets is less specific, less certain knowledge. The reason for the metaphorical transfer is the similarity of characteristics of compared objects: form, function, location, etc. The special and the ubiquitous language layers interact with each other, there is movement in the area of common tokens from special and in the opposite direction.

Keywords: *sports terminology, term, metaphor.*

References

1. Bleer A.N., Suslov F.P., Tyshler D.A. *Terminologiya sporta. Tolkovyy slovar'-spravochnik* [Sport. Dictionary-reference Book]. Moscow, 2010. 464 p. (In Russ.).
2. Golovanova E.I. Otrazheniye kognitivnykh mekhanizmov perekategorizatsii v terminologii [Reflection of Cognitive Mechanisms of Recategorisation in Terminology]. *Normativnoye i opisatelnoye terminovedeniye* [Normative and Descriptive Terminology Issues]. Moscow, 2006. Pp. 31–33. (In Russ.).
3. Golovanova E.I. Yavleniye perekategorizatsii v filologicheskoy terminologii [Reflection of Cognitive Mechanisms of Recategorization in Terminology]. *Yazyki professional'noy kommunikatsii* [Languages of Professional Communication]. Chelyabinsk, 2005. Pp. 150–158. (In Russ.).
4. Lakoff G. Metafory, kotorymy my zhivyom [Metaphors We Live by]. *Teoriya metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 387–415. (In Russ.).
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1996. 928 p. (In Russ.).

УДК 81'25
ББК Ш1.81

Н. З. Насруллаева

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОННОТАЦИЙ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются эксплицитный и имплицитный способы выражения гендерного компонента в семантике английских фразеологических единиц, способы выражения гендерного маркера, а также семантические группы фразеологизмов, выражающие различные коннотации в зависимости от принадлежности к тому или иному полу.

Ключевые слова: *гендерный компонент, гендерный маркер, имплицитный, коннотация, колоритность, оценка, семантическая группа, фразеологическая единица, эксплицитный.*

Проблема выделения гендерного компонента в семантике английских фразеологических единиц (далее ФЕ) тесно связана со спецификой фразеологического значения. По мнению А. В. Кунина, фразеологическое значение – это инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельнооформленными единицами языка, не образующимися по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов [2].

При рассмотрении фразеологического значения берется за основу концепция семантики идиом, предложенная В. Н. Телия, в которой рассматриваются значения идиом в качестве иерархически упорядоченной модели, которая выступает в виде макрокомпонентов, образуемых семантическими «примитивами» – семантическими составляющими. По ее мнению, основными макрокомпонентами, составляющими семантическую структуру идиомы, являются:

1) дескриптивный макрокомпонент, или содержание, отображаемое в значении ФЕ; 2) оценочный макрокомпонент, обозначающий ценность обозначаемой идиомы; 3) мотивационный макрокомпонент, обозначающий образ, соответствующий действительности или несоответствующий, относящийся нереальному ее представлению; 4) эмотивный макрокомпонент, объединяющий сведения об эмотивной окраске ФЕ; 5) стилистический макрокомпонент; 6) грамматический макрокомпонент, или сведения о морфологических, синтаксических и фонетических формах идиом [4].

И. В. Зыкова выдвигает гипотезу о существовании еще одного – гендерного макрокомпонента в семантике фразеологизмов, который

взаимодействует со всеми вышеуказанными. Данный макрокомпонент, накладываясь на описание идиомы, помогает адекватно отобразить культурные понятия «мужское»/«женское». Однако сложность его анализа заключается в том, что он может быть «рассеян» по всем остальным макрокомпонентам фразеологического значения в случае отсутствия в дескрипции эксплицитной семы, указывающей на денотат мужского или женского пола. В этом случае следует проанализировать все механизмы имплицитного выражения гендерного компонента в значении ФЕ, то есть задействовать в исследовании все макрокомпоненты фразеологического значения [1].

Как правило, гендерный компонент во фразеологическом значении может быть выражен как эксплицитно – в плане выражения и в плане содержания идиомы (man of the moment – влиятельный человек; важная персона), так и имплицитно, то есть присутствовать в плане содержания, но отсутствовать в плане выражения ФЕ (bit of fluff – женщина, наделенная сексуальными особенностями; hot stuff's sexually attractive – темпераментная, любвеобильная женщина). А. В. Кунин утверждает, что имплицитность – важное средство экономичного использования языковых средств при их функционировании [2].

Исследование фразеологических единиц с гендерным компонентом позволяет представить, как раскрывается информационный текст идиомы и с какими аспектами социокультурного знания он взаимодействует, что играет огромную роль в понимании результирующего смысла фразеологизма. Гендер как социокультурная категория наиболее

лее ярко раскрывает особенности концептов «мужчина»/«женщина», а также помогает фразеологическим средствам выражения языка не только отражать, но фиксировать и передавать от поколения к поколению культурные установки и стереотипы [3].

Маркерами, указывающими на эксплицитный характер выраженности гендерного компонента в ФЕ, являются существительные, местоимения и имена собственные, указывающие на денотат мужского или женского пола: man, boy, girl, woman, lady, he, she, Jack, Tom, Mary и так далее. В таких фразеологических единицах легко воссоздать образ, заложенный в семантике, так как сам компонент указывает на гендерную отнесенность: a man for all seasons – человек на все времена; a girl Friday – надежный работник (о девушке-секретаре); brother in arms – братья по оружию.

Как показывает фразеологический анализ исследуемых единиц, наиболее многочисленной является группа фразеологических единиц с эксплицитным характером выражения. В свою очередь, наименее представительными являются группы ФЕ с имплицитным планом выражения, где гендерный компонент как бы «завуалирован» в структуре ФЕ. Однако в имплицитно выраженных гендерно окрашенных фразеологических единицах есть компонент, который «намекает», дает подсказку для раскрытия значения той или иной фразеологической единицы: skirt chaser – дословно эта ФЕ переводится как «охотник за юбками», то есть тот, кто любит волоочиться за женщинами; бес в ребро. В данном обороте уникально взаимодействуют два имплицитно выраженных компонента – skirt (юбка), то есть женщина, так как именно она носит юбку, и chaser (охотник), то есть мужчина. Данная ФЕ относится к группе, выражающей характер и поведение. К группе, выражающей внешность, можно отнести следующие имплицитные ФЕ: hot stuff – молодая сексапильная, привлекательная девушка (букв. «горячее вещество»); (as) red as a rose – с румянцем во всю щеку (букв. «красная как роза»); a slick chick – привлекательная девушка (букв. «гладкий птенчик»).

Разнообразно передают возраст такие ФЕ с имплицитно выраженным характером, как: a dolly bird – молоденькая глупышка (букв. «ку-колка-птичка»); old trout – старая карга, старая перечница (букв. «старая черепаха»); a bit of fluff – молодая женщина, девушка (букв. «немного пуха»).

Среди эксплицитно маркированных фразеологизмов самыми популярными являются фразеологизмы с компонентом, выражающим профессиональную деятельность мужчин и женщин: a boy in buttons – коридорный мальчик, мальчик-лифтер (в гостинице); a Jack of all trades – мастер на все руки; a confidence man – аферист, мошенник; a hello girl – телефонистка; a woman of letters – женщина-литератор, писательница. Эта группа является ведущей по объему, составляет почти четверть от общего количества проанализированных в работе ФЕ с гендерным компонентом.

Следующей по объему идет группа идиом, раскрывающих черты характера: smart Aleck – самоуверенный тип, наглец, нахал; have death adders in one's pocket – быть скупердяем, жадюгой; a man of his word – хозяин своему слову, о человеке, который верен своему слову; mamma's darling – маменькин сынок, дочка. Менее многочисленной является группа, основу которой составляют идиомы, определяющие отношения в семье: one's old Dutch – жена, старуха; half brother – сводный брат; like father, like son – каков отец, таков и сын.

Группа ФЕ, подчеркивающих внешность, является достаточно распространенной: as fat as alderman – толстый, как олдермен, тучный, полный, с брюшком (олдермен – член муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании); a platinum blonde – блондинка с крашеными волосами цвета платины. Группа идиом по дифференциальному признаку «образ жизни» также не скудна: a hard case – испорченный человек, гуляка, любитель веселья и приключений; keep bach (амер. жарг.) – вести холостяцкий образ жизни. Группа с дифференциальной семой «возраст» не отстает в объеме от предыдущей группы: old bloke – старикашка, старый хрыч; an unlicked cub – неуклюжий подросток, желторотый юнец; sugar daddy (жарг.) – богатый пожилой поклонник.

Группа идиом, характеризующих физическое состояние, незначительная: in the (pudding) club (жарг.) – беременная. Самой малочисленной является группа идиом, определяющих физические или умственные способности, где преобладающее большинство занимают идиомы, выражающие физические или умственные отклонения: cousin Betty – слабоумная, дурочка; Nancy boy – гомосексуалист.

Говоря об особенностях фразеологических единиц с гендерным компонентом, можно заключить, что гендерный компонент, благодаря

своей способности проявляться на всех уровнях языковой системы, передает языковую действительность и специфичную национальную культуру языка.

Фразеологизмы с компонентами женского рода тяготеют к отрицательной оценке в большей степени, чем ФЕ с компонентами мужского рода, что объясняется андроцентричностью культуры носителей английского языка. Таким образом, в английском языке преобладают ФЕ с отрицательной эмоциональной оценочностью, из них ФЕ с женской тематикой составляют большинство.

В ходе исследования были выделены семантические группы, выражающие субъективно-объективную оценку:

1) ФЕ с компонентом женского рода, характеризующие женщину отрицательно, неодобрительно, за исключением некоторых ФЕ, относящихся к матери, сестре, подруге: *fancy woman* – любовница, содержанка – с отрицательной оценкой; *a woman of the streets* – уличная девка – с отрицательной оценкой; *a girl about the town* – проститутка (букв. «девочка по городу») – с отрицательной оценкой; *the daughter of the horse-leech* – ненасытная вымогательница, кровопийца – с отрицательной оценкой; *common scold* – сварливая женщина – с отрицательной оценкой; *one's good lady* – супруга – с положительной оценкой; *Mother Superior* – игуменья, настоятельница – с положительной оценкой; *Sister Ann* – верная, преданная подруга – с положительной оценкой.

2) ФЕ с компонентом мужского рода характеризуют мужчину с разных сторон, но больше преобладает положительная и нейтральная оценка: *a hen-pecked husband* – муж, держащийся за бабью юбку – с отрицательной оценкой; *knight of industry* – проходимец, мошенник – с отрицательной оценкой; *a man of letters* – чернильный витязь (о писателе, литераторе) – с нейтральной оценкой; *sky pilot* – профессиональный летчик, крылатый всадник – с нейтральной оценкой; *the master of one's destiny (fate)* – хозяин своей судьбы – с положительной оценкой; *square John* – честный человек, о добропорядочном, благополучном и солидном человеке – с положительной оценкой; *a man of his word* – хозяин своему слову, о том, кто верен своему слову – с положительной оценкой; *honest (or old) Abe* – честный (или старый) Эйб, о честном, порядочном мужчине (по прозвищу президента Авраама Линкольна) – с положительной оценкой; *a man of courage* – храбрый,

мужественный человек – с положительной оценкой; *a made man* – человек, сам достигший прочного положения в обществе – с положительной оценкой; *a fast worker* – парень не промах, ловкач, шустрый малый – с положительной оценкой.

3) ФЕ с компонентом женского рода, характеризующие мужчину, окрашены негативно: *ladies' man* – дамский угодник – с отрицательной оценкой; *old woman* – робкий человек, «старая баба» (о мужчине) – с отрицательной оценкой; *a girl's blouse* – «базарная баба» (о скандальном мужчине) – с отрицательной оценкой; *Lizzie boy* – изнеженный, женственный мужчина – с отрицательной оценкой; *play the woman* – трусить, быть бабой, «красная девица» в значении «робкий мужчина» – с отрицательной оценкой.

4) ФЕ с компонентом мужского рода, имеющие отношение к женщине, часто негативно характеризуют женщину: *wear the trousers* – верховодить в доме, держать мужа под каблучком – с отрицательной оценкой; *a tom-boy* – девчонка-сорванец – с отрицательной оценкой; *man-eater* – женщина, использующая мужчин только ради половой связи – с отрицательной оценкой.

5) в ФЕ с компонентом женского рода, применимых к обоим полам, преобладает отрицательная оценка: *mother's darling* – маменькин сынок, маменькина дочка – с отрицательной оценкой; *dry nurse* – человек, которому поручено присматривать за другим, «нянька» – с отрицательной оценкой; *a weak sister* – человек, на которого нельзя положиться – с отрицательной оценкой.

Все проанализированные обороты с гендерным компонентом подразделяются на ФЕ: 1) с положительной оценкой; 2) с отрицательной оценкой; 3) с нейтральной оценкой. Самой большой по объему является группа ФЕ с отрицательной оценкой: выявлено 1384 ФЕ, что составляет 56 % от 2472 проанализированных гендерно окрашенных единиц, отобранных из английских идиоматических словарей методом сплошной выборки. 792 единицы положительно характеризуют мужчин и женщин, что составляет около 32 % от общего количества гендерно маркированных единиц. Самой незначительной оказалась группа ФЕ с нейтральной оценкой – 296 оборотов, в процентном отношении – 12 % от общего количества.

Как видно из примеров, мужчина зачастую ассоциируется с силой, мужеством, решитель-

ностью, хотя и обладает рядом отрицательных черт, например, мошенничеством, развязностью, склонностью к разгульной жизни и так далее. Мужчина с такими женскими качествами, как слабость, робость, плаксивость, не признается обществом. Женщина в большинстве случаев – болтливая, глупая, эмоционально неустойчивая, коварная и безнравственная личность. В редких случаях женщина вызывает восхищение – женщина-мать, порядочная жена, любящая сестра. Анализ показывает, что, несмотря на многочисленные женские недостатки, женщина в английском обществе занимает высокое положение благодаря своему профессиональному росту и продвижению по карьерной лестнице.

Интерес вызывает тот факт, что ФЕ женской тематики применяются для характеристики обоих полов зачастую с негативной стороны, а ФЕ мужской тематики характеризуют в основном только мужчин. Мужчина описывается как с отрицательной, так и с положительной стороны,

причем преобладает положительная оценка. Отметим, что «мужские» ФЕ не столь колоритны, эмоциональны и образны, как «женские».

В английском фразеологическом фонде выявлено двойное восприятие женщины: с одной стороны, женщина – святая мать, заботливая мама, порядочная жена, надежная помощница, сестра и так далее; с другой стороны, женщина – опасная, коварная, безнравственная и легкомысленная личность. В этом и заключается парадоксальность женщины. Как доказывают примеры, большая часть гендерно окрашенных ФЕ негативно характеризуют женщину, особенно ее характер, образ жизни, интеллект. Положительные оценки связаны в основном с красотой и привлекательностью, нежностью и молодым возрастом женщины.

Сравнив и сопоставив гендерные коннотации обоих полов, сделаем вывод, что «женские» фразеологизмы с негативной оценкой преобладают над «мужскими» как в количестве, так и в эмоциональной колоритности.

Список литературы

1. Зыкова, И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Зыкова. – М., 2002. – 219 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М., 1996. – 381 с.
3. Павленко, Н. А. Гендерный компонент в семантике английских фразеологических единиц / Н. А. Павленко // Филолог. трактаты. – 2013. – № 2. – С. 87–91.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 334 с.

Сведения об авторе

Насруллаева Нафиса Зафаровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Самаркандского государственного института иностранных языков, Республика Узбекистан. nafisa82@bk.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 135–139.*

A WAY OF EXPRESSING CONNOTATIONS GENDER LABELED UNITS PHRASEOLOGICAL MODERN ENGLISH

N. Z. Nasrullayeva

Samarkand State Institute of Foreign Languages, the Republic of Uzbekistan. nafisa82@bk.ru

We consider the explicit and implicit ways of expressing gender component in the semantics of English phraseological units, ways of expressing gender marker, and the semantic groups phraseology expressing different connotations depending on the membership of a particular sex.

Keywords: *gender component, gender marker, implicit, connotation, colorful, evaluation, semantic group, phraseological unit, explicit.*

References

1. Zykova I.V. *Gendernyj komponent v strukture i semantike frazeologičeskikh edinic sovremennogo anglijskogo jazyka* [Gender component in the structure and semantics of phraseological units of modern English language]. Moscow, 2002. 219 p. (In Russ.).
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka* [Course phraseology of modern English]. Moscow, 1996. 381 p. (In Russ.).
3. Pavlenko N.A. Gendernyj komponent v semantike anglijskih frazeologičeskikh edinic [Gender component in the semantics of English phraseological units]. *Filologičeskie traktaty* [Philological tracts]. Donetsk, 2013, no. 2. Pp. 87–91. (In Russ.).
4. Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvokulturologičeskij aspects]. Moscow, 1996. 334 p. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.411-2

О. Ю. Николенко

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ

Рассматривается специфика курса истории русского языка для студентов-инофонов, которая заключается в практической направленности: исторический комментарий должен способствовать прояснению современных языковых фактов, что позволит в будущем придать образовательному процессу более осмысленный и продуктивный характер. Особое внимание следует уделить истории русской культуры, отраженной в языке – это не только углубит лингвистические знания учащихся, но и даст представление о внутреннем мире носителей русского языка. Соизучение истории языка и культуры должно обязательно проходить на литературных образцах разных эпох.

Ключевые слова: *история русского языка, русская культура, русский язык как иностранный, методика русского языка.*

Подготовка квалифицированного преподавателя русского языка невозможна без освоения курса истории русского языка. Это в полной мере касается и студентов-иностранцев, обучающихся по программе бакалавриата «русский язык как иностранный». В Омском государственном педагогическом университете по такой программе обучаются студенты из Китая, Южной Кореи, Вьетнама, из некоторых стран Африки. Обучение таких студентов сопряжено с особыми трудностями: генетически и типологически их родные языки отличаются от русского, в связи с чем нет опоры на общую историю в развитии языков, общие закономерности, общие факты и даже общую графическую систему. Однако это не должно служить препятствием для диахронического изучения русского языка, хотя и требует специфической подготовки к реализации такого курса. По мнению специалистов, занимающихся с иностранными студентами, историко-лингвистическая работа способствует совершенствованию чувства языка и более глубокому проникновению в национальное языковое сознание носителей изучаемого языка [6]. Особо важным представляется историко-лингвистический цикл для будущих преподавателей русского языка.

Эффективное обучение русскому языку требует от преподавателя, в том числе инофона, знаний основных этапов и закономерностей эволюции языка, умения объяснить и систематизировать разрозненные, на первый взгляд, факты современного языка, возникшие как закономерный результат исторического развития

исходной структуры. Изучение истории языка является базой для исследования орфографии, морфемики, словообразования, морфологии, лексикологии современного русского языка. Сведения о закономерностях эволюции русского языка полезны для формирования представлений о языковых универсалиях и языковых законах, а изучение эволюции научных представлений о развитии языка формирует взгляд на науку как непрерывно развивающийся процесс. Без обращения к истории изучение русского языка рискует превратиться в заучивание большого объема необъяснимых исключений и несвязанных между собой фактов. Курс истории языка направлен на формирование у будущих преподавателей целостного представления о системной организации русского языка в его историческом развитии, что позволит в будущем придать образовательному процессу более осмысленный и продуктивный характер [1].

Иностранные студенты-филологи должны в полной мере получать исторический комментарий ко всем явлениям современного русского языка, объяснимым с точки зрения диахронии [7]. Однако в силу своей специфики предметы историко-лингвистического цикла крайне трудны для усвоения иностранными студентами, что отмечают все преподаватели [4; 5; 6; 7; 13], поэтому на первых курсах обучения учащиеся практически не получают систематических знаний об истории языка, хотя отдельные темы (место русского языка среди других языков мира, принципы русской орфо-

графии, этимология некоторых слов и так далее) освещаются на занятиях по другим дисциплинам. Кроме того, поскольку исследование закономерностей развития русского языка немыслимо без обращения к текстам, история русского языка теснейшим образом связана с такими изучаемыми на первых курсах литературоведческими дисциплинами, как русский фольклор и история русской литературы (в особенности древнерусская литература), в ходе освоения которых студенты обращаются к историческим текстам, обычно адаптированным для иноязычного читателя.

К четвертому курсу бакалавриата иностранные учащиеся уже способны овладеть не только современным русским литературным языком, но и основными методами и приемами научной работы с иноязычным для них материалом, в том числе в области диахронического языкознания. Именно на четвертом курсе студентам-иностранцам предлагается комплексный историко-филологический курс «История русского языка (для иностранных учащихся)». Этот курс рассчитан на 80 часов аудиторных занятий и состоит из нескольких тематических блоков, последовательно отражающих все традиционные научные разделы: старославянский язык, историческую грамматику, историю русского литературного языка. Курс также знакомит студентов с этимологией, диалектологией, исторической лексикологией русского языка и формирует основы научной компаративистики. К сожалению, специализированных пособий по истории русского языка для студентов-инофонов нет.

Отбор материала и методика его преподавания имеют специфический характер: изучение фактов истории должно в первую очередь иметь практическую направленность и способствовать прояснению фактов современного языка через развернутое комментирование явлений современной русской фонетики, морфологии, орфографии и др. На каждом занятии предусмотрены задания, направленные на развитие коммуникации на иностранном языке (чтение, письмо, говорение, аудирование), так как все же основная цель студента-инофона – как можно более полное, точное и свободное владение русским языком [9]. Поэтому «изучаемый материал должен иметь и коммуникативную ценность» [8 . С. 182].

Каждый тематический блок представляет собой учебный модуль, предполагающий аудиторную (лекции и семинары) и внеаудиторную

работу и заканчивающийся тестированием по изученному материалу. Курс «История русского языка (для иностранных учащихся)» включает следующие модули.

Вводный модуль. Сравнительно-исторический метод в языкознании. Место русского языка в генеалогической классификации. Основные этапы истории развития русского языка.

Славяне и славянские языки. Славянские народы на карте мира. Мифологические и религиозные воззрения славян. Происхождение славянской письменности. Деятельность просветителей Кирилла и Мефодия. Старославянский язык как первый книжный язык славян. Роль старославянского языка в истории русского языка. Признаки старославянизмов. Славянские азбуки: кириллица и глаголица. Древнейшие памятники старославянской письменности. Палеографические особенности древних памятников письменности.

Кириллица. Истоки древнего славянского алфавита. Название и звуковое значение букв кириллицы. Диграфы, лигатуры. Графические варианты, буквы-дублеты. Диакритические знаки. Числовое значение букв. Сопоставительный анализ древней кириллицы и современного русского алфавита.

Историческая фонетика. Фонетическая система древнерусского языка письменного периода (система гласных и согласных фонем, закономерности строения слога). Краткая история формирования фонетической системы древнерусского языка: праславянские процессы и их отражение в исторических чередованиях русского языка (монофтонги и дифтонги, ряды чередования гласных, история носовых, появление мягких согласных, упрощение групп согласных, полногласие и неполногласие). Дальнейшая история развития фонетической системы: фонетические процессы исторического периода развития русского языка и их отражение в современном языке (падение редуцированных и следствия этого процесса, лабиализация *e*, история фонемы «ять»). Исторические чередования в русском языке: обобщение.

Историческая морфология. Части речи в древнерусском языке (общий обзор). Имя существительное и его история (перегруппировка и унификация типов склонений, утрата двойственного числа, развитие категории одушевленности): комментарий к фактам современного языка. Другие именные части речи (имя прилагательное, имя числительное, местоимение): формирование современных пара-

дигм. Из истории наречий. Глагол и его история: грамматические категории и формирование современной системы глагольных форм.

Историческая лексикология и этимология. Пути формирования лексического состава русского языка. Хронологические пласты лексики. Исторические тематические лексические группы. Исторические изменения в слове: фонетический, морфемный, семантический уровень. Деэтимологизация. Этимологический анализ и его критерии. Восстановление гнезда родственных слов. Этимология научная и ненаучная. Этимологические и исторические словари. Этимология и орфография.

История литературного языка. Формирование и развитие русского литературного языка. Периодизация истории русского литературного языка. Языковая ситуация в Киевской Руси: язык церкви, язык летописи, язык деловой письменности. Языковая ситуация в Московской Руси: двуязычие и его преодоление, второе южнославянское влияние. Литературный язык Петровской эпохи: личность Петра Великого и смысл его реформ. Личности в истории литературного языка: теория «трех штилей» М. В. Ломоносова, новаторство Г. Р. Державина, «новый слог» Н. М. Карамзина. Роль А. С. Пушкина в истории русского литературного языка.

История графики и орфографии. Реформы русской графики и орфографии: время, причины, результаты.

Русская диалектология. Диалектное членение русского языка. Типы диалектных различий. Основные черты северного и южного наречия. Оканье, аканье. Роль говоров в истории русского языка.

Модуль «Историческая лексикология и этимология» реализуется в двух формах: концентрированной (на специальном занятии изучаются методы этимологического анализа, теоретические подходы к диахроническому анализу лексики, формируются навыки работы с историческими и этимологическими словарями) и рассредоточенной (на каждом занятии анализируются актуальные для темы лексемы, определяется их этимологическое гнездо, современные и прошлые словообразовательные связи, пути изменения значения, уточняются особенности правописания, называются фразеологизмы, в состав которых они входят). Как правило, изучается тематическая группа лексики, что соответствует основной тенденции в изучении иностранных языков. Например, на

одном из первых занятий традиционно изучаются архаические соматизмы (*чело, уста, око, перст* и так далее) и их остатки в современном русском языке (*устный, перстень* и так далее). После изучения принципов этимологического анализа работа с соматизмами может быть продолжена: определяем этимологическое гнездо *око – окно – очки* (уточнение семантического и фонетического критерия), добавляем *воочию, очевидец*, сравниваем с *окулист* (ложное сближение, попутно *окуляры, офтальмолог*), вводим новую лексику *дальнозоркий* и *близорукий* (работа со словарем, «народная» этимология), уточняем гнездо *зоркий – зрение – взирать* (исторические чередования в корне).

Фонетический комментарий в первую очередь важен для объяснения современных системных исторических чередований, приводящих к алломорфизму (*рука – ручка, махать – машет, начать – начинать, набор – набрать – наберу – набирать* и так далее). После изучения основных направлений развития фонетической системы все исторические чередования сводятся в обобщающую таблицу [3]. Особое внимание следует уделить беглости гласных в связи с историей редуцированных и чередованиями, важными для современной орфографии (например, корням с чередующимися гласными типа *зор – зар, мир – мер*). В целом исторический фонетический комментарий, как думается, должен в первую очередь ориентироваться на особенности орфографии (самый простой пример: правописание *жи – ши*). Важнейшим является орфографический, семантический, стилистический и культурный комментарий к южнославянским и восточнославянским параллелям (*гражданин – горожанин, страна – сторона, злато – золото, просвещение – свечение – свет* и так далее).

Грамматический комментарий к историческим формам представляет всегда особую трудность, поскольку полное изучение парадигм древнего словоизменения не предусмотрено, необходимо сосредоточить внимание на историческом комментировании современных фактов, занимающих исключительное положение в системе (например, изменение по родам глаголов прошедшего времени или склонение существительных на -мя), и на особенности формальной (например, окончания прилагательных мужского рода -ый (-ий) и -ой, типа *большой – малый, немой – болтливый*) и семантической (например, *горящий – горячий – горячий*) разницы в некоторых морфологических

формах. Грамматический и фонетический комментарий дополняется и работой по культуре речи (*языковой – языковой, водить – вожу и возить – вожу*, но сравни *вождение*).

Исследование закономерностей развития русского языка немыслимо без обращения к текстам. Безусловно, изучение истории языка должно обязательно проходить на литературных образцах разных эпох, что будет способствовать общепилологическому и общекультурному развитию, поэтому в каждом из этих модулей предполагается чтение и анализ текстов. На занятии могут использоваться как памятники древнерусской письменности, так и связанные с ними художественные и публицистические произведения. Так, при изучении формирования системы глагольных форм русского языка в ходе аудиторной работы с преподавателем студентам предлагается прочитать и перевести текст «Смерть Олега» (из Лаврентьевской летописи), особое внимание обращается на перевод глагольных форм и лексико-этимологический анализ существительных типа *вълхвъ, кудесьникъ*; для домашнего чтения предлагается «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина (с просмотром мультфильма); на следующем занятии проводится лексический анализ текста А. С. Пушкина, объясняются устаревшие слова и выражения, определяется их стилистическая маркированность. Особое внимание обращается на военную и смежную с ней лексику (*щит, меч, броня, поход, набег, курган, воин, воитель* и так далее), к которой дается культурологический комментарий.

Отметим, что культурологический комментарий практически всегда сопровождается лингвистическим. Выявление внутренней формы слова или фразеологизма способствует формированию представлений о развитии сознания древнего человека. Такой комментарий уместен при объяснении происхождения следующих слов и выражений: *сорок; сегодня; точить лясы; вече; прописать ижщу; иду на вы; куда Макар телят не гонял; аз; буки; веди страшат; как медведи; промышлять; летопись* и так далее.

Принцип соизучения языка и культуры последовательно реализуется на всех занятиях. В изучении истории языка должен быть усилен лингвострановедческий компонент, который не только расширяет знания студентов о русском языке, но и дает представление о внутреннем мире его носителей. Лингвострановедческие материалы неотделимы от изуча-

емого языка: в них язык выступает источником сведений об истории и культуре страны изучаемого языка [2; 11; 12]. Историко-этимологический комментарий к лексике по своей сути является лингвокультурным. Так, комментарий к прилагательному *красный* может прочертить культурно-историческую линию от древнейших времен до современности. Постоянно формируются фоновые знания о древней и современной материальной культуре славян: жилище (*истъба, хоромы – храм* и так далее), еда (*молоко – млеко*, этимология *творог, сметана, сливки*, что такое *говяда* и так далее), одежда (этимология *рубаха, косоворотка* и так далее), духовной жизни: мифологическая и христианская лексика, искусство и так далее. Чтение древних текстов идет в соответствии с хронологией «Повести временных лет» с историческим комментарием к описываемым событиям.

Особую роль играет лингвокультурный комментарий при изучении краткой истории русского литературного языка. Но, постигая другой язык и другую культуру, студент-инофон одновременно глубже познает собственный язык и собственную культуру, так как, по выражению С. Г. Тер-Минасовой, «каждое иностранное слово – перекресток культур» [10. С. 38]). Приведем несколько примеров: изучая хронологию выделения русского языка из индоевропейской семьи, студенты-китайцы готовят сообщение о хронологии китайского языка, палеографические особенности славянского письма (шире – европейского) сопоставляются с особенностями китайского, этимологический анализ слова *порох* (ср. *прах*) сопровождается комментарием об изобретении пороха, зооморфная метафора (в связи с комментарием к формам в текстах) изучается в сопоставлении русской и китайской картин мира и так далее. Предусмотрено, что студенты готовят короткие сообщения на заданную тему в сопоставительном аспекте.

Курс истории русского языка труден для студентов-инофонов. Им сложнее, чем русскоязычным студентам, подобрать родственные слова, обнаружить разрушенные этимологические связи, выделить этимологический корень. Поэтому особое значение приобретает формирование навыка работы со справочной литературой, словарями. Основная задача преподавателя – научить систематизировать исторические явления, дать образцы исторического комментария, подготовить важнейшие справочные материалы. В настоящее время ведется

работа по созданию пособия по курсу «История русского языка (для иностранных учащихся)», в котором предполагается представить все отобранные в результате практической деятельности материалы.

Список литературы

1. Борейко, Т. С. Русский язык: система и текст в историко-культурном освещении : учеб. пособие / Т. С. Борейко, О. Ю. Николенко. – Омск, 2013. – 80 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990. – 248 с.
3. Глинкина, Л. А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка / Л. А. Глинкина. – М., 2005. – 208 с.
4. Журавлева, Ю. В. Этимологический комментарий как средство оптимизации преподавания русской лексики : дис. ... канд. пед. наук / Ю. В. Журавлева. – СПб., 2000. – 160 с.
5. Зуева, О. Курс истории русского языка для иностранной неславянской аудитории: опыт преподавания / О. Зуева // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. – Вроцлав, 2012. – С. 10–22.
6. Лебедева, О. А. Методические принципы формирования чувства языка у иностранных студентов-филологов при изучении дисциплин историко-лингвистического цикла / О. А. Лебедева // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 322. – С. 204–206.
7. Матюнова, А. А. Принцип историзма при преподавании РКИ / А. А. Матюнова // Третьи чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова : сб. материалов / отв. ред. А. И. Головня. – Минск, 2009. – С. 63–66.
8. Митрофанова, О. Д. Традиционное и новое в методике преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания : сб. науч. тр. / ред.-сост. А. Н. Щукин. – М., 2006. – С. 181–189.
9. Митрофанова, О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров. – М., 1990. – 270 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.
11. Теремова, Р. М. Лингвокультурологический аспект в национально ориентированном курсе русского языка / Р. М. Теремова // Linguodidactica. – Белосток, 1998. – С. 201–204.
12. Прохоров, Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному / Ю. Е. Прохоров. – М., 1995. – 94 с.
13. Янович, Е. И. Историческая грамматика русского языка : практическое пособие для иностранных студентов / Е. И. Янович, В. Е. Квачек, Л. Р. Супрун-Белевич. – Минск, 2004. – 77 с.

Сведения об авторе

Николенко Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета.
nikolenkoolga@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 140–146.*

THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE AND THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE IN A FOREIGN AUDIENCE

O. Y. Nikolenko

Omsk State Pedagogical University. nikolenkoolga@mail.ru

The course of the History of the Russian language for foreign students (specialty “teacher of Russian as a foreign language”) is aimed at building them a holistic view of the systemic organization of the

Russian language in its historical development. It is intended to acquaint students with the essentials of historical phonology, morphology, syntax and lexis in the context of the present-day language. But the selection of the material under study and its method of teaching are very specific. 1. The course should briefly reflect all of the traditional historical-philological discipline (the Old Slavonic language, Historical grammar, History of Russian literary language, Etymology, Dialectology, Historical lexicology). 2. The study of historical facts should be action-oriented and help to clarify the facts of the modern language with detailed comment phenomena of modern Russian phonetics, morphology, spelling. 3. The study of the history of language must be based on the literary texts from different eras, which will contribute to development of philological and general cultural competences. 4. The study of the history of the language should be related with study of culture and history of Russia for provides insight into the inner world of native speakers of Russian. 5. The course should develop communication skills in a foreign language (reading, writing, speaking, listening), since the main purpose of foreign student is complete, accurate and fluent Russian.

Keywords: *history of the Russian language, culture, Russian as a foreign language, technique of Russian.*

References

1. Boreyko T.S., Nikolenko O.Yu. *Russkiy yazyk: sistema i tekst v istoriko-kul'turnom osveshchenii : uchebnoe posobie* [Russian language: system and text by historical and cultural coverage : a tutorial]. Omsk, 2013. 80 p. (In Russ.).

2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguocultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1990. 248 p. (In Russ.).

3. Glinkina L.A. *Istoriko-lingvisticheskiy kommentariy faktov sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and linguistic comment of facts of modern Russian language]. Moscow, 2005. 208 p. (In Russ.).

4. Zhuravleva Yu.V. *Etimologicheskii kommentariy kak sredstvo optimizatsii prepodavaniya russkoy leksiki* [Etymological comment as a means of optimizing the teaching of Russian language]. St. Petersburg, 2000. 160 p. (In Russ.).

5. Zueva O. *Kurs istorii russkogo yazyka dlya inostrannoy neslavyanskoy auditorii : opyt prepodavaniya* [Course on the history of the Russian language for foreign non-Slavic audience: teaching experience]. *Teoriya i praktika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [The theory and practice of teaching Russian as a foreign language]. Wroclaw, 2012. Pp. 10–22. (In Russ.).

6. Lebedeva O.A. *Metodicheskie printsipy formirovaniya chuvstva yazyka u inostrannykh studentov-filologov pri izuchenii distsiplin istoriko-lingvisticheskogo tsikla* [Methodical principles of developing of a language sense for foreign students-philologists in the study of historical-linguistic disciplines]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, no. 322, pp. 204–206. (In Russ.).

7. Matyunova A.A. *Printsip istorizma pri prepodavanii RKI* [The principle of historicism in teaching Russian as foreign]. *Tret'i chteniya, posvyashchennye pamyati professora V. A. Karpova : sb. materialov* [The third readings in memory of Professor V. A. Karpov : collection of materials]. A.I. Golovnya (ed.). Minsk, 2009. Pp. 63–66. (In Russ.).

8. Mitrofanova O.D. *Traditsionnoe i novoe v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Traditional and new methods of teaching Russian as a foreign language]. *Yazyk i kul'tura v filologicheskoy vuzovskoy nauke. Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya : sb. nauch. trudov* [Language and culture in philological university. Actual problems of learning and teaching : col. scientific works]. A.N. Shchukin (ed.). Moscow, 2006. Pp. 181–189. (In Russ.).

9. Mitrofanova O.D., Kostomarov V.G. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russian language. Moscow, 1990. 270 p. (In Russ.).

10. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, 2000. 624 p. (In Russ.).

11. Teremova P.M. Lingvokul'turologicheskiy aspekt v natsional'no orientirovannom kurse russkogo yazyka [Aspect of Linguocultural studies of national focused Russian course]. *Linguodidactica* [Linguodidactics]. Belostok, 1998. Pp. 201–204. (In Russ.).
12. Prokhorov Yu.E. *Lingvostranovedenie. Kul'turovedenie. Stranovedenie. Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Linguocultural studies. Cultural studies. Geography. Theory and practice of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1995. 94 p. (In Russ.).
13. Yanovich E.I., Kvachek V.E., Suprun-Belevich L.R. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka : prakticheskoe posobie dlya inostrannykh studentov* [Historical grammar of Russian : the practical guide for international students]. Minsk, 2004. 77 p. (In Russ.).

УДК 821.112.2
ББК 83.3(4)

О. Ю. Подъяпольская

СТРАТЕГИЯ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ «МЕДЕЯ. ГОЛОСА»

Рассматриваются приемы, с помощью которых в романе немецкой писательницы К. Вольф «Медея. Голоса» реализуется стратегия демифологизации: внутренний монолог героев в виде потока сознания, полифония, взаимодействие эпической и драматической форм, реалистичная трактовка описанных в мифе событий.

Ключевые слова: продолжение древнегреческого мифа, прецедентные тексты, аллюзия, полифония, внутренний монолог, поток сознания, эпическая форма, драматическая форма.

Роман немецкой писательницы Кристи Вольф «Medea. Голоса» написан в русле модернизма и представляет собой творческую переработку известного греческого мифа. В своем произведении писательница пытается представить проблемы современного общества через обращение к привычному материалу. Однако знакомая всем литературная форма выступает лишь в качестве строительного материала, с помощью которого создается особая реальность, во многом разрушающая природу традиционного мифа. *Актуальность* настоящего исследования, таким образом, определяется интересом к новым литературным формам, отражающим ценность индивидуального художнического видения мира.

Произведение К. Вольф представляет собой аллюзию на несколько прецедентных текстов: трагедии Еврипида и Сенеки, положивших в основу своих произведений древнегреческий миф о Золотом Руне. Иными словами, роман немецкой писательницы – это *продолжение* (термин Г. Г. Слышкина), то есть самостоятельное литературное произведение, «действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры из произведений другого автора или мифологии» [2. С. 65]. Перед читателем знакомый по первоисточникам мир, хронотоп которого создается большим количеством различного рода аллюзий. Само название романа отсылает читателя к известному источнику и призвано вызывать у него целый ряд стереотипных ассоциаций, которые, однако, в процессе прочтения романа полностью переосмысливаются.

У романа нет экспозиции. Автор сразу же вводит читателя в действие, без предыстории, без какого-либо авторского комментария, без-

условно рассчитывая на то, что миф, положенный в основу романа, знаком широкой аудитории. Так, в первой главе под заголовком «Medea» повествование ведется от имени главной героини. Медея находится в полуобморочном, бредовом состоянии после пережитого ей потрясения: проследив за царицей Меропой, в глубоком гроте она обнаруживает место тайного захоронения старшей дочери царя Креонта [3]. Действие в романе разворачивается в Коринфе, приютившем аргонавта Ясона и его возлюбленную Медею после их побега из Колхиды: «*Ruhig. Ganz ruhig, eins nach dem anderen. Besinn dich. Wo bist du. Ich bin in Korinth. Der Feigenbaum vor der Fensteröffnung der Lehmhütte war mir ein Trost, als sie mich aus dem Palast des Königs Kreons wiesen. Warum? Das kommt später*» (глава 1 «Medea») [3. С. 14].

К. Вольф воспроизводит основные сюжетные линии греческого мифа и возникших на его основе трагедий. Однако уже сама форма представления описанных в прецедентных текстах событий – полифония (многоголосье) – дает писательнице возможность развенчать существующий миф. Роман не случайно имеет подзаголовок «Stimmen» («Голоса»): писательница дает возможность участникам мифологических событий представить свою версию происшедшего, устраняясь как единственный и непрерываемый повествователь. Каждая глава романа носит имя одного из шести персонажей и представлена в виде потока сознания. Автор предпочитает, таким образом, интровертивную перспективу представления событий, обращаясь к внутреннему миру героев. Подобная форма не типична для мифа – эпической по своей природе литературной формы, характеризующейся повествованием от третьего лица, то есть нали-

чием «невидимого» для читателя всеведущего повествователя, способного проникать во внутренний мир каждого персонажа и предвидеть ход событий. Повествователи романа К. Вольф – участники мифологических событий – ограничены рамками собственной личности, не способны проникать во внутренний мир других персонажей и выступают от первого лица. Данный факт определенным образом затрудняет прочтение текста, поскольку нарушается строгая хронологичность описываемых событий, свойственная традиционной литературной форме. События в романе представлены по отрывкам воспоминаний героев, что позволяет отклоняться от строгого следования хронологии событий: обращаться к прошлому, возвращаться в настоящее героев. Кроме того, интровертивность текста сужает повествовательную перспективу, позволяя рассказчикам не вдаваться в подробности описываемых событий, ведь их монолог обращен к самим себе, владеющим полной информацией и не нуждающимся в пояснениях. Последнее обуславливает достаточно высокую имплицитность текста, восполнить которую можно обратившись к первоисточникам.

Давая возможность каждому участнику событий, описанных в мифе, высказаться, К. Вольф тем самым отказывается от однозначной и непререкаемой версии этих событий. Более того: большая часть происшедшего получает совершенно противную мифу, вполне реалистичную по сути интерпретацию. В данной связи хотелось бы также отметить, что интровертивная форма повествования, с нашей точки зрения, выбрана автором не случайно: ведь обращаясь к самому себе, человек не лжет, не притворяется, он предельно честен и откровенен в виду отсутствия наблюдателя. Данный факт создает иллюзию объективности, достоверности, позволяющей читателю поверить в искренность чувств героев и истинность представленных фактов.

В отличие от мифа центральной проблемой романа выступает не безумная любовная страсть, не ревность – основной мотив действий мифологической Медеи. Мифологическая история любви Медеи и Ясона является лишь фоном для целого ряда дискуссионных вопросов, таких как проблемы тоталитарного общества, гонения свободной личности, этические проблемы власти, трагедия эмиграции, статус женщины в обществе и др.

Основным конфликтом, развивающимся в романе, становится противостояние Медеи с

власть имущими. Это и ее собственный отец, пожертвовавший сыном ради удержания власти. Это и правитель Коринфа – царь Креонт, устранивший свою старшую дочь и распространивший в народе миф о том, что она сбежала с возлюбленным. Нежелание Медеи мириться с жестокостью и ложью и приводит ее к изгнанию как из Колхиды, так и из приютившего ее Коринфа.

Рассмотрим несколько примеров, в которых опровергаются представленные в первоисточниках факты. Так, например, сама любовь Медеи к Ясону ставится писательницей под сомнение. В интерпретации К. Вольф причиной побега Медеи из Колхиды оказывается вовсе не страсть к предводителю аргонавтов, как это описывается в древних источниках, а тщетность попыток изменить «прогнившую» политическую систему родной страны: *«Ich bin mit Jason gegangen, weil ich in diesem verlorenen, verdorbenen Kolchis nicht bleiben konnte. Es war eine Flucht»* (глава 4 «Medea») [3. С. 104].

Следует также упомянуть, что в древних текстах главной героине приписываются 3 преступления: убийство брата, дочери царя Креонта Глауки и собственных сыновей.

Так, согласно мифу, убегая из Колхиды и желая задержать преследователей, Медея и Ясон убивают ее юного брата – Апсирта [1]. Однако внутренний монолог Медеи дает читателю ясно понять, что в смерти брата она обвиняет отца, принесшего претендовавшего на престол сына в жертву: *«Unser Vater konnte mir nicht in die Augen blicken bei den Totenritualen für dich, seinen geopferten Sohn»* (глава 4 «Medea») [3. С. 104].

О невиновности Медеи в смерти брата можно также судить по другому отрывку. Медея вспоминает о том, как находит его останки разбросанными по полю безумными старухами, совершившими над ним ритуал жертвоприношения: *«Absyrtos, Bruder, bist also gar nicht tot, hab dich umsonst Knöchelchen um Knöchelchen aufgelesen auf jenem nächtlichen Acker, auf dem die wahnsinnigen Weiber dich verstreut haben, armer zerstückelter Bruder. <...> bist mir gefolgt, als Luftgebilde, als Gerücht»* (глава 4 «Medea») [3. С. 97].

Повод же обвинять Медею в убийстве дает тот факт, что, собрав останки брата, она взяла их с собой на корабль аргонавтов, покидая Колхиду с Ясоном, о чем тот и вспоминает в одной из глав романа: *«Es war ja stockdunkel, als Medea mit diesem Fellbündel im Arm an unse-*

rer Anlegestelle erschien, mehr hatte sie nicht bei sich, sie wiegte das Bündel fast wie ein Neugeborenes» (глава 2 «Jason») [3. С. 44].

По иронии судьбы Ясон не знал всей предыстории данного события. Так что он не смог даже при желании свидетельствовать в защиту Медеи. Однако даже ему обвинение кажется сомнительным: *«Es war ein trauriger Augenblick. Und wenn ich an solche Augenblicke denke, dann will ich nicht glauben, daß sie ihren Bruder getötet hat, warum denn bloß. Und eine leise Stimme in mir sagt, die glauben es selber nicht, am wenigsten Akamas <...>»* (глава 2 «Jason») [3. С. 57].

Последняя цитата содержит также намек на истинный источник проблем Медеи – Акама, первого астронома царя Креонта, желающего окончательно избавиться от свидетельницы страшной тайны Коринфа, которая может дискредитировать правителя и привести к его свержению.

Следующим преступлением Медеи считается детоубийство. Как предполагается, первым убийство сыновей Медеи приписал Еврипид [1]. К. Вольф, однако, и здесь не следует мифу. Причем свидетелем в пользу Медеи выступает даже не она сама (вернее, не в первую очередь она сама), а Леукон, второй астроном царя Креонта. На момент смерти мальчиков Медеи даже нет в городе – она изгнана жителями, которые выместили свой гнев на ее «проклятых» детях («Ihre verfluchten Kinder»). Коринфяне таким образом «очистили Коринф от этой заразы» («Korinth von dieser Seuche befreit»), считая Медею повинной во всех своих бедах: *«Die Menge verstummt, dann rufen mehrere: Wir haben es getan. Sie sind hin. Wer, fragt der Bursche. Die Kinder! Ist die Antwort. Ihre verfluchten Kinder. Wir haben Korinth von dieser Seuche befreit. Und wie fragt der Bursche mit Verschwörermiene. Gesteinigt! Wie sie es verdienen»* (глава 10 «Leukon») [3. С. 233].

Опозорить, оклеветать Медею, выставить ее ведьмой было также в интересах властителей Коринфа. Поэтому и смерть сыновей приписали Медее, объявив ее жестокой детоубийцей. Сама же Медея узнает о трагическом событии лишь через много лет от дочери своей верной спутницы: *«Tot. Sie haben sie ermordet. Gesteinigt, sagt Arinna <...> Und die Korinther sollen immer noch nicht fertig sein mit mir. Was reden sie. Ich, Medea, hätte meine Kinder umgebracht. Ich, Medea, hätte mich an dem ungetreuen Jason rächen wollen»* (глава 11 «Medea») [3. С. 236].

Следует отметить, что сомнительность предъявляемого Медее обвинения подчеркивается в выше приведенной цитате за счет использования сослагательного наклонения (Konjunktiv «hätte ... umgebracht, hätte ... rächen wollen»): «Это, оказывается, я, Медея, убила своих детей. Я, Медея, якобы, хотела отомстить Ясону за его неверность».

Дискредитировать Медею пытаются и с помощью истории, связанной со смертью младшей дочери царя Креонта – Глауки. Согласно мифу, Медея убила соперницу отравленным пеплосом, узнав, что Ясон задумал жениться на ней [1]. В романе Медея действительно дарит Глауке свадебное платье, желая ей счастья с Ясоном. Из текста романа читателю становится понятно, что версия убийства вновь сфабрикована Акамом. И данной версии под страхом смерти («sonst ist er des Todes») должен придерживаться каждый. В нижеприведенной цитате также употребляется Konjunktiv («Medea habe Glauke ein vergiftetes Kleid geschickt»). Однако в данном случае эта грамматическая форма используется в немецкоязычном тексте для передачи косвенной речи – версии происшедшего, озвученной Акамом: *«Der beherrscht jetzt das Feld. Er war es, der die Verlautbarung über den Tod der Glauke herausgab, an die sich jedermann halten muss, sonst ist er des Todes: Medea habe Glauke ein vergiftetes Kleid geschickt, ein grausiges Abschiedsgeschenk, das ihr, der armen Glauke, als sie es überzog, die Haut verbannt habe, so dass sie sich, besinnungslos vor Schmerz, Kühlung suchend in den Brunnen gestützt habe»* (глава 10 «Leukon») [3. С. 229].

В действительности же, по версии К. Вольф, принцесса покончила жизнь самоубийством. Ее поступок вполне объясним, ведь писательница представляет жизнь принцессы лишенной всякого смысла: мать забыла про свою младшую дочь после «исчезновения» ее старшей сестры Ифинои, отец не любит и даже презирает свою младшую дочь, она больна физически и душевно. Не последнюю роль сыграло разочарование в возлюбленном Ясоне, которому неприятна сама мысль о близости с ней и для которого она лишь средство доступа к власти: *«Wer sagt denn, daß ich dieser armen Glauke, wenn sie meine Frau sein wird, ein Kind machen werde. Es ist ja nicht gerade überschäumende Lust, die mich anfällt, wenn ich durch ihre unförmigen schwarzen Kleider ihre Knochen spüre. Ich sah den abschätzigen Blick der Agameda von mir zu Glauke wandern, ich*

sah, daß Glauke diesen Blick sah und ihn genauso verstand wie ich <...>» (глава 9 «Jason») [3. С. 218–219].

И, наконец, Глаука окончательно теряет связь с Медеей, по сути, заменившей ей мать и способной вылечить ее недуги. В следующем отрывке из 10-ой главы Леукон, со слов служанки Глауки, описывает, как, обманув стражников, принцесса бросается в колодец. При этом она совершенно спокойна, «как будто она теперь знает, что делать»: «*Dann sei sie auf einmal ganz ruhig geworden, als wisse sie nun, was zu tun sei <...>. Sie ging auf den Hof, hinter ihr die Magd und einige Wachen, die führte sie listig in immer engen Kreisen bis in die Nähe des Brunnens. Zwei schnelle Schritte, und sie stand auf seinem Rand. Dann einen weiteren Schritt ins Leere hinein, in die Tiefe*» (глава 10 «Leukon») [3. С. 230]. На осознанность действий девушки в приведенном отрывке указывает также наречие «listig»: «хитро, лукаво».

Невиновность Медее подкрепляется еще и тем фактом, что она вовсе не ревнует Ясона, так как у нее есть новый возлюбленный – скульптор и каменотес Ойстр, о чем свидетельствует сама Глаука: «*Mir fiel es wie Schuppen von den Augen, ich war unter Liebespaaren. Denn wenn auch Oistros und die Frau, deren Namen ich nicht nenne, sich selten berührten, ihre Blicke konnten sich nicht voneinander lösen. Ich konnte es kaum fassen: Jason war frei*» (глава 6 «Glauke») [3. С. 157]. У Медее, таким образом, нет причины мстить девушке.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что, заимствуя основную канву мифа, К. Вольф представляет знакомые читателю события в совершенно ином свете. Писательница наглядно демонстрирует реальный механизм создания мифов, когда те или иные события представляются в совершенно ином, выгодном для общества (и, в частности, для власти) свете.

Возвращаясь к рассмотрению такой яркой черты исследуемого романа, как полифония, следует отметить, что она реализуется, кроме прочего, за счет использования в качестве эпиграфов к отдельным главам, а также ко всему роману высказываний различных авторов: Э. Ленк, Сенеки, Еврипида, Платона, Р. Жирара и др. Как видим, Криста Вольф дает возможность высказаться авторам драм и других произведений о Медее. Так, эпиграф к первой главе «Medea», представляющий собой цитату из одноименной трагедии Сенеки, настраивает

читателя на восприятие Медее как женщины, характер которой формировался в страданиях, а поступки продиктованы любовью:

«Alles, was ich begangen habe bis jetzt, nenne ich Liebeswerk. Medea bin ich jetzt, gewachsen ist meine Natur durch Leiden. Seneca, Medea» [3. С. 11].

В качестве эпиграфа ко второй главе «Jason» используется высказывание греческого философа Платона, задающее определенный ракурс интерпретации действий героя, движимого тщеславием:

«Gewaltig ist der Antrieb der Männer in Erinnerung zu bleiben und sich einen unsterblichen Namen auf ewige Zeiten zu erwerben Platon, Symposion» [3. С. 41].

Неслучаен также выбор в качестве эпиграфа к роману высказывания соотечественницы, ученого-литературоведа Элизабет Ленк, которое постулирует основной подход к интерпретации романа – принцип ахронии. Суть данного подхода заключается в разрушении границ между прошлым и будущим, во взаимопроникновении эпох, в распознавании в прошлых событиях актуальных проблем современности. В частности, в следующем отрывке из высказывания Э. Ленк принцип ахронии сравнивается с русской куклой (матрешкой), позволяющей «вставить одну эпоху в другую»: «*Achronie ist nicht das gleichgültige Nebeneinander, sondern eher ein Ineinander der Epochen nach dem Modell eines Stativs, eine Flucht sich verjüngender Strukturen. Man kann sie auseinanderziehen wie eine Ziehharmonika, dann ist es sehr weit von einem Ende zum anderen, man kann sie aber auch ineinander stülpen wie die russischen Puppen, dann sind die Wände der Zeiten einander ganz nah <...>. Elisabeth Lenk»* [3. С. 5].

К еще одному приему, реализующему стратегию демифологизации в романе, следует, с нашей точки зрения, отнести взаимопроникновение эпической и драматической форм. Изложение древнегреческого мифа, с одной стороны, позволяет автору представить историю Медее как завершенную и, таким образом, создать эпическую дистанцию между читателем и описываемыми в произведении событиями, что характерно для эпических произведений. Однако, с другой стороны, своей формой роман напоминает скорее драматическое произведение, предназначенное для сценического воплощения. Так, например, в начале романа

приводится список персонажей (Stimmen) с их краткой характеристикой:

«Die Stimmen

Medea – Kolcherin. Tochter des Königs Aietes und der Idya. Schwester der Chalkiope und des Absyrtos

Jason – Argonaut, Schiffsführer der Argo

Agamede – Kolcherin. Vormals Medeas Schülerin <...>» [3. С. 7].

Кроме того, как упоминалось ранее, текст романа представлен в форме внутренних монологов героев, насыщенных экспрессивными разговорными структурами, что отражает мыслительный процесс и создает иллюзию настоящего, иллюзию соприсутствия, характерную для сценических произведений. Читатель ощущает себя со-участником событий, переживая

все происходящее глазами каждого из героев. Однако даже драматический аспект представлен не в форме традиционного сценического монолога, а, как было упомянуто ранее, в форме потока сознания. Это означает, что в романе отсутствуют реальные действия героев, есть лишь реакция на определенные действия и события, их оценка и переоценка героями, рефлексия героев по поводу этих событий.

Таким образом, с помощью стратегии демифологизации, представляющей собой своеобразную модернизацию традиционной формы мифа, К. Вольф в достаточно оригинальной форме удается привлечь внимание читателя к ряду вечных проблем человеческого общества, не потерявших свою актуальность до настоящего дня.

Список литературы

1. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Челябинск, 1981. – 464 с.
2. Слышкин, Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему / Г. Г. Слышкин // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 62–68.
3. Wolf, Ch. Medea. Stimmen / Ch. Wolf. – Luchterhand Literaturverlag, 1996. – 237 s.

Сведения об авторе

Подъяпольская Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

oljapod@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 147–152.

DEMYTHOLOGIZATION STRATEGY IN KRISTA WOLF'S NOVEL "MEDEA. VOICES"

O. Y. Podyapolskaya

Chelyabinsk State University. oljapod@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the means of realization of the demythologization strategy in K. Wolf's novel "Medea. Voices". The novel creatively re-interprets Euripides's and Seneca's tragedies, which in their turn had interpreted the ancient Greek myth of the Golden Fleece. Demythologization strategy is understood as modernization of the traditional literary form of the myth. The recognizable literary form serves only as building material used to create special reality, which in many ways destroys the nature of myth. Such means of the demythologization strategy are considered in the article as interior monologue of the characters in the form of the stream of consciousness, polyphony, interaction of epic and dramatic forms, realistic interpretation of events described in the Greek myth.

Keywords: *the Greek myth follow-up, precedent texts, allusion, polyphony, interior monologue, stream of consciousness, epic form, dramatic form.*

References

1. Kun N.A. *Legendy i mify Drevnei Gretzii* [Legends and myths of the Ancient Greece]. Chelyabinsk, 1981. 464 p. (In Russ.).
2. Slyshkin G.G. Pretzedentnyi tekst: struktura kontzepta i sposoby appelyatzii k nemu [Precedential text: structure of concept and means of appealing to it]. *Problemy rechevoi kommunikatzii: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Problems of speech communication]. Saratov, 2000. Pp. 62–68. (In Russ.).
3. Wolf Ch. *Medea. Stimmen* [Medea. Voices]. Luchterhand Literaturverlag, 1996. 237 p. (In German).

УДК 81.373.43 2
ББК 81.411.2–3

Л. В. Промах

К ВОПРОСУ О ДЕРИВАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ НЕОЛЕКСЕМ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Описывается деривационно-семантическое пространство лексических новообразований С. Д. Кржижановского. Рассматривается представление о системе словообразовательных единиц, обладающих семантической значимостью, вводится понятие деривационно-семантического блока и доминанты деривационно-семантического пространства индивидуально-авторских неолексем.

Ключевые слова: *неолексема, словообразовательное значение, словообразовательная категория, деривационно-семантическое подполе, деривационно-семантическое поле, деривационно-семантический блок, деривационно-семантическая доминанта.*

С. Д. Кржижановский известен как автор сложной и противоречивой прозы, как виртуозный мастер словесного творчества. Создание неолексем с их очевидной смысловой неоднозначностью подчеркивает художественную парадоксальность сформированного писателем мира, ключевые смыслы которого мы пытались выявить в статье «Лексические новообразования как репрезентанты художественного мира (на материале произведений С. Д. Кржижановского)» [20]. Прозаик творчески использовал возможности словообразовательного уровня языковой системы для максимальной точности номинации конструируемых им понятий, явлений, действий, признаков. Авторская лексика и ее дополнительное комментирование могут быть представлены в специальном словаре-идиоглоссарии. Идее создания последнего была посвящена статья «Словотворчество С. Д. Кржижановского: лексикографический аспект» [19]. Аспекты отбора подобного словарного материала были рассмотрены нами в статье «Лексические новообразования С. Д. Кржижановского и проблемы их выявления» [21].

Для литературных представлений С. Д. Кржижановского чрезвычайно важна их содержательная насыщенность. Философские категории, идеи, аллюзии включены автором в сюжеты особой фантомной реальности, напоминающей подлинную и в то же время принимающей черты фантазмагии, и репрезентированы самобытным языком. Считают, что традиционно в формировании семантики неолексем участвует лексическая семантика. Мы предлагаем выявить деривационно-семантические особенности авторских новообразований,

опираясь на мнение Т. В. Поповой о том, что «изучение семантики языковых единиц предполагает учет человеческого фактора в языке, поскольку любое значение основано на концептуализации мира человеком. Деривационные значения также являются одним из способов языковой категоризации мира, интерпретации понятийных категорий» [18. С. 15].

В целом, при деривационно-семантическом описании неолексикона С. Д. Кржижановского было взято за основу представление о системе словообразовательных единиц, обладающих семантической значимостью [18]. Мельчайшими элементами являются семы, которые объединяются в словообразовательные значения (СЗ). Однотипные СЗ образуют словообразовательные категории (СК), однотипные СК – деривационно-семантические подполя (ДСПП), ДСПП – деривационно-семантические поля (ДСП).

Деривационно-семантическое пространство представлено 628 новыми словами С. Д. Кржижановского, словообразовательные значения которых были сформулированы с опорой на «Русскую грамматику» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1980).

В настоящее время словообразовательное значение понимают как «общее категориальное значение слов, объединяющихся в словообразовательный тип, основанное на семантическом соотношении мотивированной и мотивирующей основ» [8. С. 184; 10. С. 84–99].

Словообразовательные значения определяют семантику производных слов и позволяют понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации вы-

делен телом знака из общего потока сведений о мире» [11. С. 23]. В деривационных значениях представлены «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [17. С. 241].

Анализ деривационной семантики производных слов позволяет охарактеризовать не только классы словообразовательных единиц, обладающих семантической значимостью (словообразовательных гнезд, цепочек, моделей, типов и подтипов), но и деривационно-семантические феномены более высокого уровня абстракции: словообразовательные категории (СК), деривационно-семантические подполя (ДСПП), деривационно-семантические поля (ДСП), деривационно-семантические блоки (ДСБ).

О возможности анализа семантического пространства через словообразовательное значение писал И. С. Улуханов: «Систему словообразования <...> можно представить в виде семантического поля, расчлененного на участки, соответствующие значениям формантов» [23. С. 131]. По мнению дериватологов, например, Е. С. Кубряковой, Т. В. Поповой и др., все русские словообразовательные значения предикатны по своей природе, поскольку опосредованно отражают различные отношения, связывающие явления объективной действительности [18]. Исследования Е. С. Кубряковой позволяют утверждать, что словообразовательное значение (СЗ) представляет собой сложное, неэлементарное, иерархически организованное образование [10].

В СЗ выделяют мельчайшие элементы смысла, семантические признаки – семы. Совокупность сем может формировать семную структуру СЗ слова. Семы имеют разную степень обобщенности, поэтому связаны между собой иерархическими отношениями. В структуре СЗ можно выделить самые общие семы, которым подчинены все другие, конкретизирующие их. Современная дериватология выделяет следующие виды сем. Самые общие семы – это семы грамматического характера (категориально-грамматические семы – КГС). Например, семы, определяющие часть речи слова: сема «предметности» у имен существительных, «действия» у глаголов, «признака» у имен прилагательных.

Более конкретными являются семы собственно словообразовательные, среди которых можно выделить семы более общие (категориально-словообразовательные – КСС) и более конкретные (дифференциальные – ДС).

Категориально-словообразовательные семы (КСС) являются важнейшими в организации СЗ слова: им подчинены все остальные менее общие семы, которые уточняют, конкретизируют их – дифференциальные семы (ДС).

Таким образом, СЗ, как и лексическое значение, складывается из макрокомпонентов и сем разных видов: «К макрокомпонентам СЗ следует отнести его сигнификативно-денативную и коннативную составляющие, к микрокомпонентам – семы разных типов: категориально-словообразовательные и дифференциально-словообразовательные» [18. С. 183]. КСС определяется по главному слову в дефиниции СЗ, ДСС – по уточняющим его компонентам. Например, в СЗ «совершать действие, названное н. м. г., не раз / один раз» КСС – это компонент «совершать действие, н. м. г.», а ДСС – «не раз / один раз» и сема субъекта, совершающего действие, н. м. г.

СЗ – единица словообразования, представляющая собой выраженную словообразовательным формантом семантическую разность между производным и производящим, которая повторяется во всех однотипных словообразовательных парах. Более емкой семантико-словообразовательной единицей является словообразовательная категория (СК).

В современной дериватологии существует множество определений и интерпретаций понятия «словообразовательная категория» (труды Н. С. Авиловой, Ю. Ю. Гайдуковой, М. Докулила, Р. С. Манучаряна, И. П. Матхановой, Г. П. Нецименко).

Для нашей работы удобно понимание СК как совокупности содержательно однотипных СЗ, свойственных дериватам одной части речи. Критерием однотипности СЗ является совпадение КСС и одной из ДСС. Например, СЗ «лицо, имеющее то, что н. м. с.» (*очкач ← очки: «Где-то уже у выхода я сшиб с ног старуху-богомолку. – Ишь, очкач, – крикнула она мне вслед. – Товарищ очкач, – поправил чей-то веселый басок и засмеялся, я тоже* («Автобиография трупа») и СЗ «лицо, названное по принадлежности к стране, н. м. с.» (*итанесиец ← Итанесиец: «Итанесийцы <...> были существами об одном, но (как говорилось уже) столь огромном ухе, что из-за уха человека не увидеть* («Итанесиец») находятся в отношениях пересечения, поскольку совпадают их КСС «лицо, имеющее отношение к предмету, н. м. с.». Но, помимо общей семы отношения, первое СЗ имеет уточ-

няющий компонент – указание на наличие у лица некоего предмета (*очки*), второе – на принадлежность лица к стране (*Итанесисэс*). Данные СЗ однотипны и входят в одну СК «лицо, имеющее отношение к предмету, н. м. с.».

СК взаимодополняют друг друга и образуют деривационно-семантическое подполе (ДСПП). Например, в субстантивное ДСПП «лицо, характеризующееся динамическим признаком» входят СК с более частными СЗ лица-производителя действия и лица-результата действия, причем мотиваторами являются глагол / причастие / наречие / союз / словосочетание / предложение. Так, СК «Лицо, производящее действие, н. м. г.» (*делатель ← делать: «После пришли делатели параграфов (»Жизнеописание одной мысли»)*), СК «Лицо, производящее действие, н. м. н.» (*авось, то есть тот, кто производит действия на авось и живет в стране авосей ← авось: «Направо идти – придешь к авосям, налево – к небосям. («Когда рак свистнет»)*), СК «Лицо, появившееся в результате действия, н. м. г.» (*оторвыши / об ожившем пальце ← оторвать: «бедные оторвыши робко постучали мизинцем в окно («Сбежавшие пальцы»)*) входят в ДСПП «лицо, характеризующееся динамическим признаком».

ДСПП объединяются в деривационно-семантическое поле (ДСП) с опорой на понятийную категорию (ПК). ПК трактуются как категории, имеющие языковое содержание и языковое выражение [3]. ПК соотносят с семантическими категориями, понимаемыми как абстрактные, содержательные (в основе своей – понятийные) категории языка, выражающиеся средствами явной и скрытой грамматики [5]. К важнейшим средствам явной грамматики относят части речи и их грамматические категории, к наиболее важным средствам скрытой – деривационные модели и контекст (лексический и синтаксический). М. В. Всеволодова отмечает, что в лингвистической науке отсутствует «общий список понятийных категорий» [6. С. 56]. К основным ПК, которые находят отражение в языке, относят действие, состояние, количество, время, место, признак и так далее.

Например, при описании субстантивного деривационно-грамматического пространства (СДПП) неолексем С. Д. Кржижановского были использованы следующие наименования для выявленных ДСП: «Лицо», «Предмет», «Действие», «Состояние», «Место», «Время». Их значение определено с учетом лексических значений манифестирующих их лексем в

МАСе: лицо – это отдельный человек в обществе, индивидуум, предмет – явление действительности, факт. Место – то, что является пространством, занимаемым каким-либо телом, а также свободным пространством, которое может быть занято кем-, чем-либо. Время – то, что является длительностью существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемое веками, годами, часами, минутами и т. п. Действие – имя существительное по глаголу «действовать», которое обозначает осуществление каких-либо действий, поступков, проявление деятельности. В последнем случае мы опирались на «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (1999).

Под состоянием понимают отражение в языке специфической формы бытия человека и мира, возникающей под воздействием внешних и/или внутренних факторов и обладающей стабильностью в течение некоторого времени [15], то есть пребывание в покое, отсутствие движения и изменения во времени как в количественном, так и в качественном отношении. В. Г. Гак отмечает, что статичностью обладают состояние, процесс, в течение которого субъект или объект не изменяется [7].

Следует отдельно пояснить, что специфической особенностью категории состояния является ориентированность на его носителей (человек, предмет, окружающий мир). При этом различают сферы существования состояния.

Во-первых, выделяют внутреннее состояние, затрагивающее внутренний мир человека, локализованное внутри него и не выходящее за рамки его телесной и духовной сферы, различая при этом физическое (физиологическое) и психическое состояния. Первая группа объединяет состояния, относящиеся к телу, организму, а также его отдельным частям и органам. К физиологическим состояниям относят состояние жизни и смерти, состояние сна и бодрствования, состояние трезвости и опьянения, состояние здоровья и болезни, определение которых основывается на словарных дефинициях, приведенных в МАСе. Физическому состоянию противопоставлены такие состояния человека, которые затрагивают его душевные переживания, чувства и эмоции, ум, рассудок, волю. Психические состояния охватывают состояние души и ума, чувственно-эмоциональную и ментальную сферы [4; 12].

Во-вторых, можно говорить о внешнем состоянии, которое присуще объекту действительности как целому [22].

В нашей работе мы разграничиваем состояние человека (физиологическое и психическое), состояние предмета и состояние окружающего мира, выделяя в ДСП «состояние» следующие ДСПП: «физиологическое состояние человека», «психическое состояние человека», «состояние окружающего мира», «состояние предмета».

Анализ выявленных СК в пределах ДСПП, ДСП, ДПП позволяет сформировать новое понятие о деривационно-семантических блоках, в которые целесообразно объединять СЗ/СК/ДСПП обладающие семей определенным содержанием, но разного статуса, например, сема «действие» может быть КСС (*выкватуринить*: «*Стараясь не шуметь, экспериментатор с остатками эссенции в руках взобрался на кровать, с кровати на шатающийся стол: оставалось выкватуринить потолок*») («Кватурин») или ДСС (*действитель*: «*в центр действия давайте не женщину, а священника; затем придайте центральному действителю значимости за счет значимостей элемента «ослиный праздник»: его можно оторвать, так сказать, от корешков, взяв одни вершки, – и затем*») («Клуб убийц букв»). Неоглагол *выкватуринить* со знач. «совершить действие с использованием того, что н. м. с., поочередно охватив все объекты или многие части одного объекта, со значительной интенсивностью» имеет КСС «совершить действие с использованием того, что н. м. с.». В СЗ имени существительного *действитель* КСС

«лицо, производящее действие» конкретизируется с помощью ДСС, фиксирующих тип мотиватора (глагол: *действитель* ← *действовать*).

Таким образом, **деривационно-семантический блок** представляет собой совокупность словообразовательных значений, которые содержат однотипную словообразовательную сему независимо от ее статуса.

Учет семантической детализации и количественная характеристика деривационно-семантических блоков неолексем С. Д. Кржижановского дадут представление о репрезентации **деривационно-семантической доминанты** в неолексиконе С. Д. Кржижановского. Последняя зафиксирует те словообразовательные смыслы, которые свойственны максимально большому количеству неолексем и которые максимально дробно структурируют смысловую область, соотносимую с данной семей.

Высокий уровень словообразовательной категоризации, иерархичность разнородных структурных элементов и введение новых понятий деривационно-семантического блока и доминанты являются важными положениями при описании деривационно-семантического пространства индивидуально-авторских слов.

Комплексное словообразовательное описание неолексем С. Д. Кржижановского по образуемому ими деривационно-семантическому пространству позволит выявить особенности словообразовательной концептуализации художественного мира автора.

Список литературы

1. Авилова, Н. С. Вид залога и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
3. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 116 с.
4. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 186 с.
5. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М.: Либроком, 2009. – 192 с.
6. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М.: МГУ, 2000. – 502 с.
7. Гак, В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В. Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.
8. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
9. Кржижановский, С. Д. Тринадцатая категория рассудка / С. Д. Кржижановский. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с.

10. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
11. Кубрякова, Е. С. Возвращаясь к определению знака: памяти Р. Якобсона / Е. С. Кубрякова // *Вопр. языкознания*. – 1993. – № 4. – С. 20–27.
12. Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.
13. Лопатин, В. В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков / В. В. Лопатин // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. – М.: Наука, 1987. – С. 46–53.
14. Манучарян, Р. С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования / Р. С. Манучарян // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. – М.: Наука, 1987. – С. 53–58.
15. Матханова, И. П. Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке / И. П. Матханова // *Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность*. – СПб.: Наука. – 2003. – 366 с.
16. Нешименко, Г. П. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования / Г. П. Нешименко, Ю. Ю. Гайдукова // *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. – М.: Наука, 1994. – С. 93–126.
17. Павиленис, Р. Язык. Смысл. Понимание / Р. Павиленис // *Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ*. – Вильнюс, 1986. – С. 212–289.
18. Попова, Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Попова. – Екатеринбург, 1998. – 473 с.
19. Попова, Т. В. Словотворчество С. Д. Кржижановского: лексикографический аспект / Т. В. Попова, Л. В. Промах // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. – 2012. – № 5 (3). – С. 97–101.
20. Промах, Л. В. Лексические новообразования как репрезентанты художественного мира (на материале произведений С. Д. Кржижановского) / Л. В. Промах // *Вестн. РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. – 2009. – № 4. – С. 57–63.
21. Промах, Л. В. Лексические новообразования С. Д. Кржижановского и проблемы их выявления / Л. В. Промах // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. – 2013. – № 2. *Филология. Искусствоведение*. Вып. 74. – С. 143–147.
22. Симанов, А. Л. Понятие «состояние» как философская категория / А. Л. Симанов. – URL: <http://www.philosophy.nsc.ru/PUBLICATION/SIMANOV/ST/SIMANOV.htm>.
23. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
24. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozuování slov / M. Dokulil. – Praha, 1962. – 263 s.

Сведения об авторе

Промах Лилия Валерьевна – старший преподаватель кафедры русского языка Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

promakhlilia@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 153–159.*

THE QUESTION OF DERIVATIONAL SEMANTIC DESCRIPTION OF THE NEW WORDS BY SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY

L. V. Promakh

*Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin,
Ekaterinburg. promakhlilia@yandex.ru*

The article is devoted to the principles of the description of the derivational semantic space of the new words by Sigizmund Krzhizhanovsky. The article considers the idea of a system of word-building units having semantic significance.

Keywords: *new words formation, word meaning derivational category, derivational semantic sub-field, derivational, semantic field, derivational semantic unit.*

References

1. Avilova N.S. *Vid zaloga i semantika glagol'nogo slova* [Type of collateral and the semantics of the verb word]. Moscow, 1976. 328 p. (In Russ.).
2. Azarh Ju.S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushhestvitel'nyh v istorii russkogo jazyka* [Word formation and formation of nouns in the history of Russian]. Moscow, 1984. 248 p. (In Russ.).
3. Bondarko A.V. *Grammaticheskaja kategorija i kontekst* [Grammatical categories and context]. Leningrad, 1971. 116 p.
4. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola* [Semantics russian verb]. Moscow, 1981. 186 p. (In Russ.).
5. Vasil'ev L.M. *Sovremennaja lingvisticheskaja semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow, 2009. 192 p. (In Russ.).
6. Vsevolodova M.V. *Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [Theory of functional-communicative syntax]. Moscow, 2000. 502 p. (In Russ.).
7. Gak V.G. *Funkcional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizacii* [Functional-semantic field predicates localization]. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Locative. Ness. Possessive. Conditionality]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.).
8. Zemskaja E.A. *Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian. Derivation]. Moscow, 1973. 304 p. (In Russ.).
9. Krzhizhanovskij S.D. *Trinadcataja kategorija rassudka* [Thirteenth category of reason]. Moscow, 2006. 640 p. (In Russ.).
10. Kubrjakova E.S. *Tipy jazykovyh znachenij. Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings. The semantics of the derived words]. Moscow, 1981. 200 p. (In Russ.).
11. Kubrjakova E.S. *Vozvrashhajas' k opredeleniju znaka: pamjati R. Jakobsona* [Returning to the definition of the mark: The memory Jakobson]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1993, no. 4, pp. 20–27. (In Russ.).
12. Levitov N.D. *O psihicheskikh sostojanijah cheloveka* [About the mental state of man]. Moscow, 1964. 344 p. (In Russ.).
13. Lopatin V.V. *Osnovnye edinicy sopostavitel'nogo opisanija slovoobrazovatel'nyh sistem slavjanskih jazykov* [Basic unit comparative description of Slavic languages word-building systems]. *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovanija slavjanskih jazykov* [Comparative study of word formation of Slavic languages]. Moscow, 1987. Pp. 46–53. (In Russ.).
14. Manucharjan R.S. *Aspekty i voprosy sopostavitel'no-tipologicheskogo izuchenija slovoobrazovanija* [Aspects and comparative-typological study of word]. *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovanija slavjanskih jazykov* [Comparative study of word formation of Slavic languages]. Moscow, 1987. Pp. 53–58. (In Russ.).

15. Mathanova I.P. Variativnost' vyskazyvanij s semaŋtikoj neprocessual'nogo sostojanija v sovremennom russkom jazyke [Variability sentences with the semantics of non-process state in modern Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Semantičeskaja invariantnost' / variativnost'* [Problems of functional grammar: semantic invariance/variability]. St. Petersburg, 2003. (In Russ.).

16. Neshhimenko G.P., Gajdukova Ju.Ju. K probleme sopostavitel'nogo izučenija slavjanskogo imennogo slovoobrazovanija [On the problem of the comparative study of Slavic name formation]. *Teoretičeskie i metodologičeskie problemy sopostavitel'nogo izučenija slavjanskih jazykov* [Theoretical and methodological problems of the comparative study of the Slavic languages]. Moscow, 1994. Pp. 93–126. (In Russ.).

17. Pavilenis R. Jazyk. Smysl. Ponimanie [Language. Meaning. Understanding]. *Jazyk. Nauka. Filosofija. Logiko-metodologičeskij i semiologičeskij analiz* [Language. Science. Philosophy. Logical and methodological and semiological analysis]. Vilnius, 1986. Pp. 212–289. (In Russ.).

18. Popova T.V. *Derivacionno-semantičeskoe prostranstvo russkogo glagola* [Derivational-semantic space Russian verb]. Ekaterinburg, 1998. 473 p. (In Russ.).

19. Popova T.V., Promah L.V. Slovtvorčestvo S.D. Krzhizhanovskogo: leksikografičeskij aspekt [Word creation S.D. Krzhizhanovskogo: lexicographical aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University of Lobachevsky], 2012, no. 5 (3), pp. 97–101. (In Russ.).

20. Promah L.V. Leksicheskie novoobrazovanija kak reprezentanty hudozhestvennogo mira (na materiale proizvedenij S.D. Krzhizhanovskogo) [Lexical neoplasms of the art world as the representant (on the material of S.D. Krzhizhanovskogo)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija* [Bulletin of Peoples' Friendship University. Series: Russian and foreign languages and teaching methods], 2009, no. 4, pp. 57–63. (In Russ.).

21. Promah L.V. Leksicheskie novoobrazovanija S.D. Krzhizhanovskogo i problemy ih vyjavlenija [Lexical neoplasms S.D. Krzhizhanovskogo problems and their identification]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 2 (74), pp. 143–147. (In Russ.).

22. Simanov A.L. *Ponjatie «sostojanie» kak filosofskaja kategorija* [The concept of “state” as a philosophical category]. Available at: <http://www.philosophy.nsc.ru/PUBLICATION/SIMANOV/ST/SIMANOV.htm>. (In Russ.).

23. Uluhanov I.S. *Slovoobrazovatel'naja semantika i principy ee opisanija* [derivative semantics and principles of descriptions]. Moscow, 1977. 256 p. (In Russ.).

24. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozv•ní slov* [Word formation in češtině 1. Theory inferring words]. Praha, 1962. 263 p. (In Czech).

УДК 811.161.1 378.02.372.8
ББК 81.2

Е. В. Радченко

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РАМКАХ ВВОДНОГО ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО КУРСА

Анализируются системы методов практической грамматики обучения русскому языку как иностранному. Целью является представление практических методов изучения категории числа имени существительного в вводном фонетико-грамматическом курсе русского языка как иностранного.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, практическая грамматика, категория числа имени существительного.*

Описание языковых единиц и их представление в целях преподавания русского языка иностранцам – это два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, речь идет об описательной грамматике, которая устанавливает правила функционирования и использования языкового материала для построения высказываний, текстов, правил их прочтения и адекватной интерпретации. С другой – речь идет о практической грамматике русского языка как иностранного, которая должна учитывать кого, с какой целью и на каком материале необходимо обучать русскому языку. Главным условием того, что иностранный слушатель сможет понимать и воспроизводить информацию на русском языке, является освоение грамматической системы.

Практическая грамматика находится в одном ряду с такими понятиями, как практическая цель обучения (цель, которая направлена на овладение языком как средством общения и приобретения умений для успешного владения языком), практические методы обучения (это общедидактические методы обучения, с помощью которых обеспечивается формирование речевых навыков и умений, необходимых для практического владения языком как средством общения), практический курс иностранного языка (учебная дисциплина, обеспечивающая формирование языковой и коммуникативной компетенций) [1].

В методике обучения русскому языку как иностранному выработались разнообразные приемы «скрытого», незаметного для учащегося усвоения грамматики, позволяющие овладеть ею через практику в речи. К разработке системы методов практической грамматики обращались ведущие специалисты отечественной

школы методики преподавания русского языка как иностранного [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

По мнению А. А. Леонтьева, изучение иностранного языка отличается от изучения большинства предметов. Конечным результатом обучения языку должны быть не приобретение теоретических знаний, не создание у учащегося системного представления о языке, а сформированность у слушателя практических навыков устной речи (говорения), письменной речи, слушания и понимания (аудирования), чтения, а также способность учащегося успешно применять эти навыки для выражения своих мыслей, понимания содержания текста, то есть для решения коммуникативных задач [6].

В. Ф. Занин высказывает ценную, с нашей точки зрения, мысль о том, что именно грамматической системой языка определяется отбор языкового материала и формы работы над ним. Все искусство преподавателя состоит в том, чтобы организовать обучение на базе строгой грамматической системы, как бы скрытой от учащегося, чтобы за счет продуманных заданий и упражнений подвести учащегося к грамматически правильно построенной русской речи [3].

Целью нашей статьи является разработка и представление практических методов изучения категории числа имени существительного в вводном фонетико-грамматическом курсе русского языка как иностранного.

Вводный фонетико-грамматический курс закладывает основы знаний о грамматической системе русского языка. Особое значение имеет логика построения всего курса, а также логика построения урока. Так, изучение русского языка начинается с имени существительного. Это объясняется тем, что, во-первых, на начальном

этапе слушателю необходимо получить представление о предметном мире. Во-вторых, имя существительное считается центральной частью речи русского языка, с которой связаны все остальные знаменательные части речи. С ним согласуются имена прилагательные, притяжательные и определительные местоимения, имена числительные. К имени существительному примыкают наречия. Им управляет глагол. Следовательно, имя существительное является основой успешного изучения других частей речи и условием быстрого перехода от слова к словосочетанию и предложению. Так у слушателя начинает формироваться навык речевого высказывания.

Также важным условием успешного изучения русского языка является последовательность изучения грамматических категорий и форм. Категория числа придает имени существительному значение количественной определенности предметов, обладающих признаками, выраженными родом. Изучение категории числа имени существительного начинается на первых уроках вводного фонетико-грамматического курса. В русском языке большинство имен существительных обладают формами единственного и множественного числа. Не образуют форм множественного числа вещественные, собирательные и отвлеченные имена существительные.

Одним из недочетов в работе преподавателя русского языка как иностранного является подробное описание грамматического явления и неумение сконцентрироваться на главном. Успешному освоению грамматического материала способствует выявление грамматических закономерностей с привлечением простых примеров употребления той или иной грамматической формы.

Так, изучение категории числа начинается с имен существительных мужского и женского рода, имеющих в форме множественного числа окончание -ы. Эту грамматическую модель эффективно вводить при помощи таблицы:

Он	Они
завод	заводы
Она	Они
машина	машины

На последующих этапах выявленную грамматическую закономерность нужно закреплять при помощи простых тренировочных упражнений.

1. Скажите, каким местоимением можно заменить данные слова.

ОН ОНА ОНО ОНИ

1. группа; 2. завод; 3. слово; 4. дорога; 5. комнаты; 6. город; 7. масло; 8. фотоаппарат; 9. машина; 10. молоко; 11. столы; 12. погода; 13. клуб; 14. классы; 15. окно; 16. лампа.

На следующем этапе необходимо приступить к формированию речевой и коммуникативной компетенций. Для этого необходимо постоянно работать с текстом, фразой, в которых употребляются изучаемые грамматические модели.

Следующим этапом является изучение множественного числа имен существительных среднего рода:

Оно	Они
письмо	письма
здание	здания

После усвоения и отработки образования форм множественного числа и имен существительных среднего рода изучаются имена существительные мужского рода, имеющие в форме множественного числа окончание -и:

Он	Они
журнал	журналы
урок	уроки
флаг	флаги
врач	врачи
нож	ножи
карандаш	карандаши
плащ	плащи
словарь	словари

На следующем этапе изучаются имена существительные женского рода, имеющие в форме множественного числа окончание -и:

Она	Они
комната	комнаты
станция	станции
рубашка	рубашки
подруга	подруги
тетрадь	тетради

Важным принципом практической грамматики является изучение грамматической категории с учетом трех составляющих: язык – речь – коммуникация. Опыт преподавания русского языка свидетельствует о том, что неэффективным является заучивание слов списком. Намного продуктивнее изучение слов

в речевой ситуации. Широкое использование текстов для обучения всем видам речевой деятельности, обильная речевая практика дают богатейший материал для овладения русским порядком слов по аналогии.

Примерами упражнений на отработку множественного числа в речевой модели могут быть следующие:

1. Читайте диалоги. Вставляйте он/она/оно/они.

Образец: – Книги тут?

– Да, вот ...

2. Читайте тексты.

Это шкаф. Тут куртки и шуба. Вот шапки и шарфы. Тут рубашки и кофты. А вот зонт и сумка.

Изучение образования категории числа имени существительного целесообразно совместить с изучением образования форм притяжательных местоимений *мой, твой, наш, ваш*. Так в речь вводится модель *мой дом, моя комната, мое окно, мои учебники* и так далее.

Примерами упражнений на отработку названной речевой модели могут быть следующие.

1. Пишите по образцу.

Образец: Это мой кот. Это мои коты.

Мой, мои

Лимон, лимоны, шарф, шарфы, зонт, зонты, сумка, сумки.

2. Вставьте нужное слово.

Мой – мои или твой – твои.

1. – Здравствуй, Виктор!

– Здравствуй, Лариса! Это _____ зонт?

– Да, _____.

2. – Здравствуй, Антон!

– Здравствуй, Борис! Это _____ часы?

– Да, _____ часы.

Из всего сказанного можно сделать следующее заключение. При обучении русскому языку как иностранному осознание грамматических явлений – обязательное условие скорейшего овладения языком. Практическая грамматика в обучении русскому языку как иностранному представляет собой системное описание грамматических категорий и методики их преподавания. В методике обучения русскому языку иностранцев выработались разнообразные приемы «скрытого», незаметного для учащихся усвоения грамматики, позволяющие овладеть ею через практику в речи. В связи с чисто практическими целями обучения русскому языку иностранцев в методике выдвигается конкретное требование: построить систему обучения на основе практической грамматики, обеспечить учащимся понимание языковых закономерностей путем систематизации и классификации материала.

Важнейшими аспектами русской грамматики, которые необходимо учитывать в практике преподавания русского языка как иностранного, являются следующие:

1) рассмотрение языковых явлений в системе, в их взаимосвязи;

2) опора в процессе преподавания на неразрывное единство языка и речи и в первую очередь на структурно-речевую единицу – предложение;

3) выявление специфики русского языка с учетом его соотнесенности с другими языковыми системами.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Акишина, А. А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – М., 2008. – 256 с.
3. Занин, В. Ф. Просто грамматика / В. Ф. Занин // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. – М., 2009. – С. 261–335.
4. Капитонова, Т. И. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. Шукин. – М., 2009. – 312 с.
5. Крючкова, Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Л. С. Крючкова, Н. В. Мощинская. – М.: Флинта, 2009. – 480 с.
6. Леонтьев, А. А. Психолого-педагогические основы обновления методики преподавания иностранных языков / А. А. Леонтьев // Серия материалов школы-семинара «Создание единого пространства системы образования». – М., 1998. – 240 с.
7. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М., 1965. – 245 с.

8. Метс, Н. А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев / Н. А. Метс. – М., 2010. – 256 с.
9. Хавронина, С. А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке / С. А. Хавронина, О. А. Крылова. – М., 1989. – 100 с.
10. Щукин, А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном / А. Н. Щукин. – М., 2012. – 784 с.

Сведения об авторе

Радченко Елена Вадимовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Института международного образования Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательский университет), г. Челябинск.
rad-ev@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 160–164.*

THE STUDY OF THE CATEGORY OF NUMBER OF THE NOUN IN THE INTRODUCTORY PART OF THE PHONETIC-GRAMMAR COURSE

E. V. Radchenko

South Ural State University, Chelyabinsk. rad-ev@mail.ru

The article is devoted to analysis of the methods of practical grammar teaching Russian as a foreign language. The goal is to present practical methods for studying the categories of number of the noun in introductory phonetic grammar course of Russian as a foreign language. In studying Russian as a foreign language awareness of grammatical phenomena is an obligatory condition of fastest language acquisition. Practical grammar in teaching Russian as a foreign language is a systematic description of grammatical categories and teaching methods. In the methods of teaching Russian language for foreigners there is a variety of techniques that «hidden», imperceptible for students that mastering grammar, which allow to acquire it through practice in speech. In connection with purely practical purposes of teaching Russian as a Foreign Language there is a specific requirement in the method: to build a system of education based on practical grammar, to provide students with understanding of the language laws by systematization and classification of the material.

Essential aspects of Russian grammar that must be considered in the practice of teaching Russian as a foreign language are the following:

- 1) to consider linguistic phenomena in the system, in their relationship;
- 2) to base in the teaching on the indissoluble unity of language and speech, primarily on the structural unit of speech - a proposal;
- 3) to identify the specifics of the Russian language because of its correlation with other language systems.

Keywords: *Russian as a foreign language, practical grammar, category of a noun.*

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov)* [Dictionary methodological terms (the theory and practice of teaching languages)]. St. Petersburg, 1999. 472 p. (In Russ.).
2. Akishina A.A., Kagan O.E. *Uchimsya uchit'. Dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Learning to teach. For the teacher of Russian as a foreign language]. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.).
3. Zanin V.F. *Prosto grammatika* [Just grammar]. *Zhivaya metodika dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Live methods for teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 2009. Pp. 261–335. (In Russ.).

4. Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shchukin A.N. *Metody i tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Methods and techniques of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 2009. 312 p. (In Russ.).
5. Kryuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. *Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Practical methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 2009. 480 p. (In Russ.).
6. Leontyev A.A. *Psikhologo-pedagogicheskiye osnovy obnoveniya metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Psycho-pedagogical bases update methods of teaching foreign languages]. *Seriya materialov shkoly-seminara «Sozdaniye yedinogo prostranstva sistemy obrazovaniya»* [A series of materials school-seminar “Creating a common space of education”]. Moscow, 1998. 240 p. (In Russ.).
7. Leontyev A.A. *Slovo v rechevoy deyatel'nosti. Nekotoryye problemy obshchey teorii rechevoy deyatel'nosti* [Word in speech activity. Some problems of the general theory of speech activity]. Moscow, 1965. 240 p. (In Russ.).
8. Mets N.A. *Trudnyye aspekty russkoy grammatiki dlya inostrantsev* [Difficult aspects of Russian grammar for foreigners]. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.).
9. Khavronina S.A., Krylova O.A. *Obucheniye inostrantsev poryadku slov v russkom yazyke* [Education of foreigners order of words in the Russian language]. Moscow, 1989. 100 p. (In Russ.).
10. Shchukin A.N. *Obucheniye rechevomu obshcheniyu na russkom yazyke kak inostrannom* [Education speech dialogue in Russian as a foreign language]. Moscow, 2012. 784 p. (In Russ.).

УДК 371.011
ББК 74.200.507

Ю. В. Сорокина

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЛЕКЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются примеры реализации частотных тактик стратегии самопрезентации в современном российском лекционном дискурсе. Приводится список факторов, влияющих на использование тактик коммуникативной стратегии самопрезентации. Подробно рассматривается влияние внешних факторов при выборе тактик стратегии самопрезентации в российской лекционной интеракции.

Ключевые слова: *тактики, стратегия самопрезентации, лекция, российский лекционный дискурс, внешние факторы.*

Современная российская лекция как вид коммуникации представляет собой комплексное явление, в котором сосредоточены характеристики различных видов дискурса: от индивидуального бытового и бытийного до академического монологического институционального. Причинами этому служат условия протекания лекционного взаимодействия: большая продолжительность, строгая заданность темы и необходимость максимального контакта коммуникантов с целью эффективной передачи информации слушателям и усвоения знаний реципиентами и так далее.

Лекционная коммуникация подразумевала и до сих пор интенционально направлена на трансляцию знания от лектора к слушателям, но в современном российском образовательном пространстве лекция все чаще проходит по принципу сотрудничества аудитории и оратора, что предполагает обратную связь участников общения, равно как авторский подход к ведению лекции со стороны преподавателя. В результате демократизации лекционного общения лектор может предложить студентам знания на материале актуальных для студента объектов и явлений на понятном этим студентам языке, провоцируя дискуссию на уровне бытийной интеракции. Если лектор – личность, увлеченная своим предметом, то изложение материала может идти по линии персональных рассуждений оратора по проблематике лекции, что по стилевой окраске и прагматической наполненности больше напоминает бытийный дискурс, особенно если предмет лекции переключается с предметом личного научного исследования преподавателя. Таким образом, в настоящее время лекция приобретает больший

диалогический характер, что связано с качеством и способом предъявления информации, ведет к активизации познавательной деятельности слушателей и в свою очередь расширяет возможности и диапазон самопрезентации оратора.

Важным личностно-профессиональным качеством лектора является способность к эффективной самопрезентации, формированию имиджа. Успешная самопрезентация основана на выполнении ситуативных требований и общих ожиданий коммуникантов. Анализируя языковые стратегии формирования имиджа профессионала, необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, влияющие на процесс институциональной коммуникации.

Стратегия самопрезентации попадала в фокус внимания многих исследователей (О. С. Иссерс, Н. В. Жуков, А. Адлер, П. А. Бороздина, Т. А. Кубрак, Е. Goffman, A. Steinhilber и др.), но не рассматривалась подробно в рамках лекции как жанра педагогического дискурса.

Цель настоящей статьи заключается в описании коммуникативно-прагматических средств, реализующих коммуникативную стратегию самопрезентации в российских лекциях. Достижение цели ставит перед собой решение ряда задач: охарактеризовать феномен речевого воздействия через лингвопрагматические признаки коммуникативной стратегии самопрезентации в рамках педагогического дискурса; описать коммуникативные тактики, конституирующие данную стратегию. Материалом анализа является корпус российских лекций, отобранных приемом сплошной выборки.

В данной работе рассматриваются 10 лекций по лингвистике, истории и педагогике.

На выбор стратегии самопрезентации при адаптации к ситуации общения влияют несколько факторов: личностные качества (психологические), межличностные (внутри-) характеристики и ситуационные, относящиеся к внешним факторам. Данные факторы тесно связаны между собой и зависят от поставленных целей и способов их достижения [7].

Первым уровнем при анализе стратегии самопрезентации, на котором мы и остановимся, можно считать описание *внешних факторов*, определяющих ее использование: 1) социальные и культурные нормы; 2) взаимодействие между аудиторией и ожиданиями говорящего; 3) качества участников; 4) ценности; 5) поведение слушающих; 6) информация о говорящем.

Известно, что ожидания говорящего формируются под влиянием социальных норм, культурного контекста, личностных качеств, опыта и основываются на умении соотносить желания говорящего с желаниями аудитории. Межличностное взаимодействие также относится к внешнему фактору и влияет на использование стратегии и соответствующих тактик самопрезентации. Говорящий, демонстрирующий элитарность, власть и статусность, склонен получать одобрение со стороны слушающих и, с другой стороны, меньше нуждается в одобрении аудитории ниже его по статусу. Характеристики аудитории также важны для говорящего и определяют использование определенных тактик коммуникативной стратегии самопрезентации. Ценности аудитории имеют влияние на выбор тактик самопрезентации. Принимая во внимание все характеристики аудитории, лектор выбирает те качества и особенности, которые будут ей одобрены и положительно оценены. Социальные нормы общества требуют координирования самопрезентации человека с поведением окружающих. Формирование впечатления о говорящем зависит от того, как его оценит аудитория в данный момент и в будущем. Часто информация о говорящем ограничивает его усилия в создании желаемого образа и сокращает количество используемых тактик самопрезентации. Существующий образ оратора также влияет и на использование стратегии, так как известно, что человек, пытающийся приуменьшить или не акцентировать свои достижения (известные слушателям) производит более благоприятное впечатление в русской лингвокультуре.

В разных социальных контекстах человек реагирует на окружающую среду в зависимости от его цели и состояния. Поэтому, говоря о стратегии самопрезентации, необходимо затронуть не только влияние на нее качеств человека, но и условия ее реализации. Роль ситуации общения огромна, и если не брать ее во внимание, то можно минимизировать и роль самого говорящего.

Социальная роль также предопределяет ожидания аудитории [10]. Многие социальные роли характеризуются определенными качествами, например, успешность социальной роли «начальника» зависит от его умения создать образ успешного лидера и так далее. Неудача в транслировании определенной социальной роли может привести к неудачной самопрезентации или даже к потере возможности представлять ее в дальнейшем [2]. Таким образом, оратор пытается сделать все зависящее от него, чтобы соответствовать общепринятым канонам, касающимся социальных ролей и ожиданий аудитории.

Исследования в области межкультурной коммуникации показывают, что некоторым культурам, в том числе русской, не свойственна публичная оценка и демонстрация положительных качеств говорящего. Так, западная культура манифестирует явную демонстрацию своих положительных качеств, в отличие от восточных культур, склонных к их вуалированию и, соответственно, использованию тактики самоуничтожения. В ходе анализа реализации стратегии самопрезентации с точки зрения внешних факторов ее использования в современном российском лекционном дискурсе нами были отмечены самые частотные тактики: тактика *заискивания* и тактика *саморекламы*.

Тактика *заискивания* состоит в демонстрации доброжелательного, мягкого отношения к собеседнику, похвалы, согласия с ним и т. п. Ее цель – удовлетворение других, причем акцент делается на быстрый результат. Данная тактика проецирует желательное для данной ситуации поведение, которое часто не совпадает с реальными взглядами и мнением говорящего. Эта тактика распространена в организациях с высокой иерархией власти и дает возможность «выжить» в условиях конкуренции [9]. Иногда сложно разграничить обычное поведение и заискивание, так как каждый человек хочет понравиться окружающим, только истинный мотив может быть доказательством искренне-

го или неискреннего поведения. Тем не менее тактика «заискивания» может не только быть успешно применена, но и привести к неудачной, наигранной и неестественной коммуникации. В последнем случае реакция слушающих может ухудшиться, а оратор – прослыть манипулятором и льстецом. Следующие факторы могут определить необходимость использования данной тактики: мотивационный компонент определяет, насколько важно говорящему понравиться аудитории, где принимается во внимание и фактор социальной ситуации; когнитивный компонент определяет успешность использования тактики; этический фактор говорит о соответствии данной тактики ситуации общения. Анализ практического материала показывает, что эффективность данной тактики зависит от вида «заискивания», явности, направленности и качества аудитории (статуса).

Один из способов реализации данной тактики заключается в выражении мнений, идей, принятых в данной целевой аудитории (*Конечно, вы правы; У нас принято считать, что...; Да, это близко к тому, о чем мы говорим...*). Согласие с мнением большинства делает оратора «своим», близким по духу и разделяющим взгляды, так как мы склонны любить и принимать тех, кто придерживается нашего мнения. Мнением большинства может считаться в данном контексте определенная позиция, точка зрения факультета, университета, принадлежность к какой-то научной школе и так далее.

Говоря о российском лекционном дискурсе, нужно отметить, что чаще всего данная тактика, с одной стороны, реализуется через использование местоимения *МЫ* при отождествлении себя с группой ученых, разделяющих такую же точку зрения, и, с другой стороны, приближает слушающих к общепринятой позиции, вовлекает их в «свой» круг (*Мы с вами сейчас убедимся...; Зачем же нам нужна история?...; Допустим, мы согласимся...*). Использование данной тактики часто наблюдается во время дискуссии или интерактивной части лекции, при ответах на вопросы аудитории. Хочется подчеркнуть, что тактика «заискивания» в российском лекционном дискурсе более распространена именно в случаях «неравного» статусного общения (общение с человеком выше по положению, статусу, научным достижениям, с большим опытом) и дает возможность «выжить» в условиях конкуренции. В нашем случае примером может являться лекция для коллег (*Да, да...; Да, Вы правы...; Соглашусь...*).

Следующим способом реализации тактики «заискивания» в лекционном дискурсе является преувеличение значимости слушающих. Это обычно проявляется в желании быстрее расположить к себе аудиторию, искусственно поднять самооценку слушающих (*Вы, конечно же, знаете...; Я слышал, вы в курсе...; Вы все об этом читали...*) и является естественным проявлением уважения к аудитории.

Другой формой выражения данной тактики является комплимент. Согласно нормам поведения мы должны реагировать комплиментом на комплимент, что, несомненно, выгодно с позиции дальнейшего одобрения говорящего (*С вами очень приятно работать...; Вы моя самая любимая аудитория...*).

Тактика может быть успешным способом оказания социального воздействия, однако не следует забывать о том, насколько успешно будет ее использование в зависимости от ситуации и целевой аудитории.

Тактика *саморекламы* предполагает демонстрацию знаний, достижений, опыта, чтобы выглядеть компетентным и знающим в глазах окружающих. Тактика может быть отрицательно воспринята в традиционной русской культуре, которой не свойственно акцентировать внимание на своих успехах, и может быть воспринята как хвастовство, самодовольство и тщеславие. Данная тактика часто делится на тактику *достижений, развития, преодоление трудностей* [9]. Тактика достижений проявляется в описании своего вклада в какое-либо успешное дело (*Мы принимали участие в организации этой конференции...; Я помог им успешно завершить работу...*). Тактика развития подчеркивает вклад говорящего в преувеличенно положительный исход какого-нибудь события. Тактика развития реализуется в том случае, если успешному событию, в котором принимал участие говорящий, придается большая значимость, чем это есть на самом деле (*Конечно, это было для нас большим событием...; Мы пригласили самого известного профессора...*).

Тактика вербализуется лексемами с положительной семантикой, характеризующими говорящего с выигрышной стороны: *успешный, профессиональный, хороший*. Также используются прилагательные в превосходной степени: *лучший, самый успешный, самый сильный, новейший* и т. п.

Личное местоимение «Я» используется в российском лекционном дискурсе редко, толь-

ко в случае перехода на менее официальный стиль общения и обычно меняется на формы пассивного залога или местоимение «мы», более приемлемые варианты для русской культуры официального общения.

В данном случае говорящий преследует одну цель – он ищет одобрения и похвалы со стороны слушающих. Если говорить об эффективности, то нужно обращать внимание на ситуацию, предшествующую моменту говорения. Если говорящий пытается исправить, скорректировать не очень благоприятное мнение о себе, то ему удастся это сделать при помощи данной тактики и к ней часто прибегают в условиях статусного общения. Если же говорящий использует ее для большего восхваления себя, то в русской лингвокультуре эффект будет противоположный – недоверие, отторжение и обвинение в бахвальстве, так как скромность всегда считалась достоинством в ситуации равной или более высокой по статусу аудитории. В ситуации же с менее статусной аудиторией (студенты), данная тактика широко применяется и призвана именно сформировать образ профессионала.

Итак, современный российский лекционный дискурс является одним из самых значимых типов институционального дискурса. Реализуемая в нем стратегия самопрезентации характеризуется влиянием различных факторов, среди которых внешние факторы играют немаловажную роль и отвечают за выбор определенной наиболее эффективной тактики. Чем значимее цели оратора, тем выше должна быть мотивация, чем выше мотивация, тем больше внимания должно уделяться стратегии самопрезентации. Попытка выделения и анализа коммуникативной стратегии самопрезентации в лекции как жанре педагогического дискурса на основе реализуемых в лекциях языковых средств расширяет представление о современной лекции. Изучение способов реализации стратегии самопрезентации и последующий сопоставительный анализ дискурсов разных лингвокультур может послужить основой формирования модели более эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М., 2006. – 304 с.
2. Гоффман, И. Представление себя другими в повседневной жизни / И. Гоффман. – М., 2000. – 304 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Картелева, Л. И. Вербализация концепта Self как самопрезентация языковой личности в дискурсе / Л. И. Картелева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. – 2007. – № 4. – С. 173–178.
5. Кубрак, Т. А. Самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т. А. Кубрак. – М., 2009. – 26 с.
6. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П. Б. Паршин // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – 270 с.
7. Baumeister, R. F. Self-presentation motivations and personality differences in self-esteem / R. F. Baumeister, D. M. Tice, D. G. Hulton // Journal of Personality. – 1989. – Iss. 3. – P. 547–579.
8. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.
9. Jones, E. E. Toward a general theory of strategic self-presentation / E. E. Jones, T. S. Pittman // Psychological perspectives on the self. – 1982. – № 1. – P. 231–262.
10. Leary, R. M. June Price Tangney. Handbook of Self and Identity / R. M. Leary. – The Guilford Publications, Inc., 2003.

Сведения об авторе

Сорокина Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

sorokinateacher@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 165–169.

TACTICS OF SELF-PRESENTATION STRATEGY IN THE RUSSIAN LECTURE DISCOURSE

J. V. Sorokina

Chelyabinsk State University. sorokinateacher@mail.ru

The article describes the examples of most frequent tactics of self-presentation strategy applied in the current Russian lecture discourse. It provides the list of factors which influence the choice of tactics. Particular attention is given to the outer factors which play the leading role in selecting the most effective tactics in the Russian lecture interaction: cultural norms, interaction with the audience, the audience characteristics, values, behaviour of the audience, information about the speaker.

Analysis of the lecture discourse shows that from the point of view of outer factors the Russian lectures are marked by the frequent usage of ingratiation and self-promotion tactics. The ingratiation tactics is mostly employed with high status audience (colleagues and authorities) while the self-promotion tactics is common with equal or lower status audience (for example, students). The results state the fact that the Russian lecturer illustrates low level of his positive qualities public demonstration which is proved by vast research in intercultural communication but the target audience characteristic features (outer factor) make the speaker vary the choice of more effective tactics.

Keywords: *tactics, self-presentation strategy, lecture, Russian lecture discourse, outer factors.*

References

1. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategy and tactics of the Russian language]. Moscow, 2006. 304 p. (In Russ.).
2. Goffman I. *Predstavleniye sebya drugimi v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow, 2000. 304 p. (In Russ.).
3. Karasik V.I. O tyпах discursa [About types of discourse]. *Jazikovaya lichnost: institucionalnyy i personalnyy diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000. Pp. 5–20. (In Russ.).
4. Karteleva L.I. Verbalizatsiya kontsepta Self kak samoprezentatsiya jazikovoy lichnosti v diskurse [Self verbalization of the concept as a self-presentation of the language person in the discourse]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2007, ser. 19, no. 4, pp. 173–178. (In Russ.).
5. Kubrak T.A. *Samoprezentatsiya subjekta v verbalnoy kommunikatsii* [Self subject to verbal communication]. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.).
6. Parshin P.B. Rechevoye vozdejstviye: osnovniye sfery i raznovidnosti [Speech influence: the main areas and types of advertising]. *Reklamnyy tekst: Semiotika i lingvistika* [Advertising text: Semiotics and Linguistics]. Moscow, 2000. 270 p. (In Russ.).
7. Baumeister R.F., Tice D.M., Hulton D.G. Self-presentation motivations and personality differences in self-esteem. *Journal of Personality*, 1989, iss. 3, pp. 547–579.
8. Harris Z. Discourse analysis. *Language*. 1952, vol. 28, no. 1, pp. 1–30.
9. Jones E.E., Pittman T.S. Toward a general theory of strategic self-presentation. *Psychological perspectives on the self*, 1982, vol. 1, pp. 231–262.
10. Leary R.M. June Price Tangney. *Handbook of Self and Identity*. The Guilford Publications, Inc. 2003.

УДК 81-11
ББК 81

Е. И. Стебунова

ЯЗЫК МОДЕРНИЗАЦИИ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА? ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Современное российское общество находится в состоянии активных перемен. Модернизационные процессы затрагивают не только политическую и экономическую структуру социума, но и социальную, культурную и даже морально-нравственную стороны развития и жизни общества. Трансформация социокультурных стереотипов, закрепленных в морально-нравственных нормах, ценностных системах, культурных метафорах, гендерных стереотипах является обязательным атрибутом модернизации современной матрицы бытия. Эти преобразования должны иметь разнонаправленный характер, затрагивая в том числе и глубинные пласты социальной, культурной, гендерной и психологической жизни общества. С этой целью необходимо обратить внимание на систему языка и ее использование в социокультурной картине мира, а также роль языка в формировании гендерной матрицы современного российского социума.

Ключевые слова: социальная зрелость личности, гендерная социализация, гендерная стереотипизация, гендерные исследования, гендерная асимметрия общества, гендерно маркированный язык.

С развитием демократии и распространением принципов открытого общества одной из важнейших социально-культурных задач становится преодоление всех видов дискриминации и подавления свободного развития личности, в том числе и по признаку пола. Несомненно, образование в этом процессе должно сыграть одну из важнейших ролей. В демократических странах активно развиваются учебные программы по женским и гендерным исследованиям, а использование гендерного подхода в социологическом познании уже давно стало социальной нормой.

Гендер рассматривается как один из базовых принципов социальной стратификации. В каждом развитом демократическом обществе стоит задача преодоления гендерной иерархии или ее трансформации, так как без этого невозможно само явление демократии и поддержка прав человека. Гендер рассматривается в структуре современного гуманитарного знания как социальный и культурный феномен, позволяющий оценивать уровень социальной зрелости личности.

Социальная зрелость понимается как интегральная характеристика личности, свидетельствующая о качестве процесса ее социализации, осознания своего места в мире, адаптации к изменяющимся условиям жизни, стремлению активно положительно влиять на события, явления, процессы, происходящие в социуме,

изменяя себя и свое окружение. В процесс интеграции включены все члены общества, все социальные общности независимо от возраста, образования, состояния здоровья, этнической и социальной самоидентификации, социального статуса. Вместе с тем реальная практика демонстрирует постоянную или спорадическую изоляцию некоторых социальных групп, их маргинализацию и даже эксклюзию [5].

Безусловно, наиболее значимыми компонентами социальной зрелости личности выступают такие личностные компетенции, которые позволяют оценить уровень развитости субъекта. В число таких личностных компетенций входит и гендерная самоидентификация субъектов любого социума, закрепленная в языковой системе, принятой в данном социальном сообществе, и отраженная в индивидуальной речевой системе отдельного индивида, являющейся своеобразной калькой закрепленных речевых норм в той социальной группе, с которой субъект себя атрибутирует.

Процесс формирования и становления постиндустриального демократически настроенного общества неразрывно связан с проблемой преодоления разного рода социокультурных ассимиляций и выработкой новых толерантных социальных и культурных правил и норм. В данном вопросе уже достигнуты положительные результаты. Наиболее актуальным и наименее популяризированным направлением

научных исследований социальных проблем является на сегодняшний день проблема гендерной ассимиляции российского общества. Несмотря на серьезную правовую базу, социальное расслоение по признаку пола продолжает выступать в качестве основополагающей структуры общества, с помощью которой формируется гендерная иерархия. Одной из причин невозможности преодоления или трансформации гендерной структуры российского социума стала проблема гендерной стереотипизации общественного сознания [6].

Люди, в отличие от представителей животного мира, чье поведение биологически запрограммировано, нуждаются в социальном опыте, чтобы научиться культуре и выжить. Социальный опыт обуславливает личность, которая создается благодаря интернализации – или усвоению – нашего окружения. Но без социального опыта личность не развивается вовсе. Именно поэтому каждый индивид *homo sapiens* с момента рождения включается в процесс социализации. Социализация – социальный опыт, охватывающий всю жизнь, благодаря которому индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру [4]. В процессе социализации у людей вырабатываются определенные ценности и убеждения, то есть некие культурные стандарты, отталкиваясь от которых, люди определяют благо, добродетель и красоту, и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе. Культурные ценности и убеждения влияют не только на наше восприятие окружающей среды, но и формируют ядро личности. Семья, друзья, религиозные организации, школа и вузы учат человека мыслить и поступать в соответствии с определенными принципами, верить в достойные истины и преследовать надлежащие цели.

Среди различных ключевых ценностей, существующих в разных культурах, одной из наиболее распространенной ценностью в настоящее время является следующая – равные возможности. Это означает, что каждому обществу должно обеспечивать шанс преуспеть в соответствии с его индивидуальными талантами и усилиями. Но в то же время в мире господствует и другая «культурная ценность» – расизм и групповое превосходство. Несмотря на принципы индивидуализма и свободы, большинство людей различных культур продолжают оценивать человека с позиции гендерной, расовой, этнической и классовой принадлеж-

ности, например, как отмечает американский социолог Дж. Масионис, культура США мужчин ставит выше женщин, белых – выше цветных, выходцев из стран Северной и Западной Европы – над теми, чьи предки приехали из иных краев, богатых – выше бедных [4].

В течение довольно продолжительного времени идет борьба за искоренение подобных социокультурных антиценностей. Но если в устранении расизма и превосходства с этнической и классовой точки зрения были достигнуты хоть какие-то положительные результаты, то с модернизацией гендерной асимметрии в обществе еще предстоит поработать. В связи с этим основными принципами нашей эпохи стали не только равенство и свобода, но и толерантность (иначе говоря, терпимость к иным) и гендерное равенство. Важнейшую роль в распространении данных культурных ценностей среди молодежи играют высшие учебные заведения. Поэтому их учебные и воспитательные программы обязательно должны иметь соответствующие компоненты, а в идеале – специальные учебные курсы.

В то же время необходимо четко представлять сложившуюся ситуацию: в нашей стране лишь малая толика знает о существовании таких понятий, как «гендерная асимметрия», «гендерная иерархия», «гендерная дискриминация». Причем парадокс заключается в том, что подавляющее большинство ежедневно воплощает эти социокультурные явления в жизнь, не отдавая себе в этом отчета и, самое главное, не видя в них чего-то предосудительного. Поэтому для многих наших соотечественников разговор о гендерном неравенстве и его искоренении может показаться пустой болтовней и войной с ветряными мельницами.

Относительно недавно в России о существовании такой области социального знания, как женские и гендерные исследования, знали очень немногие. В настоящее время, благодаря активной научной и образовательной деятельности Московского центра гендерных исследований, идет процесс внедрения гендерных исследований в академическую и преподавательскую среду; были образованы несколько подобных центров в других городах, а некоторые из российских вузов в последнее время предлагают спецкурсы по гендерной тематике.

Однако, как отмечает О. А. Воронина, один из ведущих российских исследователей гендерной проблематики, большинство российских исследователей в области социальных и

гуманитарных наук, а также преподавателей университетов не знакомы с теорией и практикой гендерных исследований. «Существующая система подготовки специалистов в области социальных и гуманитарных наук не только не обеспечивает необходимого уровня знаний по данной теме, но до сих пор продолжает воспроизводить традиционные стереотипы в отношении женщин и мужчин и, тем самым, способствует усилению гендерной асимметрии и иерархии. В условиях социально-экономической трансформации это приводит к усилению дискриминации женщин и гендерных конфликтов в обществе (особенно в сфере семьи и профессиональной занятости). Преподаватели и исследователи «старой школы» не способны противостоять этим негативным социальным явлениям, поскольку придерживаются (подчас даже не осознавая этого) биодетерминистских взглядов на роли женщин и мужчин» [1. С. 7–8].

Гендерные исследования в значительной степени ориентированы на анализ и поиск путей решения реальных социальных и культурных проблем, которые возникают во взаимоотношениях мужчин и женщин. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что понятие «гендер» включает в себя не только рассмотрение так называемого «женского вопроса», но и исследует проблематику «мужского вопроса», сексуальных меньшинств и других мало защищенных с точки зрения половой принадлежности социогрупп. Поэтому основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях, чертах характера, нормах жизни той или иной социальной группы в зависимости от половой принадлежности, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе и через гендерные роли и отношения.

Осознание гендерной принадлежности настолько распространено в нашем обществе, что мы считаем его заложенным в генах. В силу собственной натуралистической ориентации нам трудно поверить в то, что гендерные различия постоянно создаются и воссоздаются в ходе человеческого взаимодействия, и в то же время они составляют основу социальной жизни и являются ее организующим началом. Гендерное сознание и манера поведения, обусловленная принадлежностью к полу, настолько вошли в обиход, что обычно мы не придаем им значения. Однако, как отметил Дж. Лобер в своем труде «Пол как социальная

категория», если мы встречаем человека, чья манера поведения неоднозначна и не позволяет нам определить, мужчина это или женщина, то мы чувствуем себя достаточно неуютно до тех пор, пока не отнесем его к определенной гендерной категории. «В обществе существуют две группы людей подобного типа: трансвеститы (люди, переодевающиеся мужчиной или женщиной) и транссексуалы (люди, сделавшие операцию смены пола)» [3. С. 127–128]. Отношение к ним в обществе, как правило, однозначно отрицательное, так же, как и к геям и лесбиянкам – людям нетрадиционной сексуальной ориентации. Вообще процесс общения начинается с установления принадлежности человека к определенному полу. Затем взаимодействие продолжается в соответствии с правилами поведения людей, принадлежащих к одному или разным полам, становясь зависимым от контекста общения и других статусных признаков: возраста, расы, образования, профессии, религии. Внешние проявления власти глубоко укоренены в общепринятых и само собой разумеющихся правилах повседневного взаимодействия.

Совершенно очевидно, что для изменения подобного отношения необходимо внести соответствующие коррективы в культурных ценностях общества в целом и каждого в отдельности. Поскольку люди воспринимают мир опосредованно через культурную призму языка (тезис Сапира – Уорфа), то достижение поставленной задачи возможно лишь при условии, что будет изучен гендерный строй языка и на основе полученных данных будет выработана стратегия преодоления или модернизации гендерной асимметрии.

Язык – это нить, которая объединяет членов общества в символическую сеть, именуемую культурой, поскольку является «одной из главных технологий практической деятельности» [2. С. 44]. Язык передает не только поверхностный, но и глубоко заложенный смысл. Один из таких глубинных уровней связан с гендерной принадлежностью. Язык отличает мужчин и женщин как минимум в трех отношениях, касающихся власти, ценности и внимания. Смешение гендера и языка – один из источников непонимания между мужчинами и женщинами. Исследователи утверждают, что существует специфика мужской и женской речи, поэтому зачастую кажется, что представители разных полов и говорят на разных языках. Языковые средства имеют жизненно важное значение

для социального конструирования реальности. Они неодинаково определяют мужчин и женщин – как правило, демонстрируя преимущество первых [7].

Таким образом, религия, язык, образование и культура (и высокая, элитарная, и низкая, массовая) настраивают на определенное ценностное восприятие обществом женщин и мужчин и усиливают его. В результате складываются определенные ценностные ориентации и моральные нормы, основанные на гендерных различиях. Признание легитимности этих норм

теми, кто имеет меньший доступ к общественным благам (собственности, власти, престижу), придает этим моральным нормам господствующий характер. Но такое положение вещей перестало удовлетворять запросы современного общества. Поэтому возникла необходимость преодоления или модернизации гендерной асимметрии общества. Достижению поставленной задачи и служит гендерология – относительно молодая область научного познания, но имеющая грандиозные перспективы.

Список литературы

1. Воронина, О. А. Основы гендерной теории и методологии / О. А. Воронина // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. – М., 2001. – С. 3–12.
2. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 448 с.
3. Лобер, Дж. Пол как социальная категория / Дж. Лобер // THESIS. Женщина, мужчина, семья. – 1994. – № 6. – С. 127–136.
4. Масионис, Дж. Социология / Дж. Масионис. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.
5. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: исследовательские подходы и интерпретации. – М.: Аспект Прогресс, 2003. – 188 с.
6. Стебунова, Е. И. Роль гендерных стереотипов в процессе трансформации современного российского общества / Е. И. Стебунова // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. – Красноярск: Науч.-инновац. центр, 2015. – № 3.6 (63). – С. 3006–3020.
7. Просекова, М. Н. Гендерные аспекты в современной лингвистике / М. Н. Просекова, Е. И. Стебунова // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2007. – № 2. – С. 110–116.

Сведения об авторе

Стебунова Евгения Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета.

Stebunova76@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 170–174.

LANGUAGE OF MODERNIZATION OR MODERNIZATION OF LANGUAGE? GENDER ASPECTS IN MODERN CULTURE

E. I. Stebunova

Tyumen' state natural gas university. Stebunova76@mail.ru

Modern Russian society is in a condition of active changes. Modernization processes affect not only political and economic structure of society, but also social, cultural and even moral the parties of development and life of society. Transformation of the sociocultural stereotypes fixed in moral norms, valuable systems, cultural metaphors, gender stereotypes is obligatory attribute of modernization of a modern matrix of life. These transformations have to have multidirectional character, affecting including deep layers of social, cultural, gender and psychological life of society. For this purpose it is necessary to pay attention to system of language and its use in a sociocultural picture of the world, and also a language role in formation of a gender matrix of modern Russian society.

Keywords: *a social maturity of the personality, gender socialization, gender stereotypification, gen-*

der researches, gender asymmetry of society, the language genderno marked.

References

1. Voronina O.A. Osnovy gendernoj teorii i metodologii [Bases of gendernoy theory and methodology]. *Teoria i metodologija gendernyh issledovanij. Kurs lekcij* [Theory and the methodology of gendernykh studies. Course of the lectures]. Moscow, 2001. Pp. 3–12. (In Russ.).
2. Kagan M.S. *Filosofia kultury* [Philosophy of the culture]. St. Petersburg, 1996. 448 p. (In Russ.).
3. Ljber D. Pol kak socialnaja kategorija [Gender as social category]. *THESIS. Zhenschina, muzhchina, semja* [THESIS. Woman, man, family], 1994, no. 6, pp. 127–136. (In Russ.).
4. Masionis D. *Sociologia* [Sociology]. St. Petersburg, 2004. 752 p. (In Russ.).
5. *Multikulturalizm i etnokulturnye processy v menjajuschemsa mire: issledovatel'skie podhody i interpretacii* [Multikulturalizm and etnokulturnye processes in the changing peace: research approaches and interpretation]. Moscow, 2003. 188 p. (In Russ.).
6. Stebunova E.I. Rol gendernyh stereptipov v processe transformacii sovremennogo rossijskogo obschestva [Role of gendernykh stereotypes in the process of the transformation of the contemporary Russian society]. *V mire nauchnyh otlrytij. Socialno-gumanitarnye nauki* [In the world scientific discoveries. Social-humanitarian sciences], 2015, no. 3.6 (63), pp. 3006–3020. (In Russ.).
7. Prosekova M.N., Stebunova E.I. Gendernye aspekty v sovremennoj lingvistike [Gendernye aspects in the contemporary linguistics]. *Vestnic Tumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Tyumen' state university], 2007, no. 2, pp. 110–116. (In Russ.).

УДК 81-11
ББК 81

А. Ж. Суюнбаева

ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА: ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Разъясняется знаковый характер языка и его основные особенности в системе знаков. Раскрывается появление естественных и искусственных языков и их функции. Определяется состав языка как средства коммуникации в обществе, основные функции языка.

Ключевые слова: *знаковая система, единицы языка, семиотика, языковой знак, естественные языки, искусственные языки, языки программирования, коммуникативная, экспрессивная, эстетическая функция, профессиональная ситуация, операционные языки.*

Язык, применяемый в ежедневных отношениях людей, – не только форма культуры, объединяющая человеческое общество, укоренившееся с исторической точки зрения, но и сложная знаковая система. Понимание знаковой особенности языка нужно для того, чтобы понять строение языка и правила использования этого строения. Слова в языке человечества являются знаками предметов и понятий. Слово – обширный и основной знак языка. Древние единицы языка тоже считаются знаком. Знак в человеческом общении называет предмет, дает возможность говорящему создать облик или понятие в сознании собеседника. Основные особенности знаков: в материальном воспроизведении знак должен быть легким, основываться на сообщении понятия; содержание знака не соответствует материальному описанию, но зрелищно дает проявление, определяется самыми различными знаками, знак всегда бывает в составе системы, поэтому его содержание связано с местом в системе [1].

Знаковая система – это система однообразно интерпретируемых и трактуемых сообщений сигналов, которыми можно обмениваться в процессе общения. Иногда знаковые системы помогают структурировать процесс общения с целью придания ему некой адекватности в плане реакций его участников на те или иные знаки. В качестве примера знаковой системы обычно приводят язык (как в письменной форме, так и в случае естественных языков – в форме речи) [2].

Названные особенности знаков ставят следующие условия культуре речи говорящего. Первое, говорящий (пишущий) при разговоре (письме) должен стремиться, чтобы знаки (звуковые слова или письменные знаки) были

удобными для восприятия, ясно звучать, ясно выражаться на письме. Второе, знаки речи должны воспроизводить определенное содержание; понятие и форма речи должны быть ориентированы на легкое понимание. Третье, нужно учитывать, что, возможно, у собеседника мало осведомленности о теме разговора, нужно дать конкретное недостающее сведение о разговоре. Четвертое, нужно обратить внимание на то, что в устной и письменной речи буквы должны ясно различаться. Пятое, нужно помнить о системной связи слов с другими словами, обращать внимание на многозначность слов, употреблять синонимы, ассоциативную связь слов. Знания в сфере семиотики (науки о знаках) помогают повышать культуру речи [1].

Языковой знак может быть кодовым или текстовым знаком. Кодовые знаки используются противоположной системой в единицах языка, связанные с определением содержания смысловых отношений. Кодовые знаки используются для определения содержания своеобразных знаков каждого языка, используются для противоположной друг другу системы единицы языка. Текстовые знаки используются в виде формальной и содержательной последовательности единиц. Культура общения требует от говорящего обратить внимание на связь устного или письменного текста [2].

Смысл – это содержание языкового знака, отражающее истинную правду в сознании человека вне языка. Смысл языковой единицы определяется виртуально, то есть какое значение дает данная единица. Смысл языковой единицы в конкретном общении станет актуальным, потому что языковая единица в разговоре с осведомляющим совпадает в конкретном объекте. С точки зрения культуры общения,

для говорящего важно обратить внимание собеседника на суть проблемы, а ему (собеседнику) нужно помочь понять связь общения и ситуаций, слушателю главное – понять коммуникативную цель говорящего. Есть понятие сути и понятие предмета. Предметное понятие обозначает название предмета, сочетаемость слова с предметом. Понятие сути служит сообщению понятия предмета, группы предметов, обозначающихся знаками [7].

Знаками, входящими в состав языка как средства коммуникации в обществе, являются все знаки общения. Знаки естественных языков состоят из звуковых знаков и письменных знаков (рукопись, типографические, на машинке, через принтер, показанные на экране). В естественных языках общения – в национальных языках – бывают правила на определенном уровне, а правила применения смысловых языковых единиц особо не замечаются. В письменном общении, в сборниках и справочниках бывают орфографические и пунктуационные правила. Искусственные языки – знаковые системы, являющиеся результатом целенаправленной деятельности людей, что отличает их от естественных языков, которые формировались стихийно вместе с развитием человеческого общества [2].

Искусственные языки появляются в связи с развитием науки и техники и используются в профессиональной службе специалистов. К искусственным языкам относятся математические и химические системы знаков. Они являются не только языком общения, но и средством осваивания новых знаний. Среди естественных знаковых систем можно определить кодовые системы для кодирования обычного общения. К ним относятся азбука Морзе, знаки, передаваемые флажками в море, и разные шифры.

Особую группу составляет искусственные языки программирования – управление работой компьютерной системы. Они подчиняются структурам строгой последовательности компьютерных систем, требующих выполнения операций, направленных кодовым знаком и приведенных в соответствии с формальными правилами. Знаки искусственных языков сами образуют текст или входят в состав письменных текстов естественных языков. Будет правильным использование знаков искусственных языков в составе текста для знакомых с этим языком специалистов. Естественный звуковой язык является самым полнокровным и совер-

шенным видом систем общения человечества. Об этом пишет Ю. С. Степанов: «Другие знаковые системы, созданные человечеством, выполняют только некоторые возможности естественного языка. Такие системы усиливают язык, но с другой стороны создают недостатки» [1. С. 52]. Математические системы символов обособляются письменной передачей информации и малочисленностью кодовых знаков. Языки программирования характеризуются точностью правил, содержание и вид границ соответствует одинаковости. Естественный язык выделяется своей приспособляемостью, ясностью и динамичностью. Естественный язык склонен к применению в любой ситуации, в том числе и не описанной через этот язык. Если естественный язык порождает понятные знаки, дает возможность использования применяемых знаков в новом понятии, то искусственный язык этого не может. Естественный язык знаком не только специалистам языка, но и всему национальному обществу. Естественный язык быстро приспособляется к выполнению межличностных отношений, поэтому является основным и бесценным орудием человечества. Н. Д. Арутюнова в своем труде «Функции языка» пишет: «Язык, являясь самым важным орудием общения человечества, объединяет людей, налаживает их межличностные и социальные отношения, приводит в соответствие практические услуги, участвует в системе мировоззрения и образа национального мира, обеспечивает сбор и сохранение информации, относящейся к истории, к историческому опыту народа, к личному опыту индивида, разъединяет понятие в сознании, группируют и размещает, совершенствует разум и самого себя, служит формой и материалом художественного творчества» [3. С. 598]. Основные функции языка: коммуникативная (услуга общения), восстановление мыслей (умозаключение и услуга доведения до собеседника), экспрессивная (услуга выявления внутреннего состояния говорящего), эстетическая (услуга понимания красоты через язык).

Коммуникативная функция является средством общения между людьми. Язык состоит из единиц, выстраиваемых информации и использования организованных правил, обеспечивает появление схожих образцов в сознании беседующих. Также в языке бывают специальные средства, устанавливающие связь между участниками коммуникаций для оживления разговора. С точки зрения культуры речи,

коммуникативная функция стремится, чтобы общение участников коммуникации было плодотворным, понятным друг другу. Без соблюдения норм литературного языка невозможны функционально-рациональные отношения. Услуга восстановления мыслей показывает, что язык является средством сосредоточения мыслей и доведения их до собеседника. Строение языка связано с мыслительной категорией и с органической точкой зрения. «В мире мыслей слово, показывающее понятие как особая единица, может добавить многое», – пишет основоположник общего языкознания В. Гумбольдт [4. С. 318].

В силу огромной значимости речи данная цитата показывает, что слово, поясняя, восстанавливает связь между единицей мысли и знаковыми единицами языка. Поэтому язык должен быть основой совершенствования мыслей. Дальше В. Гумбольдт сказал: «Мысли не должны уходить далеко от языка, охватывая элементы один за другим, должны дать словесные названия в мыслях» [4. С. 345]. По его мнению, «чтобы соответствовать мысли, язык должен по возможности своего строения, внутренне организовать мысль» [4. С. 400].

Слова образованного человека отличаются ясным объяснением своей мысли, точной передачей мысли другим, соблюдением последовательности общения, передачей полной, ясной информации. Экспрессивная услуга не только передает определенную информацию говорящему, но и становится средством отношения его к содержанию информации, собеседнику, то есть осведомляет свое внутреннее состояние. Язык выражает не только мысли, но и эмоции человека. Экспрессивная услуга обеспечивает в рамках принятого этикета ясность эмоционального состояния общения [5]. Ис-

кусственные языки не могут выполнить экспрессивную службу. Эстетическая функция направлена на удовлетворение эстетического чувства адресата в пределах видов содержания. Эстетическая функция свойственна, в первую очередь, поэтическому стилю (фольклор, художественная литература), но на этом не останавливается – не может не быть эстетического смысла в публицистическом, научном стиле и в устном общении. Эстетическая услуга нацелена на огромное богатство и удобство общения, эстетический вкус ученой среды в обществе [6].

Специально образованные для использования в определенной системе языки называются операционными. Применение естественных языков удобно в решении конкретных обязанностей, выгодно в профессиональных ситуациях. Универсальность операционных языков не сильная, но по сравнению с естественными языками удобна в выполнении конкретных обязанностей. Есть конкретные ограничения операционных языков: здесь употребляются редко встречающиеся слова и определенные лексические единицы. Слово в операционных языках обычно имеет только одно значение. Своеобразная грамматическая особенность операционных языков видна в совокупности ограниченных правил [7].

Таким образом, можно сказать, что понимание знаковых свойств языка необходимо для того, чтобы лучше представлять себе устройство языка и правила его употребления. Также требует внимания и дальнейшего исследования его лексико-семантические, функциональные аспекты. Проанализированный нами материал обусловлен попыткой систематизирования, а также расширения взглядов на их функциональные действия.

Список литературы

1. Степанов, Ю. С. Язык и метод / Ю. С. Степанов. – М.: Прогресс, 1998. – 52 с.
2. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 12 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Функции языка / Н. Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Диалог, 1997. – 609 с.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 63 с.
6. Кожин, А. Н. Функциональные типы русской речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М.: Высш. шк., 1982. – 156 с.
7. Васильева, А. Н. Функциональное направление в лингвистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Васильева. – М.: Наука, 1981. – 45 с.

Сведения об авторе

Суюнбаева Алтынгуль Жакиповна – старший преподаватель кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны (Республика Казахстан, г. Актобе).
altin_suenbaeva@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 175–178.*

**THE ICONIC CHARACTERISTICS OF THE LANGUAGE:
NATURAL AND ARTIFICIAL LANGUAGES**

A. Zh. Sujnbayeva

Air forces defence Military institute, Republic of Kazakhstan, Aktobe. altin_suenbaeva@mail.ru

Explain significant features of the language, the main features of characters and its systems, language signs. Describes the occurrence of natural and artificial languages and their functions. The structure of a language as a means of communication in society, basic functions of language.

Keywords: *semiotic system, units of language, semiotics, linguistic sign, natural languages, artificial languages, programming languages, communicative, expressive, aesthetic function, professional situation, operating languages.*

References

1. Stepanov Ju.S. *Jazyk i metod* [Language and Method]. Moscow, 1998. 52 p. (In Russ.).
2. Solomonik A. *Semiotika i lingvistika* [Semiotics and Linguistics]. Moscow, 1995. 12 p. (In Russ.).
3. Arutjunova N.D. Funkcii jazyka [Functions of Language]. *Russkij jazyk. Jenciklopedija* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, 1997. 609 p. (In Russ.).
4. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
5. Morris Ch.U. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. 63 p. (In Russ.).
6. Kozhin A.N., Krylova O.A., Odincov V.V. *Funkcional'nye tipy russkoj rechi* [Functional types of Russian speech]. Moscow, 1982. 156 p. (In Russ.).
7. Vasil'eva A.N. *Funkcional'noe napravlenie v lingvistike i ego znachenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo* [Functional direction in linguistics and its importance in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1981. 45 p. (In Russ.).

УДК: 811.111'37
ББК: Ц 932

Н. А. Цыбина

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ В АМЕРИКАНСКИХ СМИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ГАЗОВОГО КОНФЛИКТА

Анализируются стратегии создания негативного образа России в американских СМИ. Основное внимание автор акцентирует на рассмотрении политической метафоры и импликации, когнитивный потенциал которых позволяет использующим их СМИ манипулировать общественным сознанием. В заключении делается вывод, что в настоящее время Россия постулируется как враг западного мира.

Ключевые слова: *СМИ, политическая метафора, когнитивный, импликация, манипулирование общественным сознанием.*

В настоящее время СМИ как никогда превратились в мощное оружие, формирующее отношение к реальности. Данная статья посвящена анализу когнитивных стратегий, раскрывающих способы влияния СМИ на общественное сознание. Особое внимание уделяется отражению событий, происходящих на Украине, в которых американские СМИ принимают активное участие, с целью создания негативного образа России.

Согласно Т. А. ван Дейку, репрезентация и воспроизведение событий-новостей является набором конструктивных стратегий, находящихся под социальным и идеологическим контролем [3]. Сообщения в газетных статьях выступают как последовательный ряд утверждений, могут изобиловать цифровыми данными для придания точности событиям. Не имеет абсолютно никакого значения, верные эти данные или нет, так как американские журналисты, как правило, не едут в зону боевых действий для максимально точного отображения действительности. Таким образом, они не видят того, о чем пишут, что приводит к искажению информации в соответствии с идеологическими установками.

СМИ имеют огромный манипулятивный потенциал, так как СМИ – это тот источник информации, который формирует отношение к действительности. Выбор языковых средств определяется стремлением СМИ как эксплицитно, так и имплицитно оказывать определенное воздействие на адресата, создавая в его сознании образы, несущие либо положительную, либо отрицательную коннотацию. Действительность показывает, что для раскрытия

взаимоотношений России и Запада, особенно возникших в ходе этого конфликта, в том числе и в газовой сфере, используются различные средства, чтобы продемонстрировать миру образ России-врага. Материалы передовых американских СМИ являются способом формирования отрицательного общественного мнения в условиях существующих геополитических реалий.

Анализ языкового материала выявил, что одним из средств создания негативного образа России в рамках когнитивных стратегий для придания тексту большей убедительности выступает политическая метафора. Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [2]. Использование политической метафоры, обладающей огромным когнитивным потенциалом, дает возможность проследить, каким образом осуществляется манипуляция сознанием граждан США.

В ходе исследования был отмечен феномен постулирования России как врага посредством использования военной (военной) метафоры. Военная лексика – один из основных источников метафорической экспансии, используемой сценарии войны в освещении газового конфликта между Россией и Украиной. *The gas feud represented another front between Ukraine and Russia* [13] / Газовая вражда представляет еще один фронт между Украиной и Россией. *The looming gas war between Russia and Europe* [9] / Надвигающаяся газовая война между Россией и Европой. Манипулятивный потенциал метафоры раскрывается посредством мили-

таризации общественного сознания в терминах ведения боевых действий (газовая война, фронт). Две основные разновидности войны, выявленные в ходе исследования, – это the cold war (холодная война) и the gas war (газовая война). Следует подчеркнуть тот факт, что газовый конфликт разворачивается на фоне открытых боевых действий, что усиливает влияние метафоры на сознание.

The two sides appeared Monday to be readying for a *protracted battle* [13] / Две стороны появились в понедельник, готовые к продолжению битвы. Ukrainian and Russian officials *have been fighting about gas pricing since Yanukovich was ousted* [13] / Украинские и российские представители сражаются за цену на газ с момента изгнания Януковича. That aspect of Thursday's deal represented a *clear capitulation for Ukraine* [13] / Этот аспект договора, подписанного в четверг, является чистой капитуляцией Украины. Воздействие на общественное сознание при помощи военной лексики сужает спектр поведения в данной конфликтной ситуации до боевой – военной метафоре присущи все атрибуты реальной войны: allies (союзники), a battle (битва), to fight (бороться), strategy (стратегия), capitulation (капитуляция).

Военная метафора навязывает американскому обывателю, который мало что знает о России и тем более о взаимоотношениях России и ее соседей, в том числе и Украины, конфронтационные стереотипы. Газовый конфликт предстает как война России против Украины, где Украина – жертва. For years Moscow has *rewarded allies* like loyal Belarus with cheap energy and *punished wayward former vassals* like Ukraine by slapping on high prices [9] / Годы Россия вознаграждала верных союзников, таких как Беларусь, дешевой энергией и наказывала непостоянных вассалов, как Украина, высокими ценами. Таким образом, структурирование действительности происходит в терминах военной метафоры – «газовый конфликт есть война».

Концептуальные векторы агрессивности, жестокости войны соседствуют с понятийной сферой «игра», то есть представлена игровая метафора.

Russia indeed seems to be holding *all the trump cards* [9] / Россия, кажется, действительно держит все козыри. ... Russia, *playing politics with gas* / Россия играет в политические игры [13]. Russia's moves reflect Mr Putin's desire to bring about *a new era of cat and mouse-style games* that

were prevalent in the Cold War [14] / Действия России отражают желание Путина вызвать новую эру игр в кошки-мышки, распространенные во время холодной войны. Игровая метафора реализуется в таких идеоматических выражениях, как держать все козыри, играть в политические игры, играть в кошки-мышки.

Можно заметить, что игровая метафора также направлена на создание отрицательного имиджа России. Она подчеркивает значение игры как «преднамеренного ряда действий, преследующих определенную цель: интриги, тайные замыслы» [7]. Россия выступает в роли неискреннего оппонента, имитирующего деятельность. Игровая метафора имеет негативный прагматический потенциал, определяющийся вектором неискренности, искусственности.

Кроме того, выявлено использование физиологической метафоры: What's going on is a radical escalation of *aggressive Russian muscle* ... designed to demonstrate that Russia is no longer a defeated power of the Cold War era [14] / Происходящее сейчас – радикальная эскалация агрессивных мускулов России, рассчитанных на демонстрацию того, что Россия больше не является побежденной силой в холодной войне. Персонафикация России в терминах «государство – человек» дает возможность приписать государству человеческие качества и раскрыть аспекты его функционирования. Действия России концептуализируются как решительное физическое воздействие на оппонента, демонстрация силы.

По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора – это «приговор суда без разбирательства, приговор, который не нуждается в доказательствах и который невозможно обжаловать» [1]. Американские СМИ вынесли России однозначный приговор: Россия – это враг. В создании образа России-врага наиболее продуктивными являются метафоры, относящиеся к сфере «Социум»: военная и игровая. Материалы газетных статей настраивают читателя против России.

Семантика газетного дискурса не является автономной, когда для понимания необходимо знать лишь лексическое значение слов и их сочетаний. Поэтому импликация – неотъемлемая часть, присущая статьям американских СМИ. По словам К. А. Долинина, «то содержание, которое прямо не воплощено в визуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено при

его восприятию», – есть имплицитное содержание высказывания, или подтекст [5]. Однако импликации, передающей дополнительную информацию, свойственны и определенные маркеры, помогающие раскрытию смысла высказывания.

Восприятие и понимание каких-либо событий происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов [4]. Иными словами, экстралингвистические факторы накладывают отпечаток на использование лингвистических средств.

Особую смысловую нагрузку несет использование идеологически насыщенных слов, которые по-разному воспринимаются в зависимости от убеждений [6]. Ключевыми словами, используемыми во всех статьях, описывающих конфликт между Россией и Украиной, являются *rebel* и *separatist*: повстанец и сепаратист. Именно эти два слова несут основную смысловую нагрузку.

Согласно лексикографическим источникам, *rebel* – a person who rebels (resists or rises up against a government or authority, especially by force of arms); / повстанец – человек, который протестует, восстает против правительства (властей), используя оружие; *separatist* – a member of a group of people within a country who want to separate from the rest of the country and form their own government / сепаратист – член группы людей внутри страны, которые хотят отделиться от остальной части страны и сформировать свое правительство [8, 10]. Использование данных лексических единиц строится на стратегии контраста, имеющей несколько когнитивных функций: 1) риторическую – привлечение внимания к участникам контраста; 2) семантическую – подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей путем противопоставления Мы-группы и Они-группы [3]. Данная импликация подчеркивает отрицательное отношение к России через связь с жителями ДНР и ЛНР, которых называют *pro-Russian separatists*, *pro-Russian rebels*, *Russian-backed separatists*, *rebel forces*, *separatist protesters*, что делает Россию участницей военного конфликта. Однако, волнения, начавшиеся задолго до военных действий на востоке Украины, не называются ни *rebellion* (восстание), ни *revolt* (мятеж). Напротив, это a popular movement that sought closer relations with the West / народное движение, которое искало сближения с Западом [13]. Захват власти, переворот на Украине проходит с полного одобрения Запа-

да, где однозначно проведена параллель между концептуальной моделью: свой-чужой. Такое противопоставление Мы-группы и Они-группы позволяет манипулировать сознанием читателей, вызывая положительные ассоциации по отношению к одной группе и отрицательные к другой через особенности мировоззрения и ценностные ориентации журналиста.

Как представляется, одним из слов, несущих идеологическую нагрузку, и фигурирующих в ходе газового конфликта, является слово *debt* – a sum of money that sb owes; the situation of owing money, especially when you cannot pay / долг – сумма денег, которую кто-то задолжал; ситуация задолженности, особенно когда нет возможности расплатиться [8]. Авторы американских статей стремятся исказить ситуацию с украинским долгом. Казалось бы, каждый в праве получить то, что ему должны. Однако стремление России получить долг с Украины вызывает обвинения, критику, опасения, неодобрение.

Citing unpaid bills worth more than \$ 5 billion, Russia cut off gas flows to Kiev in mid-June, adding to tension sparked by Russian annexation of Ukraine's Crimea region [13] / Ссылаясь на неоплаченный долг в размере 5 миллиардов долларов, Россия отключила поставки газа Киеву в середине июня, добавляя тем самым напряжения после аннексии Крыма [13]. Импликация автора газетной статьи строится на противопоставлении Украины и России в рамках модели Мы-группы – Они-группы («свой – чужой»), вызывая осуждение отключения поставок газа как попытку России надавить (adding to tension) на Украину.

Russia raised its gas prices to Ukraine early this year, and Gazprom halted exports in June because of the size of Ukraine's outstanding bills. But the Ukrainians have accused the Russians of deliberately setting unfair terms to penalize the government in Kiev for tying itself more closely to the West [13] / Россия подняла цены на газ в начале года, и Газпром остановил экспорт (газа) в июне вследствие размера неоплаченных счетов. Но украинская сторона обвинила Россию в намеренном установлении несправедливых условий с целью наказать украинское правительство за налаживание связей с Западом. Цены, согласно утверждению в статье, подняты как наказание за евроинтеграцию, что также соответствует концептуальной модели «свой – чужой».

Ukraine owes Gazprom \$ 5,3 billion for supplies that were cut off in April after months of

non-payment according to the Russian energy behemoth [11] / Украина должна Газпрому 5,3 миллиардов долларов за поставки, которые были отрезаны в апреле после месяцев неуплаты, согласно этому громадному российскому энергетическому монстру. Украинский долг имплицитно как сомнительный при помощи семантического приема: использование метафоры *according to the Russian energy behemoth*, при этом на Россию возлагается вина за отключение газа.

Россия может угрожать и Европе, зависящей от поставок российского газа. The stand-off between Russia and Ukraine is delicate for the European Union, which is reliant on the shipment of gas through Ukraine for about a fifth of its gas supplies. Gazprom, Russia's natural-gas giant, shut the taps in 2006 and 2009 because of disputes with Ukraine, leaving many homes in Central and Eastern Europe without heat [13] / Противостояние России и Украины – сложный момент для Европейского союза, зависящего от поставок пятой части газа через Украину. Из-за разногласий с Украиной российский газовый гигант Газпром перекрыл кран в 2006 и 2009, оставив без тепла многие домовладения Центральной и Восточной Европы.

Russia cut off gas supplies to Ukraine on Monday, a move that will inflict pain on its turbulent neighbor and could eventually affect other gas-dependent European nations [13] / Россия отключила поставки газа Украине в понедельник, что больно отразится на беспокойном соседе и может повлиять на другие газозависимые европейские страны.

Russia ... hiked gas prices for Ukraine 81 %, from 269 per 1000 cubic meters of gas to 485, Ukrainian officials refused to pay, calling it politically-motivated retaliation [13] / Россия подняла цены на газ для Украины на 81 %, с 269 до 485 долларов за кубометр газа, и Украина отказалась платить, назвав это политически мотивированным возмездием.

The cut off is the third in recent years, after previous ones in 2006 and 2009, which also came during disputes over gas payment that Ukrainian and European officials have said were politically motivated [13] / Это отключение уже третье после предыдущих в 2006 и 2009, возникших в ходе разногласий по оплате газа, названных украинскими и европейскими представителями политически мотивированными.

Используя стратегию приведения примера [3], что является конверсионным ходом, де-

монстрирующим предыдущий опыт (а именно, отключение газа в 2006 и 2009 гг.), автор газетной статьи пытается представить Россию в виде ненадежного поставщика газа, в то время как поставки газа срываются из-за отказа Украины платить. Отказ платить оправдывается из политических соображений (завышение цены со стороны России является политическим шагом). Подобный ход показывает, что мнение не надумано, а основано на конкретных фактах. Данная стратегия сочетается со стратегией уклонения [3], суть которой с когнитивной точки зрения заключается в том, что релевантная информация о газовом конфликте отсутствует или является неполной. Структурирование информации подобным образом подчеркивает субъективность оценок, и не дает возможность американскому читателю представить ясную картину происходящего.

Заключительный этап газового противостояния – подписание соглашения об урегулировании конфликта. The deal comes after months of fitful negotiations and questions about how Ukraine would be able to pay down a disputed multibillion dollar debt to Gazprom [13] / Соглашение состоялось после прерывающихся переговоров и вопросов о том, как Украина сможет оплатить спорный миллиардный долг Газпрому.

The gas deal was established to prevent a replay of 2009, when a cut off of Russian gas amid a pricing dispute with Ukraine left Europeans shivering for nearly two weeks [13] / Газовое соглашение было достигнуто, чтобы предотвратить повторение 2009, когда отключение российского газа в ходе ценовых разногласий с Украиной оставило европейцев замерзать в течение двух недель.

Долг Украины представлен в СМИ как спорный (a disputed multibillion dollar debt), а решение конфликта в очередной раз подчеркивает негативное отношение к России. Обращение к предыдущему опыту, а также стратегия повтора [3] (to prevent a replay of 2009, Europeans shivering for nearly two weeks) направлены на извлечение негативной информации о действиях России.

Таким образом, представляется возможным заключить, что проанализированные стратегии, используемые для создания образа России (политическая метафора и имплицитивные модели, включающие когнитивные стратегии контраста, повтора, уклонения), направлены на манипулирование общественным сознанием.

Структурирование информации происходит при помощи отрицательных моделей и схем, закрепляющих негативную оценку России. Обзор материалов газетных статей показывает присутствие в них предвзятой трактовки событий, а выше перечисленные стратегии направлены на пропаганду антироссийских настроений.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культ., 1999. – 895 с.
2. Будаев, Э. В. “Metaphors We Live By”: трансформации прецедентного названия / Э. В. Будаев // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 78–84.
3. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
4. Дейк, Т. А. ван Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 153–211.
5. Долинин, К. А. ИмPLICITное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопр. языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–48.
6. Кудрявцева, Н. Ю. Лингвистические и концептуальные особенности проявления импликации в передовой статье американской газеты. – URL: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskie-i-kontseptualnye-osobennosti-proyavleniya-implikatsii-v-peredovoy-statii-amerikanskoj-gazety#ixzz3T24Aрусу>. – Дата обращения: 04.11.2014.
7. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
8. Collins Concise Dictionary. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2000. – 1740 p.
9. Newsweek. – URL: www.newsweek.com. – Дата обращения: 24.09.2014.
10. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
11. The Los Angeles Times. – URL: www.latimes.com. – Дата обращения: 29.10.2014.
12. The New York Times. – URL: www.nytimes.com. – Дата обращения: 29.10.2014.
13. The Washington Post. – URL: www.washpost.com. – Дата обращения: 30.10.2014.
14. The Washington Times. – URL: www.washingtontimes.com. – Дата обращения: 04.11.2014.

Сведения об авторе

Цыбина Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

tsnadezhda@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 179–184.

COGNITIVE STRATEGIES OF CREATING A NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA DESCRIBING THE GAS CONFLICT IN AMERICAN MASS MEDIA

N. A. Tsybina

Nizhny Novgorod State Linguistic University N. A. Dobrolyubov. tsnadezhda@yandex.ru

The article analyzes strategies of creating a negative image of Russia in American mass media. The author highlights political metaphor and implication in view of their cognitive capacity as means of manipulating public opinion. To conclude the author accentuates the accepted fact of Russia being the enemy of the western world.

Keywords: *mass media, political metaphor, implication, cognitive, manipulation of public opinion.*

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the world of a man]. Moscow, 1999. 895 p. (In Russ.).
2. Budayev E.V. “Metaphors We Live By”: transformatsii pretsedentnogo nazvaniya [Metaphor we live by: transformations of the precedent name]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2006, iss. 3, pp. 78–84. (In Russ.).
3. Deyk T.A.van *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. 312 p. (In Russ.).
4. Deyk T.A.van, Kinch V. Strategii poznaniya svyaznogo teksta [Strategies of discourse comprehension]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. XXIII. Moscow, 1983. Pp. 153–211. (In Russ.).
5. Dolinin K.A. Implitsitnoye sodержaniye vyskazyvaniya [The implicit content of an utterance]. *Voprosy yazykoznaniiya* [The questions of linguistics], 1983, iss. 6, pp. 37–48. (In Russ.).
6. Kudryavtseva N.Y. Lingvisticheskiye i kontseptualnyye osobennosti proyavleniya implikatsii v peredovoy statye amerikanskoy gazety [Linguistic and conceptual peculiarities of implication in an American leading article]. Available at: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskie-i-kontseptualnye-osobennosti-proyavleniya-implikatsii-v-peredovoy-statye-amerikanskoy-gazety#ixzz3T24Apycu>, accessed 04.11.2014. (In Russ.).
7. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive studies of political metaphor]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.).
8. *Collins Concise Dictionary*. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2000. 1740 p.
9. *Newsweek*. Available at: <http://www.newsweek.com>, accessed 24.09.2014.
10. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.
11. *The Los Angeles Times*. Available at: <http://www.latimes.com>, accessed 29.10.2014.
12. *The New York Times*. Available at: <http://www.nytimes.com>, accessed 29.10.2014.
13. *The Washington Post*. Available at: <http://www.washpost.com>, accessed 30.10.2014.
14. *The Washington Times*. Available at: <http://www.washingtontimes.com>, accessed 04.11.2014.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Рассматривается проблема понимания дефиниции «языковая компетенция» и ее составляющих (лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая), а также различные аспекты реализации компетентностного подхода в обучении русскому языку как иностранному, анализируются сформированность языковых навыков у иностранных курсантов на этапе предвузовской подготовки и возможность улучшения усвоения русского языка как фактор, повышающий ценность образования, получаемого иностранными курсантами в российских вузах.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, компетентностный подход, языковая компетенция, иностранные военнослужащие, формирование компетенций.

Прежде чем обратиться к рассмотрению особенностей формирования языковой компетенции у иностранных военнослужащих, необходимо детально рассмотреть содержание понятия «языковая компетенция», понять, какое значение вкладывают в данный лингвистический термин современные ученые-лингвисты, и определить, какое понимание этой дефиниции наиболее приближено к требованиям нормативных документов к обучению русскому языку как иностранному.

Основным документом, на который должны ориентироваться составители любых образовательных программ по русскому языку как иностранному, является «Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному», разработанный в 2001 г., опирающийся на статью 7 «Закона об образовании РФ». Этот документ детально отражает умения, которые необходимо сформировать у иностранных слушателей в процессе обучения русскому языку, но не уточняет объем понятия «языковая компетенция».

В 2001 г. Министерством образования Российской Федерации была разработана образовательная программа, представляющая собой описание содержания обучения РКИ с учетом трех сфер обучения: социально-культурной, сферы повседневного общения и учебно-профессиональной в соответствии с Государственными образовательными стандартами. Ключевым понятием и основным ориентиром уровня освоения русского языка иностранными студентами этой программы является «коммуникативная компетенция». Понятие коммуникативной компетенции, согласно мнению

М. Н. Вятютнева [1], складывается из нескольких составляющих, среди которых можно выделить языковую компетенцию, предметную компетенцию, лингвистическую компетенцию и прагматическую компетенцию. Данный термин означает более широкое понятие в сравнении с понятием языковой компетенции.

В монографии Совета Европы 2001 г. [3] понятие «языковая компетенция» определяется как знание словарных единиц и владение определенными формальными правилами, в соответствии с которыми лексические единицы переводятся в осмысленное высказывание. В структуре языковой компетенции можно выделить такие компоненты, как лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая компетенции.

В основу лексической компетенции положены знания словарного состава языка, включающего фразеологические единицы, речевые штампы, пословицы и поговорки, устаревшие устойчивые сочетания, фразовые глаголы, сложные предлоги, закрытые тематические группы слов (дни недели, месяцы, единицы измерения и так далее), полисемия, а также различные грамматические элементы, осознанное использование которых, в свою очередь, является основой грамматической компетенции.

Семантическая компетенция, по определению ученых Совета Европы, заключается в знании возможных способов выражения определенного значения слова и умении использовать данные способы выражения в процессе коммуникации.

Фонологическая компетенция рассматривается как знание и умение воспринимать и вос-

производить иноязычную речь, а именно звуковые единства языка (фонемы) и их варианты (аллофоны), артикуляционно-акустические характеристики фонем (например, звонкость, лабиализация, назализация и так далее), фонетическую организацию слов (слоговая структура, последовательность фонем, словесное ударение, тона), ударение и ритм, интонацию и др.

Орфографическая компетенция – знание символов, используемых при создании письменного текста, а также умение их распознавать и изображать на письме.

Орфоэпическая компетенция заключается в умении правильно прочитать слово по его графической форме [3].

Такое подробное рассмотрение понимания языковой компетенции учеными Совета Европы, на мнение которых зачастую ссылаются и отечественные лингвисты (Н. А. Гончарова, К. М. Ирисханова, Г. В. Кретинина, Г. В. Стрелкова), позволяет увидеть, насколько многоаспектной и глубокой является проблема освоения данной компетенции иностранными слушателями.

Установление и развитие международных военных связей Российской Федерации расширяет круг областей, в которых происходит взаимодействие военных специалистов. Одной из таких областей является обучение иностранных военнослужащих в российских военных вузах. В данной связи огромная роль отводится языковой подготовке, поскольку преподавание специальных военных и технических дисциплин ведется на русском языке.

Исследования российских ученых показали, что преподавание русского языка иностранным военнослужащим имеет свою специфику, поэтому во многих российских вузах ведется изучение особенностей обучения военных специалистов, их реальных коммуникативных потребностей в области русского языка [4].

Зачастую иностранные курсанты испытывают большие трудности в практическом владении русским языком, не всегда могут правильно и связно излагать свои мысли, не в полной мере понимают значения многих слов и специальных терминов. Указанные обстоятельства определяют трудности восприятия материала иностранными военнослужащими при освоении выбранной специальности. Это, в свою очередь, напрямую связано с формированием языковой компетенции на этапе предвузовской подготовки.

Проблема качественного формирования языковой компетенции, а значит, умения во-

енными специалистами использовать русский язык для своей профессиональной и учебной деятельности, профессионального общения на сегодняшний день является одной из важнейших в сфере языкового образования иностранных специалистов, поскольку решение ее позволит повысить эффективность освоения курсантами профессиональных дисциплин.

Составной частью языковой компетенции считаются сформированные фонетические навыки, являющиеся неперенным условием адекватного понимания речи. Поэтому работа над произношением, начинаясь на начальных этапах обучения, не должна прекращаться на протяжении всего обучения. При формировании навыков устной речи, аудирования, письма и чтения необходимо не только умение произносить звуки, но и понимание, как они соединяются в слова и предложения. Постоянное развитие у курсантов фонетических навыков важно, поскольку фонетические навыки имеют смыслоразличительное значение, они быстрее других подвергаются деавтоматизации [2].

Огромное значение в освоении русского языка иностранными курсантами придается освоению интонации и ударения.

В методике обучения фонетике иностранного языка известны два основных подхода к обучению данному аспекту языка: артикуляторный и акустический. На современном этапе развития методики получил развитие третий дифференцированный метод обучения, сочетающий в себе основные принципы артикуляторного и акустического.

При использовании артикуляторного метода начинать обучение иностранному языку следует с постановки звуков, каждый звук должен быть тщательно отработан в отдельности, для обеспечения чистоты произношения необходимо изучить работу органов артикуляции при произнесении каждого звука, формирование произносительных и слуховых навыков идет раздельно.

В случае использования артикуляционного метода упор делается не на сознательное усвоение особенностей артикуляции, а на слуховое восприятие речи и ее имитацию. Усвоение звуков идет не изолированно, а в речевом потоке. Чистоте фонетического умения не придается большого значения.

Уровень сформированности фонетических навыков выявляется при выполнении курсантами речевых упражнений при аудировании, говорении и чтении вслух. При этом следует

обращать внимание на фонетические (искажают качество звучания, но не нарушают смысл высказывания) и фонологические (искажают содержание и нарушают правильность понимания) ошибки.

Высокий уровень сформированности языковой компетенции, необходимый для успешного освоения основных дисциплин, у курсанта военного вуза можно констатировать не только при овладении произносительными навыками, но и если обучаемый демонстрирует умение строить различные развернутые предложения; умение точно воспроизводить содержание учебных текстов, конспектировать их; умение записывать материал, воспринимаемый на слух или в процессе чтения, а также производить некоторые изменения этого текста; умение выделять и записывать главную информацию из учебных текстов; умение составлять собственное высказывание на заданную тему, соблюдая правила связности текста.

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты языковой компетенции, сформированность которых необходима для успешного обучения в военных и военно-технических вузах и успешного освоения специальности.

Одним из важнейших умений является умение строить предложения различных типов, поэтому отработка навыков составления правильных по структуре и смысловому наполнению предложений должна проводиться до тех пор, пока данный процесс не будет доведен до автоматизма. Только после этого необходимо переходить к этапу формирования умений продуктивного уровня (от репродуктивных форм через репродуктивно-продуктивные к продуктивным формам работы).

Еще одним важным учебным умением, формируемым в рамках становления языковой компетенции, является умение точно воспроизводить содержание учебного текста. Такое умение, кроме высокой степени овладения техникой письма, предполагает понимание смысла текста и умение трансформировать его, отбросив наименее важные элементы.

Такая запись также позволит курсантам точнее воспроизводить на письме тексты и мысли, услышанные от преподавателя на занятиях.

Выделяются следующие стороны сформированности умения воспринимать на слух и письменно фиксировать учебный материал: графический автоматизм и навык синтаксических трансформаций без потери смысла на уровне отдельных предложений и текста в целом.

Немаловажным является умение сокращать слова и использовать для записи специальные знаки, что позволяет увеличить количество записанной, а, следовательно, и усвоенной информации.

Составление плана является началом работы со специальными учебными текстами. Умение выделять микротемы, определять основную мысль текста и тезисы считается ключевым моментом при переходе к конспектированию, аннотированию и реферированию текстов.

Наиболее сложным этапом в освоении языка является умение составлять собственное письменное или устное высказывание на заданную тему. Данное умение прослеживается в различных сферах общения курсантов: в учебно-профессиональной сфере, в социально-культурной сфере, в бытовой повседневной сфере. Поскольку данное умение выходит за рамки собственно языковой компетенции и дополняется коммуникативной направленностью, на наш взгляд, его следует рассматривать в совокупности другими компетенциями (языковой, лингвистической, прагматической).

В заключение следует отметить, реализация компетентного подхода в обучении русскому языку иностранных военнослужащих способствует повышению уровня усвоения знаний по языку, что, в свою очередь, позволяет заметно повысить и уровень усвоения специальных военно-инженерных дисциплин, качественное овладение которыми повышает ценность образования, получаемого иностранными курсантами в российских вузах.

Список литературы

1. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы) / М. Н. Вятютнев. – М.: Рус. яз., 1984. – 186 с.
2. Мерзаканова, С. П. Формирование фонетической компетенции на уроках русского языка как иностранного / С. П. Мерзаканова, И. В. Щеглова // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. – 2012. – Вып. 2 (54). – С. 104–106.

3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – М.: МГЛУ, 2005. – 248 с.
4. Чухлебова, И. А. Обучение иностранных военнослужащих научному стилю речи русского языка : автореф. ... дис. канд. пед. наук / И. А. Чухлебова. – Елец, 2007. – 24 с.

Сведения об авторе

Шестакова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Военно-научного центра Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, филиал г. Челябинск.
katja81-07@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).
Philology Sciences. Issue 98. Pp. 185–188.*

PECULIARITIES OF THE LANGUAGE COMPETENCE FORMATION OF THE FOREIGN SERVICEMEN

E. V. Shestakova

*Military Academic Scientific Centre “Military Air Force Academy”,
Chelyabinsk Branch. katja81-07@mail.ru*

The article focuses on the problem of interpretation of the definition “language competence” and its constituents (lexical, grammatical, semantic, phonetic, spelling and orthoepic); as well as various aspects of the realization of the competence approach in teaching Russian as a foreign language. The author analyses both the level of the language skills formation of the foreign cadets while taking the higher education access course and the possibility to improve Russian language acquisition as the factor having an impact upon the value of education given to the foreign cadets in the Higher Education establishments of the Russian Federation.

Keywords: *teaching Russian as a foreign language the competence approach, language competence, foreign servicemen, formation of the competences.*

References

1. Vjatjutnev M.N. *Teorija uchebnika russkogo jazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy)* [The theory of the textbook of the Russian language as a foreign language (methodological basis)]. Moscow, 1984. 186 p. (In Russ.).
2. Merzakanova S.P., Shheglova I.V. Formirovanie foneticheskoy kompetencii na urokah russkogo jazyka kak inostrannogo [Formation of the phonetic competence on the lessons of Russian as a foreign language]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University], 2012, iss. 2 (54), pp. 104–106. (In Russ.).
3. *Obshheevropejskie kompetencii vladenija inostrannym jazykom: izuchenie, obuchenie, ocenka* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Moscow, 2005. 248 p. (In Russ.).
4. Chuhlebova I.A. *Obuchenie inostrannyh voennosluzhashhih nauchnomu stilju rechi russkogo jazyka* [Training of foreign military scientific style of speech Russian: Author]. Elec, 2007. 24 p. (In Russ.).

УДК 81'42
ББК 81.2 Рус–5

А. А. Юнаковская

ПОКАЗАТЕЛИ БЫТИЙНОГО ДИСКУРСА (на материале воспоминаний жителей г. Омска)

Рассматриваются составляющие бытийного дискурса. Анализ осуществляется на основе зафиксированных речевых высказываний, содержащих воспоминания о своей жизни. В результате изучения научной литературы выделены основания, позволяющие формировать бытийный дискурс: действующее лицо (субъект дискурса), созданное им повествование, отражающее конкретное время и пространство, образная память, личная концептосфера. Анализ образцов разговорной речи носителей массовой городской культуры показал, что основанием бытийного дискурса является личностный хронотоп, формируемый хранящимися в памяти образами.

Ключевые слова: *бытийный дискурс, память-рассказ, личностный хронотоп, характеристики времени и пространства.*

В современной науке *дискурсивная лингвистика* (*linguistique discursive*) сформировалась как направление, которое принимает *дискурс* за исходную единицу исследования. В настоящее время существует несколько подходов в его понимании.

Российские ученые А. Е. Кибрик и П. Б. Паршина, сделавшие обзор существующей литературы по теме, говорят о «трех основных классах» использования термина: «собственно лингвистическом», когда *дискурс* так или иначе соотносится с понятиями *речь, диалог, текст*; «публицистическом» – восходящем к пониманию французских структуралистов и постструктуралистов М. Фуко, А. Греймса, Ж. Деррида, М. Пешё и др. и коррелирующим с понятиями *стиля и индивидуального языка*; «философско-социологическом» – связанном с именем немецкого ученого Ю. Хабермаса, который ввел этот термин для обозначения «вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни» [6. С. 42, 47].

В русистике рассмотрение языкового материала как продукта коммуникативной деятельности также постепенно оформляется в дискурсологию как особое направление языкознания.

Первоначально в 1970–1980-е гг. в рамках проекта Института русского языка АН (научная группа Е. А. Земской) изучалась устная разговорная речь. Интерес к разговорной речи (Б. М. Гаспаров, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. А. Ширяев, О. А. Лаптева, О. Б. Сиротинина и др.), а затем и к городскому просто-

речию возник на фоне изучения кодифицированного литературного языка и литературной разговорной речи. В результате анализа записанных разговорных диалогов и монологов были выделены основные показатели устной речи и речевых произведений, что позволяло оценивать их в дискурсивной парадигме. Однако для данного периода было не характерно использование дискурсивной терминологии. Тем не менее специфические характеристики устной разговорной речи до конца не определены. Менее всего представлен в научной литературе дискурсивный аспект.

Накопленные достижения дискурсологии применимы к рассмотрению естественной разговорной речи. Так, исследования последних десятилетий в данной области позволяют выделять *институциональный дискурс* и *лично-ориентированный (персональный)*, существующий в двух основных подтипах: *бытовом* и *бытийном* (термины В. И. Карасика [3]).

Цель настоящей статьи – выявить показатели *бытийного дискурса* на основе анализа жанров «рассказы о себе» и «воспоминания о жизни» жителей конкретного города.

Для достижения поставленной цели решаются частные задачи: а) определить круг источников для выявления стереотипных дискурсивных правил создания высказываний (→ текстов), фиксирующих мировидение горожан; б) выделить для описания терминологические понятия в парадигме дискурсивных исследований; в) систематизировать основные выявленные дискурсивные показатели бытийного дискурса.

Для его описания используется материал естественной речи: образцы разговорной речи носителей массовой городской культуры, оформленные в виде набора текстов (часть текстов представлена в хрестоматии [10]). Это фиксированные речевые высказывания (так называемые дискурс-высказывания [1]), записанные в результате непосредственного взаимодействия говорящего и слушающего, оформленные в виде текста с сохранением показателей речи. Это речевые высказывания с позиции говорящего (Э. Бенвенист, П. Серию) с критическим (оценочным) рассмотрением ценностей и норм социальной жизни, фиксирующие услышанное в виде текста.

Рассмотрение выделенного корпуса дискурс-высказываний, содержащих «личные» воспоминания, показывает, что они обладают рядом общих черт. Так, в их структуре (как когнитивных образованиях) проявляются три компонента, соответствующие: 1) обобщенной модели референтной ситуации; 2) репрезентациям знаний о социальном контексте; 3) лингвистическим знаниям (нарративным схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам [8]).

Анализ «рассказов о себе» подтверждает положение о том, что повествование является организующим принципом бытийного дискурса, который реализуется (чаще всего) в монологе, в ряде случаев – в «направленном» на слушателя монологе. В них события излагаются в определенной последовательности, отражая статическую характеристику наблюдаемых явлений, опираясь на устойчивые социально закрепленные понятия.

Дискурс, воспроизводящий действительность, в научной литературе относится к фигуративным [1], так как в нем присутствуют такие составляющие, как действующее лицо, конкретное время и пространство, в том числе индивидуальные наименования (имена собственные), временные характеристики (так называемые «эпохальные метки») и т. п. Однако воспринятые человеком явления организуются относительно самого себя, а в ряде случаев – окружающего мира вокруг себя. Данные модели фиксируются в памяти и получают отражение в дискурсе.

Основным компонентом бытийного дискурса является образная память, связанная с идеей времени и прошлой жизнью человека (память-рассказ в терминологии П. П. Блонского). Она должна формироваться на основе

восприятия человеком окружающей действительности, ценностей и норм социальной жизни. Составляющим элементом должно являться их оценочное (критическое) рассмотрение. При этом их восприятие состоит из ряда базовых понятий. Осознание своей личностной позиции должно иметь место в общей модели бытийного дискурса. Поэтому организующим центром бытийного дискурса является субъект дискурса (термин В. И. Карасика [3]).

В «личных» воспоминаниях наблюдается определенная отстраненность говорящего от слушателя. Субъект дискурса представляется двояко: «я в прошлом» и «я настоящим» (термины М. А. Дмитриевской [2]), а адресат находится в системе координат «здесь – сейчас». При этом возможна разная степень совпадения фоновых знаний.

Наблюдается активное осмысление представляемых знаний, явлений, предметов адресатом, так как ему приходится осознавать получаемую информацию. Первоначально происходит восприятие высказывания на вербальном уровне, затем понимается логическое строение и коммуникативная целенаправленность высказывания.

При восприятии наблюдается разная степень воздействия на адресата в результате его получения, что зависит также от полного или частичного совпадения концептосфер создателя высказывания и адресата, которые складываются из потенциальных ценностей традиционной культуры, профессиональных и субкультурных ценностей, индивидуально-личностных ценностей.

Анализ образцов разговорной речи носителей массовой городской культуры, которые являются «рассказами о себе» и «воспоминаниями о жизни», позволяет увидеть, что в них повествование строится определенным образом. В нем активизируется информация о событиях в прошлом, вписываемых в «общую» историю страны.

Основными составляющими повествования, отражающими личный хронотоп, являются понятие о месте и общее впечатление о времени.

Город как *место* обитания получил свое отражение в воспоминаниях. Так, в них отражаются два подхода: 1) неполное вхождение в городскую среду с ее набором ценностей; 2) полное вхождение в городскую среду.

В первом случае наблюдается сохранение воспоминаний о жизни в сельской местности

у «вынужденных» горожан (*В балаган лазили, знаешь, как хорошо травочки запах* (ж., 71 г.); *У нас приволие было, Все под боком: дрова, сено, и овца была у нас, лошадь, поросенок* (м., 73 г.) и т. п.). Получают отражение зрительные, слуховые, обонятельные и т. п. образы. При этом указываются причины изменения лингвосоциокультурной среды в результате вынужденного «пути в город» (И. В. Шалина) (*Все должны были уезжать в город* (ж., 78 л.); *Война началась, в ФЗО забрали, принудительно* (ж., 77 л.); *В городе легче было. Вот туда народ и бег. И хлеб тута лучша был* (ж., 73 г.) и т. п.). Во втором случае проявляется позитивное отношение к осваиваемому пространству (*Я был горд: теперь я городчанин* (м., 80 л.) и т. п.), в том числе с элементами критического отношения (*Город пондравился, тока много сырости, грязь везде. Деревьев было мало. Тротуары были деревянные* (ж., 81 г.) и т. п.). При этом современное состояние города практически не представлено в рассматриваемых текстах.

Время чаще всего имеет характер «эпохальной метки». Этим можно объяснить использование общего обозначения знаковых исторических событий (*коллективизация, финская война, до войны, в войну, послевоенные годы, до реформы* (денежной), *после реформы, целинная эпопея, Кремлевский заговор, Союз распался, до перестройки, после перестройки, при социализме, при капитализме* и т. п.). В этом же ряду находится отражение показателей «политической» реальности, отраженных в образцах городской речи. При этом крайне редко используются имена политических деятелей (*Сам, Хозяин, отец всех народов* (И. В. Сталин), *Хрущ* (Н. С. Хрущев), *Горбач, Горба-*

чев (М. С. Горбачев), *Е. Б. Н* (Б. Н. Ельцин), *В. В. П.* (В. В. Путин) и т. п.). При этом в воспоминаниях практически не отражаются деятели местной власти разных уровней, дающих представление о периодах существования г. Омска.

Дискурсивная модель описания прошлой жизни предопределяет использование языковых средств. Так, аксиологические акценты передаваемой информации создаются единицами, имеющими в значении оценку (*Когда война началась, плохо стало* (ж., 64 г.); *Трудно было. Годовали, босы бегали* (ж., 73 г.); *А воли не было* (ж., 71 г.); *Жили там ужасно* (ж., 77 л.); *Работа с дитем трудная, но на мой вкус интересная* (ж., 55 л.); *Эти годы тяжело было* (ж., 65 л.); *Все работали. Не то што теперь! Хошь работай, хошь отдыхай. Раньше тяжело и щас тяжело* (ж., 73 г.); *Щас мы пенсионеры* (м., 70 л.); *Молодежь чо хошь делает, тока не работает...* (ж., 80 л.) и т. п.). При этом важные исторические события создают фон для личностной истории.

Таким образом, в воспоминаниях человек воспроизводит закрепленные в памяти осмысленные и оцененные им пережитые события и его составляющие компоненты вербальными средствами по определенным правилам. При этом наблюдается погружение не в само прошлое, а в хранящиеся в памяти образы и оценки. Важную роль в построении дискурса-высказывания играет его личностный хронотоп, отражающий важные коллективные события и их переживание.

Работа над изучением бытийного дискурса на основе лингвистических источников различных исторических периодов позволит выявить его основные механизмы, создать наиболее полную его модель и средства его реализации.

Список литературы

1. Греймас, А. Ж. Семиотика: объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. – М., 1983. – С. 483–550.
2. Дмитровская, М. А. Философия памяти / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 78–85.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2004. – 447 с.
4. Кибрик, А. А. Дискурс / А. А. Кибрик, П. Б. Паршина // Электронная Энциклопедия Кругосвет. – URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/print.htm>.
5. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
6. Миронова, Н. Н. Политический дискурс vs оценочный дискурс / Н. Н. Миронова // Политический дискурс в России. – М., 1997. – С. 41–50.
7. Падучева, Е. В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 164–168.

8. Руперт, И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий / И. Б. Руперт // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. – СПб., 2001. – С. 23–38.
9. Туровский, В. В. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* / В. В. Туровский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 91–94.
10. Юнаковская, А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) : хрестоматия / А. А. Юнаковская. – М., 2007. – 168 с.

Сведения об авторе

Юнаковская Алла Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Омского государственного университета.

a.yunakovskaja@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27 (382).

Philology Sciences. Issue 98. Pp. 189–193.

INDEXES OF EXISTENTIAL DISCOURSE (on material of Omsk)

A. A. Yunakovskaya

Omsk State University. a.yunakovskaja@mail.ru

The article represents indexes of existential discourse. The analysis is based on the recorded speech utterances containing memories of his life, allowing him to refer to figurative type, reflecting the reality.

A study of the scientific literature are highlighted basis to form existential discourse: the actor (the subject of discourse), he created a narrative that reflects a particular time and space, shape memory, personal conceptsphere, reflecting the author's vision of the world.

Analysis of samples of spoken language media outlets urban culture showed that the basis for it is personal chronotop, forming the stored images.

Keywords: *existential discourse, memory – the story, personal chronotop, characteristics of time and space.*

References

1. Greimas A.J., Kurt J. Semiotika: ob#jasnitel'nyj slovar' teorii jazyka [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. Pp. 483–550. (In Russ.).
2. Dmitrovskaya M.F. Filosofija pamjati [Philosophy of memory]. *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* [The logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, 1991. Pp. 78–85. (In Russ.).
3. Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: identity, concepts, discourses]. Volgograd, 2004. 447 p. (In Russ.).
4. Kibrik A.A., Parshin P.B. Diskurs [Disurs]. *Jelektronnaja Jenciklopedija Krugosvet* [Electronic Encyclopedia Krugosvet]. Available at: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/print.htm>. (In Russ.).
5. *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* [The logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, 1991. 204 p. (In Russ.).
6. Mironova N.N. Politicheskij diskurs vs ocenochnyj diskurs [Political discourse vs evaluative discourse]. *Politicheskij diskurs v Rossii* [Political discourse in Russia]. Moscow, 1997. Pp. 41–50. (In Russ.).
7. Paducheva E.V. Govorjashhij: sub#ekt rechi i sub#ekt soznanija [Century Speaker: the subject of the speech and the subject of consciousness]. *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* [The Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, 1991. Pp. 164–168. (In Russ.).
8. Rupert I.B. Tekst i diskurs: k opredeleniju ponjatij [Text and discourse: toward the definition]. *Tekst i diskurs. Problemy jekonomicheskogo diskursa* [Text and discourse. Problems of economic discourse]. St. Petersburg, 2001. Pp. 23–38. (In Russ.).

9. Turovskiy V.V. Pamjat' v naivnoj kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit' [Memory in the naive picture of the world: to forget, to remember, to remember]. *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* [The Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, 1991. Pp. 91–94. (In Russ.).

10. Yunakovskaya A.A. *Razgovornaja rech' nositelej massovoj gorodskoj kul'tury (na materiale g. Omska)* [Speaking of the media of mass urban culture (on material of Omsk)]. Moscow, 2007. 168 p. (In Russ.).